

ism, murder or torture." He said Sunday, though,

Mr. Putin, meanwhile whipped up support w

ПУТИНСКАЯ РОССИЯ

Poroshenko has stressed that despite the cease-fire, Ukrainian forces would re-

the east become a lever influencing Kiev if the granted greater autonomy.

Mr. Putin said the key to forging a lasting peace in Ukraine would require talks include all sides.

"It is vital that dialogue between all conflicting sides would begin on the basis of the cease-fire to find a promise acceptable for

ДМИТРИЙ САЙМС

ПУТИН И ЗАПАД

НЕ УЧИТЕ РОССИЮ ЖИТЬ!

accused of arming. Kremlin, meanwhile, led its support for a Ukrainian politician who spoke to Mr. Putin as an intermediary in talks that it should focus on giving eastern regions more autonomy from Kiev.

ern leaders have said they intend to step up pressure on Mr. Putin to stop separatists from fighting across the border with a threat of tougher sanctions.

Ukrainian President Poroshenko reiterated

suming the presidency earlier this month, doesn't want a true cease-fire because it "would simply allow Russia to consolidate the gains of its aggression," he said. He doesn't want to esca-

the Kremlin in Moscow. As an intermediary in the talks, the Kremlin is supporting Viktor Medvedchuk, a Ukrainian politician and confidante of Mr. Putin, who is known in Ukraine for his pro-Russia views. In a recent interview, Kremlin spokesman Dmitry Peskov on Sunday said that Mr. Medvedchuk had received the go-ahead from separatist leaders to meet with officials from the Organization for Security and Co-operation in Europe, who were trying to arr

Путинская Россия. Взгляд с Запада

Дмитрий Саймс

**Путин и Запад. Не
учите Россию жить!**

«Алисторус»

2015

Саймс Д.

Путин и Запад. Не учите Россию жить! / Д. Саймс —
«Алисторус», 2015 — (Путинская Россия. Взгляд с Запада)

Дмитрий Саймс – американский политолог советского происхождения. В США он работал советником президента Никсона по вопросам внешней политики, сейчас возглавляет Никсоновский центр и является издателем журнала «The National Interest». В своей новой книге Дмитрий Саймс анализирует политику Владимира Путина за последние годы. С определенными оговорками он считает ее обоснованной, а действия администрации Обамы, напротив, поспешными и часто выходящими за рамки здравого смысла. Отдельно он рассматривает политику Евросоюза, который ведет себя так, будто бы Россия является его частью, оценивая ситуацию в ней с точки зрения демократических стандартов ЕС. Между тем Россия имеет собственные традиции и особенности развития, поэтому пытаться «учить ее жить» по западным меркам по крайней мере неразумно. Дмитрий Саймс доказывает все это на многочисленных примерах из практики отношений России и Запада за период правления Путина.

Содержание

Вместо предисловия. Бжезинский на нас обижен	7
Теряя Россию	11
Американская администрация получила от Путина, что просила	11
Беда в том, что у Кремля нет в США своих лоббистов	14
Теряя Россию...	19
Американская политика должна стать более реалистичной	28
У Вашингтона мало рычагов воздействия на Москву	29
Утопия глобальной подотчетности	30
Имперская дилемма Америки	31
США не назначали себя сверхдержавой	38
Военная сила не должна быть орудием мировой политики	42
Антироссийское лобби в США	47
Правила исключения	51
Утопия глобальной подотчетности	53
«Непропорциональные» ответы России	55
Разногласия между Россией и США по Ирану и Сирии	55
Разве США понравилось бы, если бы Россия разместила ПРО в Мексике?	58
Восточноевропейское лобби Америки	59
Россия и Грузия	61
О «непропорциональных» ответах России	63
О реакции США на события в Южной Осетии	64
Не надо преувеличивать возможности Саакашвили	67
Антиамериканская ось России и Китая требует особого подхода от США	69
Как Обама подталкивает Россию и Китай навстречу друг другу	71
Мазохизм – не для сверхдержав	74
Будет ли «перезагрузка-2»?	77
Мораль американского реализма	77
О внешней политике Обамы	83
Нелегкий груз – «перезагрузка»	85
На что готов пойти Обама	88
Отношения США с РФ могут попасть в опасную полосу	90
Российская политика не всегда понятна американцам	94
Будет ли «Перезагрузка-2»	96
Что роднит США и Россию	100
Украина, Россия и США	102
Путин не имел агрессивных планов в отношении Украины	102
Ошибки украинской оппозиции	104
Киев должен избавиться от иллюзий в отношении России	106
Украина, Россия и США	107
Сбитый «Боинг» и российско-американский конфликт	110
Трудная дорога к миру на Украине	112
Федерализация – оптимальный способ сохранения единства Украины	114
Когда будут отменены санкции против России	115

Возможен ли заговор против Путина?	117
Можно ли ожидать усиления роли спецслужб в России?	117
«Плач по демократии» в России	119
Путину далеко до «дяди Джо»	132
Возможен ли заговор против Путина?	133

Дмитрий Саймс
Путин и Запад. Не учите Россию жить!

© Саймс Д. (Simes D.), 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Вместо предисловия. Бжезинский на нас обижен

Фигура Дмитрия Саймса интересна не только как олицетворение неординарного эмигранта из Советского Союза, который практически молниеносно совершил головокружительную, по масштабам США, карьеру, став советником по внешней политике президента Никсона. Ему удалось сохранить удивительно добрые отношения с политической элитой на своей прежней родине и при этом рьяно отстаивать интересы родины, вновь обретенной. Этим видимым парадоксом, вероятно, можно объяснить исключительную влиятельность Дмитрия Саймса как в Москве, так и в Вашингтоне.

— Господин Саймс, какова история создания вашего центра? Как вы понимаете его миссию?

— Наш центр был создан 20 января 1994 года Ричардом Никсоном, через 25 лет после его президентской инаугурации. В это время в Вашингтоне было много разных мозговых трестов — либеральных, консервативных, неоконсервативных. Но такого места, где внешнеполитические реалисты ощущали бы себя как дома, не было. И Никсон решил его создать. К сожалению, он умер вскоре после того, как было объявлено о создании центра. Мы же, что называется, руководствовались никсоновскими заветами, хотя и шли по своему пути.

Центр Никсона — организация непартийная, или двухпартийная. Конечно, у нас есть свое политическое лицо. То, что я бы назвал «правоцентристская организация», умеренная по своей политической ориентации, но весьма склонная к тому, чтобы занимать необычные позиции и поднимать те вопросы, которые могут показаться кое-кому весьма неприятными.

Когда мы говорили с Никсоном о создании центра, он все время повторял: «Вы должны продемонстрировать мне две вещи. Первое, вы должны мне показать, где конкретная ниша для этого центра. А второе, вы должны мне доказать, почему другие не могут делать то же самое, так же хорошо или еще лучше». Поэтому мы не боимся быть провокаторами. Провокаторами не в отрицательном смысле, кого-то на что-то провоцируя, но занимающими такие позиции, которые могут показаться кому-то неожиданными, идущими слишком далеко.

Нам казалось, что в Вашингтоне слишком много людей, которые идут в мозговые тресты не потому, что хотят производить серьезные и новые идеи, а потому, что либо их присутствие в администрации закончилось, либо потому, что они надеются оказаться в следующей администрации. Такие люди, мягко говоря, бывают слегка ангажированы. Их позицию почти по каждому вопросу можно предсказать еще до того, как они стали изучать какой-то вопрос. Они просто смотрят, где находится основополагающее направление мысли в их партии или в их течении, что и становится их отправной точкой.

Мы отличаемся от других неправительственных организаций в Америке, поскольку сознательно решили, что не будем заниматься внутриполитической ситуацией в других странах. Мы хотим вести внешнеполитический диалог, например с истеблишментом России — с таким, какой он есть, а не таким, каким его хотелось бы видеть. Наши дискуссии с российскими коллегами неофициальны и неформальны. Мы не хотим подменять министерства иностранных дел наших стран. В то же время мы хотим, чтобы те люди, с которыми мы общаемся, имели бы выход к соответствующим фигурам в правительстве.

У нас есть небольшой, но очень авторитетный штат ведущих специалистов, которые возглавляют наши программы. Но мы не были бы столь эффективны, если бы у нас не было наших «старших товарищей». Под «старшими товарищами» я имею в виду тех людей, которые не работают в центре, но очень активно с нами сотрудничают, возглавляют наш совет директоров и консультативный совет. Нам было бы трудно вести эффективный диалог с Россией, если бы мы примерно раз в год, а иногда и чаще не организовывали бы ланчи между президентом

Путиным и почетным председателем нашего центра Генри Киссинджером. Нам было бы труднее работать с конгрессом, если бы в наш совет директоров и исполнительный комитет центра не входил бы сенатор Пэт Робертс, председатель сенатского комитета по разведке. Таких людей у нас в совете директоров и исполнительном совете достаточно много. Они являются, если хотите, приводными ремнями между нами и органами высшей власти.

– *С кем именно вы общаетесь в Москве?*

– Когда российская делегация недавно приезжала сюда, в Вашингтон, она встречалась с помощником секретаря по национальной безопасности Стивом Хедли, с первым заместителем министра обороны по международным делам, со многими ответственными представителями Госдепа и Белого дома. Мы же, когда приезжаем в Москву, традиционно встречаемся с министром иностранных дел, с секретарем Совета безопасности, с Шуваловым, с Дмитрием Медведевым, до него – с Волошиным… С людьми на этом уровне. Двое моих коллег были осенью в Москве и в составе группы встречались с президентом Путиным.

Когда мы работаем с российскими коллегами, у нас нет какого-то одного стратегического партнера. По каждому вопросу мы находим организацию, которая целесообразна для нас как партнер. Координатором нашей последней поездки в Москву являлся Фонд эффективной политики, возглавляемый Глебом Павловским. Но у нас в России есть другие партнеры, как и у Глеба Павловского в США.

Нас в Вашингтоне часто упрекают в том, что мы занимаем пророссийскую позицию. Господин Бжезинский особенно часто упрекает нас и очень на нас обижен. Мы, конечно, очень переживаем, что не соответствуем его очень высоким ожиданиям. Как говорится, жизнь тяжела, и мы готовы и с этой печальной участью примириться. Мы исходим из того, что в диалоге по проблемам национальной безопасности у России и Америки есть свои интересы, и они должны быть четко сформулированы. Там, где возможно, следует искать точки соприкосновения и возможности для сотрудничества. Где невозможно – стараться найти формулу, чтобы разногласия не становились космическими и не мешали нам сотрудничать там, где вероятно совпадение взаимных интересов.

– *Можете ли вы объяснить, почему правительство США все же нуждается в организациях вроде вашей?*

– Когда мы создавали свой центр, мы не советовались с правительством США. И для нас мнение правительства по этому поводу не было центральным. Для того чтобы понимать, что происходит в американской политике, нужно иметь возможность диалога с властью. Мы такой диалог ведем. Но мы исходим из того, что очень трудно повлиять на политические решения со стороны. Я живу в Вашингтоне уже более 30 лет, общался с очень важными и значительными фигурами власти. И мне очень трудно представить себе, как можно повлиять на некое решение, разговаривая с кем-то в какой-то администрации. Мы пытаемся влиять реально, за счет нашего участия в политическом диалоге.

Чего практически нет в Москве – это взаимосвязей сообщающихся сосудов между организациями вроде нашей, средствами массовой информации и конгрессом. Если господин Гвоздев (редактор журнала *The National Interest*) сначала появляется на телевидении, затем его приглашают на слушания в конгресс, то возникает вопрос не о том, почему он нужен администрации, а почему администрация должна с ним считаться. Если его потом приглашают на встречу с вице-президентом, то это неизбежно потому, что он нужен вице-президенту, а потому, что он представляет собой величину и носителя точки зрения, которая важна для вице-президента, для Белого дома.

По многим вопросам мы находимся в оппозиции и совсем не рассчитываем, что власть будет обращаться к нам за советом. Мы пытаемся сделать так, чтобы наши мнения имели политическое значение, чтобы их нельзя было бы игнорировать. С помощью средств массовой информации мы имеем возможность определять формат дебатов и их приоритеты. Например,

мы можем выказывать повышенный интерес к тому, что делается в Ираке, но гораздо меньший акцент делать на том, что происходит в Северной Корее.

Я много лет назад разговаривал с Доном Кендаллом (легендарный глава компании «Пеппико». – Ред.). Я встречался с ним в Университете Джона Хопкинса, где возглавлял небольшую программу по России и Восточной Европе. Дон Кендалл нас финансово поддерживал. Раз в месяц он меня приглашал на ланч в свою роскошную штаб-квартиру под Нью-Йорком. Дон был в хорошем настроении, постоянно подливал мне «Столичной». И вот он мне говорит: «Видел тебя недавно по телевизору. Ты выступал по поводу политики СССР. Но когда ты последний раз разговаривал с Брежневым?». Я ему ответил: «Понимаете, Дон, я вообще с ним никогда не разговаривал». Это было не совсем правдой: однажды я встретился с Брежnevым на одном мероприятии в Москве до моей эмиграции, но поговорить нам особенно не удалось. «А вот я, – продолжал Дон, – вернулся из Москвы два дня назад и проговорил с Леонидом три часа. И он мне сказал то-то и то-то». Но тогда я спросил Дона Кендалла: а когда он разговаривал с обычными русскими, когда он последний раз заходил в советский магазин и интересовался, есть ли там колбаса, разговаривал ли он с секретарями обкомов, которые бы рассказали, в какой степени выполняются планы или почему они не выполняются. Конечно, на том уровне, на котором действовал Кендалл, эти вопросы были из совсем другого мира. Так вот мы и пытаемся принести в дискуссии новое измерение, которого часто не хватает в политических дискуссиях. Это наша миссия.

– *Какого рода иерархия существует в вашем центре?*

– У нас директора программ в принципе равны. Они необязательно равны между собой по своему престижу, возрасту и соответственно вознаграждению. Постоянных сотрудников у нас 18 человек. Кроме того, работают на полставки младшие научные сотрудники. У руководителя каждой программы есть такая группа сотрудников, на которых они полагаются. Но все обладают достаточной степенью автономии.

Мы с самого начала хотели быть небольшой организацией. Чем меньше, тем у вас больше средств на все остальное. Первые годы своей профессиональной жизни я провел в Институте мировой политики и международных отношений, работая на человека, которого звали Евгений Максимович Примаков. Работали мы вместе с Игорем Сергеевичем Ивановым на человека, которого звали Николай Николаевич Иноземцев. Я помню, даже тогда наши постоянные разговоры шли о том, что в институте было 750 сотрудников; если бы из них уволили человек 500, он стал бы только лучше, а оставшиеся, соответственно, получали бы лучшую зарплату. Кроме того, если бы мы стали крупной организацией, нам было бы трудно занимать позиции, которые я называл провокационными. Наконец, когда мы берем сотрудников, то исходим из того, что это люди, которые могут действовать на самом высоком уровне. Для наших руководителей программ возможность встречаться с руководителями стран, которыми они занимаются, является нормой. Если наша руководитель программы по энергетике находится в Азербайджане, то она встречается с Алиевым. Когда она бывает в Казахстане, она летит на самолете господина Назарбаева. Таких людей на рынке немного.

– *Пытается ли ваш центр представлять консолидированную точку зрения или же он является лишь площадкой для экспертов?*

– Ни одна серьезная организация вроде нашей не будет заставлять своих сотрудников произносить какие-то слова. Это неправильно, да и невозможно с людьми на определенном уровне. Но мне трудно представить себе человека в Heritage Foundation, который являлся бы либеральным демократом. Мне трудно представить себе человека в Carnegie Endowment, который был бы республиканским изоляционистом. Совершенно очевидно, что чем организация крупнее, тем более она эклектична. У каждой организации свое лицо. В Центре Никсона есть, конечно, разные люди, с разными подходами. Когда какого-то из наших сотрудников приглашают для выступления в конгрессе, никто не приходит к руководству центра с вопро-

сом, можно ли это сделать. Никто нам не представляет свои материалы для предварительной цензуры. Когда кто-то решает написать статью, никакого предварительного согласования или редактирования у нас нет и не может быть. Как организация мы очень редко выступаем с какой-либо позицией.

Но, с другой стороны, я бы склонил, если бы сказал, что у нас нет своего лица. Оно у нас есть. Вы не найдете в Центре Никсона людей, которые считают, например, что США – это центр мирового зла. Если бы они здесь оказались, в долгосрочной перспективе им было бы некомфортно. Вы не найдете здесь людей, которые скажут, что главная миссия США – это распространение в мире добра и что все остальные должны Америке подчиняться. Это центр, ориентированный на политический реализм. Ну а внешнеполитический реализм говорит с разными акцентами, на нескольких диалектах. И они представлены в Центре Никсона.

– *Насколько различается работа российских и американских мозговых трестов?*

– Мы работаем по-разному. В России мозговые трести тесно сотрудничают с властью. Хотя мы и стремимся тесно сотрудничать с любой администрацией, мы хотим, чтобы между нами и этой администрацией была если не каменная стена, то высокий забор. В этом заборе может быть пара калиток и даже одни большие ворота, но мы хотим играть по очень четким правилам. Мы очень осторожно относимся к любому государственному финансированию. Я не верю, что тот, кто платит, не захочет когда-нибудь, даже подсознательно, заказывать музыку, а весь смысл нашего существования в том, чтобы музыку мы писали сами.

Когда мы публикуем статьи в газетах, нам важно сознавать, что они будут иметь реальный резонанс. Руководители телепрограмм очень ориентируются на аналитические статьи в больших газетах. Я разговаривал с некоторыми людьми, определяющими политику на российском телевидении, но там механизм принятия решения несколько другой и ориентация на газетные статьи, прямо скажем, существенно меньше. Здесь есть двухпартийный конгресс, где у меньшинства очень большая и реальная власть, где в каждой комиссии имеется аппарат большинства и аппарат меньшинства. Когда готовятся слушания, свидетелей отдельно приглашают и республиканцы, и демократы. В России, как мне кажется, Дума сегодня играет совсем другую роль, чем конгресс в США. Это те самые механизмы, которые позволяют нам действовать по-другому. Механизмы влияния в наших странах не совпадают.

Беседа проходила в рамках International Visitor Leadership Program, организованной посольством США в России 27.03.2006.

Теряя Россию

Американская администрация получила от Путина, что просила

(из интервью «Новой газете», 01.10.2001)

Со дня трагических событий в Нью-Йорке проходит все большие и большие времена, каковы сейчас настроения американцев? Как они относятся к плану сотрудничества, предложенному Россией?

Об этом мы разговариваем с директором «Никсон-Центра», известным американским политологом и специалистом в области американо-российских отношений Дмитрием Саймсом.

– Дмитрий, прокомментируйте, пожалуйста, речь Путина в Германии относительно позиции России в акции возмездия.

– Мне кажется, что эта речь разумная. Она была однозначно хорошо воспринята в Германии – бундестагом и канцлером Шредером – и в целом хорошо воспринята в Соединенных Штатах. Речь создает впечатление, что президент Путин принял четкое решение в этой сложной и драматической ситуации – ориентироваться на участие в коалиции против терроризма и сотрудничество с Соединенными Штатами. Он, естественно, хочет, чтобы интересы России и его личные принимались во внимание. Он говорит о необходимости более активных и более углубленных консультаций. И я думаю, что иного в его положении трудно было бы ожидать.

Реакция на позицию России, особенно если речь идет об американской администрации, строится не только на основе публичных заявлений президента Путина, хотя они, конечно, изучаются, рассматриваются весьма серьезно, но и на основе многих других разговоров. Хочу обратить ваше внимание на практически беспрецедентный часовой телефонный разговор в позапрошлую субботу между Бушем и Путиным. И результаты этого разговора воспринимаются очень серьезно американскими высокопоставленными лицами. Эта беседа вызвала уважение у президента, который говорил своим коллегам, что Путин хочет, чтобы с Россией больше консультировались, что у него, естественно, есть свои интересы, чтобы проблема Чечни не была исключена из этой общей борьбы с мировым терроризмом, и что в то же время он вел себя как человек, как лидер, который готов серьезно сотрудничать с Соединенными Штатами.

Я хочу обратить ваше внимание, что США абсолютно удовлетворены позицией России в отношении воздушных перелетов. И президент Путин сформулировал, что будут иметь место перелеты с гуманитарными грузами. Но при этом не была предложена никакая процедура проверки, какие грузы – гуманитарные, какие – не гуманитарные. То есть в общем американская администрация получила от президента Путина то, что просила. И я думаю, что серьезным отношением президента Путина к сотрудничеству с Соединенными Штатами можно объяснить неожиданное понимание американской администрацией проблем, с которыми столкнулась Россия в Чечне. И я думаю, что это нормальная основа для диалога и сотрудничества, которая строится не на словах, личном обаянии лидеров, похлопываний по плечу и объятиях. А на том, что две стороны встречаются и говорят: вот мои национальные интересы, вот твои национальные интересы. Нам кажется, что они в основном совпадают. Как мы можем сделать так, чтобы это совпадение привело к конкретным результатам? И это совпадение националь-

ных интересов начало приводить к конкретным подвижкам после диалога президента Путина и президента Буша.

– *Существуют ли различия в настроениях американцев? По принципу левые – правые, интеллектуальная элита – средний американец.*

– Я думаю, что в Америке по-прежнему существует морально-политическое единство. Оно сложилось по ряду причин. Во-первых, потрясение настолько сильно, что разногласия отступают на второй план. И те, кто видел, что произошло в нижнем Манхэттене, поместили на вторую и третью полки все несовпадения во взглядах. Во-вторых, в Америке есть хорошая традиция. В момент кризиса конгресс и нация сплачиваются вокруг президента, который является Верховным главнокомандующим. Мы все хотим дать ему возможность защитить национальные интересы и проявить себя. Всегда найдутся какие-то группы, у которых есть своя точка зрения. Они хотели бы, чтобы мы разбомбили все остальное человечество или, наоборот, чтобы мы не замарали руки кровью хотя бы одного невинного младенца. Эти перспективы понятны. Но они не имеют отношения к серьезной политической динамике в Соединенных Штатах сегодня.

– *В первые дни после конфликта на интернет-форумах все же появились совершенно разные точки зрения. На форуме газеты «Los-Angeles Times», например, многие американцы критиковали речь Буша и обвиняли администрацию в том, что случилось.*

– С фактической точки зрения вы правы. Не сомневаюсь, что, если бы вы посмотрели на форумы других газет, вы бы увидели то же самое. Особенно в таких больших и сложных по своей композиции городах, как Лос-Анджелес, который был далеко от трагедии.

И в то же время хочу вам напомнить, что люди, которые принимают участие в такого рода форумах, нетипичны. Я, например, не знаю ни одного такого человека. Это определенный контингент. Я говорю это не скептически. На это интересно посмотреть, но представлять как социологический опрос было бы неразумно. Если вы ознакомитесь с существующими опросами, то увидите, что подавляющее большинство – около 90 % – поддерживают то, что делает президент. Это состоятельные и менее состоятельные, американцы белые и американцы черные. И даже подавляющее большинство американских мусульман. Естественно, такая ситуация не будет продолжаться бесконечно. И это обнаруживается уже сейчас. Люди в частном порядке начинают говорить: знает ли администрация, что она делает? Какой у них план? Почему до сих пор не были нанесены удары?

Сегодня я разговаривал с одним из ведущих авторитетов в области американской внешней политики. Он спросил меня, что я думаю о действиях администрации. И я сказал, что пока все неплохо. Но это отчасти происходит потому, что мы исходим из того, что дуракам полработы не показывают. Точнее, потому, что только дураки будут иметь окончательное мнение по поводу вещей, которые мы еще не знаем. Но, конечно, есть какой-то элемент беспокойства: а что произойдет? как это будет сделано? не теряем ли мы драгоценное время в поисках создания коалиции? И этот человек, который неоднократно появлялся на американском телевидении и с которым считаются очень многие, сказал: «Да, я с тобой абсолютно согласен. Просто я этого не мог публично сказать, потому что это стало бы новостью». И у администрации есть такой запас общественного доверия, когда люди готовы истолковывать любое сомнение в их пользу, потому что люди хотят, чтобы президент и администрация достойно и эффективно справились с этими задачами.

Кроме того, в 2002 году в Америке состоятся выборы в конгресс – выборы довольно серьезные. И я думаю, что если к этому времени Америка будет участвовать не в нормальной, полноценной войне, а в такой непонятной ползучей войне, вы увидите, какие будут серьезные партийные разногласия.

– *На ваш взгляд, если бы трагические события случились в России, пришли бы люди в Вашингтоне к российскому посольству так же, как россияне – к американскому? Более того,*

два года назад взрывы в Москве не спровоцировали никаких общественных обсуждений ни на улицах, ни в массмедиа.

– На этот вопрос нет простого ответа. В Америке в последнее время подавляющее большинство американцев после окончания холодной войны вообще внешней политикой перестали интересоваться. Конечно же, за исключением нескольких элит, интересующихся внешней политикой. Посмотрите на американские СМИ и особенно на телевидение. Объем международной информации по телевидению сократился очень и очень резко. А для того чтобы с чем-то по-настоящему идентифицироваться, нужно это по-настоящему знать. Нужно иметь те же страшные кадры взрыва Международного торгового центра. Не только в отношении Москвы, но и в отношении Лондона и Тель-Авива мы их видели немного.

Кроме того, давайте называть вещи своими именами. В России тогда многие высказывали подозрения, что эти взрывы необязательно могли быть организованы чеченскими террористами и что у них могли быть и другие организаторы. Эти сомнения широко обсуждались в тех американских кругах, которые следят за внешней политикой. И они подорвали эмоциональную готовность многих идентифицироваться с тем, через что прошли москвичи и жители других городов. И даже те люди, которые, как и я, например, этим интерпретациям не до конца верили и говорили, что неправомерно выдвигать такого рода обвинения без веских доказательств, задавались вопросом: и все-таки как это произошло? Что, конечно, помешало такого рода идентификации не только среднего американца, но и следящих за внешней политикой элит.

Я думаю, что, если бы была в Москве такая же простая и понятная ситуация, как в Нью-Йорке, средний американец с его золотым сердцем помогал бы, и собирая деньги, и искренне делал все необходимое.

– *Прокомментируйте, пожалуйста, введение военной цензуры в Соединенных Штатах.*

– В США никто военную цензуру всерьез не обсуждает. Речь идет о том, чтобы не публиковать какие-то вещи, которые способствуют пропаганде ненависти и насилия и которые могут раскрыть информацию военного порядка. И все эти вещи могут быть невинными и могут быть угрожающими. Все зависит от того, где, как, на каких принципах это делается. В Америке предполагается, что будут четко сформулированные правила и что они будут исключительно в рамках закона. И никому не приходит в голову, что это будет использовано для политической цензуры.

В США сейчас вы имеете возможность задержать человека на 72 часа, если у полиции есть разумные основания подозревать его в опасности для общества. Но, для того чтобы получить на это ордер, нужно иметь доказательства, которые поднимаются до этой планки, разумные доказательства. И в Америке это свято выполняется. Вы не можете прийти в полицейский участок только потому, что кто-то вам не понравился, поскольку говорит какие-то неприятные вещи, да еще с акцентом, и приехал из Пакистана

Беда в том, что у Кремля нет в США своих лоббистов

(интервью «Независимой газеты», 22.02.2005)

– Господин Саймс, какова ваша оценка российско-американских отношений накануне саммита Буш – Путин? Произошли ли в них изменения по сравнению с первыми президентскими сроками двух президентов?

– Думаю, что фундаментальные изменения пока не произошли. Правительство Путина и администрация Буша, как мне кажется, сохраняют линию на стратегическое партнерство и видят, несмотря на имеющиеся разногласия, для себя в этом партнерстве реальные, серьезные преимущества. Именно во имя этого и организована встреча в верхах в Братиславе. С другой стороны, общий фон отношений изменился в худшую сторону, по крайней мере если речь идет о Соединенных Штатах, где СМИ, Конгресс, общественное мнение в целом все более критически воспринимают происходящие в России события, а также действия Москвы в ближнем зарубежье, которые рассматриваются как проявления неоимпериализма.

– Что послужило импульсом к усилению негативного отношения к России в Конгрессе, администрации, общественном мнении: «дело ЮКОСа», украинские выборы или что-то еще?

– Наверное, произошла комбинация вещей, и, как говорят марксисты, были объективные и субъективные факторы. Под объективными я имею в виду то, что произошло с российскими СМИ, особенно с НТВ, а также возросшее влияние властей на первый и второй каналы телевидения. Сюда также относится и то, что случилось с Думой, которая, как представляется здесь, не играет большой самостоятельной роли. Поэтому у многих в США складывается впечатление, что и СМИ, и парламент потеряли в России свою актуальность и что у одной ветви власти – исполнительной – стало слишком много контроля.

То, как обошлись с ЮКОСом, здесь практически никто не мог одобрить или по крайней мере понять. В числе этих людей и те, кто прежде негативно относились к действиям самого ЮКОСа и не являлись сторонниками Михаила Ходорковского. То, как ситуация с ЮКОСом разрешилась, как был проведен аукцион по «Юганскнефтегазу», когда абсолютно неизвестная группа откуда-то обнаружила миллиарды долларов и выиграла аукцион без соперников. Я не могу найти здесь никого, кому бы это понравилось.

Если раньше у России здесь были сторонники среди тех, для кого очень важно развитие демократии, то случившееся с парламентом и СМИ превратило этих сторонников в противников России. Бизнес не занял такую критическую позицию, но он тоже потерял интерес выступать в качестве группы поддержки России. Ведь когда здесь видят, как высокопоставленные чиновники президентской администрации становятся председателями совета директоров компаний, не до конца понятно, что это означает, как с этими компаниями сотрудничать, если ты иностранная фирма. Ведь если вдруг у партнеров возникнут противоречия, довольно трудно будет переспорить компанию, у которой большие возможности на высоком уровне, в Кремле.

Кроме того, на отношение к России повлияли также события в Грузии и особенно на Украине. И, конечно, то, как российская власть проявила себя в ходе президентских выборов в Чечне, которые все международные наблюдатели считали, мягко выражаясь, непрозрачными.

Все это объективные факторы. Субъективные же факторы заключаются в том, что в России нет информационной политики, которая была бы здесь видна и понятна. Президент Путин является и главой исполнительной власти, и своим основным публичным представителем. Многие вещи, происходящие в России, российской властью адекватно не объясняются, и поэтому площадка в США достается тем, кто относится к России критически. Бывшие олигархи и капитаны большого российского бизнеса наняли самых дорогих и эффективных аме-

риканских лоббистов и адвокатов. Они очень хорошо знают, как отстаивать свои интересы, и противовеса этому со стороны исполнительной власти в России я пока не видел. Было бы проще, если бы в России были журналисты, которые воспринимались бы как реальные создатели общественного мнения, и законодатели, у которых была бы какая-то независимая база и которые пользовались бы авторитетом. Эти люди могли бы сказать свое веское слово. Но, уменьшив возможности остальных секторов элиты, федеральная власть создала ситуацию, при которой, когда ей нужна поддержка, опереться практически не на кого.

– *Многие аналитики полагают, что единственным действенным механизмом в урегулировании разногласий между Россией и США остаются личные контакты президентов. Чего вы ожидаете от встречи на высшем уровне в Братиславе?*

– От Братиславы я жду успеха, поскольку эта встреча проводится в первую очередь для того, чтобы дать импульс российско-американским отношениям. Когда у обеих сторон есть такое желание, это должно произойти. И никаких непреодолимых препятствий я этому не вижу. В отношениях России и Соединенных Штатов нет сейчас таких антагонистических противоречий, нет такого конфликта, которые были в прошлом, например ракеты на Кубе или Шестидневная война. Так вот, сейчас нет конфликта, который помешал бы двум президентам сказать, что они в принципе о многом договорились.

Полагаю, что говорить о том, что отношения между двумя президентами строятся только на взаимной симпатии – большое упрощение. Взаимная симпатия, конечно, дело очень хорошее, но я думаю, что ни Путин, ни Буш не являются наивными идеалистами, чтобы строить отношения только потому, что они понравились друг другу. В отношениях очень много конкретики, и каждая сторона получила от этих отношений весьма немало. Каждая сторона не хочет эти отношения без нужды ломать. Но, как я уже говорил, все развивается на известном фоне, особенно в США, где общественное мнение и мнение Конгресса весьма важны. И в силу этого линию на партнерство с Россией Бушу будет проводить труднее. Ему придется все больше ее объяснять и обосновывать. Буш будет говорить Путину о российской внутриполитической ситуации опять-таки не обязательно потому, что он сам критически относится к России, а потому, что это становится препятствием для расширения отношений. И я думаю, что если бы Буш об этом не сказал Путину, он бы просто ввел своего партнера в заблуждение. Наверное, и у Путина в Братиславе появится интересная возможность пояснить свою позицию Бушу. Эти аргументы Бушу будут нужны в диалоге с американским Конгрессом и средствами массовой информации.

– *Разделяете ли вы точку зрения некоторых американских комментаторов, согласно которой Путин нравится в администрации только Бушу и Кондолизе Райс?*

– Нет, не разделяю. Во-первых, я знаю целый ряд других людей, у которых Путин вызывает уважение. Слово «нравится» «мне трудно употреблять всерьез, когда речь идет о межгосударственных отношениях. Они могут импонировать друг другу на личном уровне, и, кстати, очень многие считают Путина обаятельным человеком, как и президента Буша. Но опять-таки не на этом строятся отношения. Вице-президент Дик Чейни и министр обороны Дональд Рамсфельд также неизвестны как ястребы в отношении России.

Я бы не стал упирать на то, кто кому нравится. Возьмем в качестве примера Северную Корею, которая на днях заявила, что обладает ядерным оружием. Хотя центральным игроком в урегулировании данной проблемы, по мнению Соединенных Штатов, является не Россия, а Китай, российская позиция также немаловажна. А в отношении давления на Иран Россия является одним из центральных игроков. Америка хочет, чтобы Россия прекратила или минимально сузила свое ядерное партнерство с Ираном. Если Иран отказывается идти на эти меры, к которым его склоняют европейские страны и которые он сам обещал предпринять, тогда остается только два варианта, причем не взаимоисключающих: война и санкции. Можно сначала попробовать санкции, а если они не сработывают, тогда администрация будет думать о

военных решениях. Чтобы ввести санкции, должен проголосовать Совет Безопасности ООН, где Россия является постоянным членом с правом вето. Если подумать обо всех этих темах, становится понятно, почему партнерство с Россией продолжает иметь смысл для Америки.

Возьмем энергетику. Почему многие относятся здесь критически к тому, что было про-делано с ЮКОСом? Не только потому, что они считают, что нельзя таким образом использовать судебную систему, не только потому, что непонятно, как налоговая полиция становится чуть ли не главной силой в государстве, но потому, что сейчас очень высокие цены на нефть, которые мешают развитию Америки. И в американских интересах, чтобы Россия расширяла свое производство энергии. По мнению глав американских нефтяных компаний и американских аналитиков, Россия не может сделать это без крупных иностранных инвестиций. Поэтому если она иностранных инвесторов оттолкнет, то в первую очередь она накажет себя, но также Москва накажет и международные энергетические рынки. В американских интересах, чтобы российская энергетика преуспевала.

– В газете «Нью-Йорк таймс» «недавно была публикация, согласно которой Америка разрабатывает новое ядерное оружие. Несколько месяцев назад президент Путин заявил, что у России скоро также появится новое ядерное оружие. Не являемся ли мы свидетелями очередного витка гонки вооружений?

– Еще во время администрации Рейгана, в середине советской перестройки, в Вашингтоне была организована так называемая военная игра. Американского президента играл Брент Скаукрофт, бывший и потом еще будущий помощник президента США по национальной безопасности, а на роль Горбачева избрали меня. Мы очень долго проигрывали конфликт в центре Германии и пришли к выводу, что возможен только один вариант применения ядерного оружия: если бы не СССР, а именно НАТО первая перешла границу Восточной Германии с большими неядерными силами. Тогда в стране поднялось бы восстание, и крупные силы НАТО оказались в центре Восточной Германии. Только так мы смогли вообразить возможный повод для ядерного конфликта. А сегодня я не могу вообще представить себе сценарий для российско-американского ядерного столкновения.

– Против кого тогда может быть направлено это оружие?

– Во-первых, ядерное оружие у вас либо есть, либо его нет. Если оно у вас есть, вам надо его испытывать. Иначе оно устаревает и перестает быть надежным. Если вы его должны на каком-то этапе заменить, потому что оно устарело, то по определению вы не захотите заменять его тем же самым, а замените его тем, что наиболее актуально с военной точки зрения, что более надежно. В американском случае речь идет об абсолютно нормальной модернизации, с тем чтобы создать оружие, которое более надежно и которое может не применяться еще долгие-долгие годы. Речь, кстати, идет об экспериментах, которые по сравнению с затратами на Ирак требуют ничтожных денег. Есть другие вопросы о создании оружия нового поколения, например ядерных зарядов, которые могли бы проникать в бункеры, под горы и так далее. Это явно предназначено не для нападения на Россию, ее ракетные базы, подлодки. Это предназначено для тех, кто разрабатывает ядерное оружие и пытается его где-то прятать. Россия к этой категории не относится.

– Ваш анализ ситуации вокруг Ирана. Будет ли война?

– Мне трудно представить себе подобную войну, поскольку нет хороших военных сценариев. Прогуляться на танках до Тегерана, конечно, можно, но что дальше? Мы уже видели, что произошло в Ираке: за что боролись, на то и напоролись. На берегах Тигра и Евфрата создалась очень тяжелая ситуация. Лично я был в свое время сторонником войны в Ираке, потому что не видел другого выхода и считал, что все альтернативы были еще хуже. Но я полагал с самого начала, что нужно было убрать Саддама Хусейна, создать условия для работы инспекторов и срочно уйти, передав власть тому, кто был готов ее подхватить: под эгидой ООН, Лиге арабских государств и т. д. Этого сделано не было. Сейчас, парадоксально, мы в какой-то мере начинаем

к этому возвращаться, возвращаться к отказу от максималистских демократических планов по реформированию Ирака. То, что продолжается сейчас в Ираке, может показать, как будет развиваться ситуация в случае широкомасштабных военных действий против Ирана. Другой вариант – нанести точечный удар по иранским ядерным объектам, но их точное местоположение мы даже не знаем. Представьте себе также иранскую реакцию и реакцию европейских союзников США. Это был бы крайне нежелательный поворот событий, и поэтому я надеюсь, что все будет сделано для того, чтобы дать возможность работать дипломатии. И тут требуется гибкость как с американской стороны, так и иранской. Не последнюю роль, конечно, играют отношения между Ираном и Израилем, поскольку именно угроза Ирана Израилю подливает масла в огонь и создает дополнительную опасность, ведь Израиль сам может атаковать Иран. Про это говорил американский вице-президент Чейни: а потом, мол, США придется расхлевывать последствия.

– В последнее время официальные израильские представители заявляли, что уже в этом году в Иране будет пройдена точка, после которой обратить ядерную программу страны будет уже невозможно, то есть критический момент практически назрел.

– Если бы я был на месте израильских официальных лиц, я бы тоже не позволял иранцам слишком расслабляться. Нет никакого противоречия между упором на дипломатию и демонстрацию реального потенциала применения силы. Дипломатия – это не только разговоры, это и просчет реальных вариантов, в том числе и силовых. Дипломатия с позиции силы практиковалась еще на заре человечества. Ситуация, повторюсь, очень сложная. Иран решительно выступает против арабо-израильского урегулирования, поддерживает «Хезболлах». Сейчас появились сведения, что он поддерживает ХАМАС. Для Америки пока это серьезная, но не апокалиптическая проблема. А для Израиля Иран – это потенциально апокалиптическая проблема. В результате Израиль сохраняет сценарий своих односторонних действий против Ирана, а во-вторых, максимально давит на Соединенные Штаты, чтобы те что-то сделали. Когда я говорю «давит», я не имею в виду, что Вашингтону выкручивают руки, но настойчиво повторяют: «Если вы не поможете нам разрешить эту проблему, нам придется сделать это самим».

– Способен ли, на ваш взгляд, Израиль на односторонние силовые действия против Ирана, хватит ли у него сил?

– Я думаю, что сил не хватит, если речь идет об уничтожении иранской ядерной программы на долгие годы, но в политике очень важно хотя бы отсрочить проблему, если ты не можешь ее разрешить. И это, наверное, по силам Израилю. В случае односторонней атаки Израиля существует угроза взрыва всего Ближнего Востока. В результате может возникнуть сильный антиизраильский, антиамериканский синдром. Это отдельная проблема. Именно поэтому США не хотели бы, чтобы Израиль делал подобные односторонние шаги. И все же если будет атака «Хезболлах» или ХАМАС, особенно с применением ОМУ против Израиля, то очевидно, что на израильское правительство будет оказываться сильное давление с целью предпринять какие-то шаги. Ситуация очень опасная. Мне кажется, что это один из тех аспектов международной политики, который должен заставить всех призадуматься и немного смирить гордыню, пойти навстречу друг другу. Это касается и Соединенных Штатов. США ведь заняли позицию, согласно которой, если бы Северная Корея отказалась от ядерного оружия и разрешила адекватные инспекции своих объектов, Вашингтон был бы готов рассмотреть выделение ей определенной экономической помощи. Если с КНДР, как мне кажется, делать это уже слишком поздно, то с Ираном пока нет. Поэтому договоренности с Ираном должны включать гарантии его безопасности, гарантии того, что там не будут пытаться менять режим из-за рубежа. С другой стороны, Иран должен отказаться от своей программы, должен понять, что если он не сделает этого по-хорошему, мирным путем, то окажется в ситуации если не войны, то перманентной изоляции, санкций и т. д.

– *В Ираке продолжается эскалация насилия. На ваш взгляд, не пора ли Америке подумать о exit strategy, то есть «стратегии ухода» из этой страны?*

– Exit strategy существует. Она состоит в том, чтобы создать легитимное правительство Ирака, пользующееся поддержкой основных групп населения, и постепенно передать этому правительству ответственность за безопасность страны, а потом не оставаться в Ираке ни днем дольше того, чем требуется, приветствуя иракским правительством. Все исходят из того, что легитимные иракские власти не захотят, чтобы оккупация продолжалась дольше, чем это необходимо, потому что оккупация помогает бороться с повстанцами, но она в то же время их и порождает. Иногда люди, говорящие об exit strategy, имеют в виду нечто другое, а именно – срочно взять и смыться. Но это, к счастью, администрация Буша делать не готова. Это не предлагает американский Конгресс. Как только даешь график ухода, то у другой стороны нет уже никаких причин идти на компромиссы, вступать в политический процесс, следовательно, ты подрываешь правительство, которое сам поддерживаешь, потому что сразу возникает вопрос: а зачем это правительство поддерживать, зачем ему подчиняться, если, может быть, через полгода его вообще не будет?

Вопрос для меня не в том, есть ли exit strategy: она есть. Но как иметь правильную стратегию ухода? Правильный вариант, на мой взгляд, тот, который не построен на ожиданиях джефферсоновской демократии в Ираке, то есть на немедленном предоставлении равных прав женщинам, создании идеальных отношений между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. Надо создать в Ираке ситуацию, при которой будет режим, способный более или менее стабилизировать государство; режим, который не будет тираническим и будет готов исключить пребывание на иракской территории террористов. Если такой режим удастся создать, то тогда, на мой взгляд, можно будет сказать, что американцы свою миссию в Ираке исполнили и нужно как можно скорее уходить.

Теряя Россию...

При наличии угрозы со стороны «Аль-Каиды» и Ирана, а также растущей нестабильности в Ираке и Афганистане Соединенным Штатам не нужны новые враги. Тем не менее их отношения с Россией ухудшаются с каждым днем. Риторика с обеих сторон становится все более агрессивной, соглашения о безопасности находятся под угрозой срыва, а Вашингтон и Москва все чаще смотрят друг на друга сквозь призму холодной войны.

Хотя вновь обретенная напористость и силовое давление России как дома, так и за рубежом являются главными причинами утраты иллюзий обеими сторонами, США также несут ответственность за неуклонное ухудшение отношений. Проблемы, просчеты и преступки Москвы не оправдывают американских политиков, допустивших серьезные ошибки в период, когда они помогали России перейти от экспансионистской коммунистической империи к более традиционной великой державе.

Ошибочная линия Соединенных Штатов основывалась на распространенном в Вашингтоне убеждении, будто администрация Рейгана единолично выиграла холодную войну. В действительности дело обстояло несколько иначе, и, безусловно, большинство россиян видят распад Советского государства по-другому. Волонтаристское видение истории и есть основная причина неудач США в отношениях с Москвой в эпоху после холодной войны.

Ключевой ошибкой Вашингтона стала его склонность обращаться с постсоветской Россией как с побежденным врагом. Соединенные Штаты и Запад действительно выиграли холодную войну, но победа одной стороны не обязательно означает поражение другой. Советский лидер Михаил Горбачев, российский президент Борис Ельцин и их советники считали, что перешли на сторону США как победители в холодной войне. Они постепенно пришли к выводу, что коммунизм вреден для Советского Союза и особенно для России. С их точки зрения, они не нуждались в давлении извне, чтобы действовать в интересах своей страны.

За последние 16 лет возможности для установления отношений стратегического сотрудничества между Россией и Соединенными Штатами появлялись не раз. Однако действия восьмионских дипломатов однозначно оставляли впечатление, что превращение Москвы в стратегического партнера никогда не было для Америки приоритетом. Администрации Билла Клинтона и Джорджа Буша-младшего полагали: когда им понадобится взаимодействие с Россией, они смогут заручиться им без особых усилий или уступок. Пожалуй, особенно характерно это для команды Клинтона. Она смотрела на Россию как на послевоенные Германию и Японию, то есть как на страну, которую можно силой заставить следовать политике США и которая в конце концов научится извлекать из этого выгоды. При этом, похоже, не принималось в расчет, что Россию никогда не оккупировали американские солдаты и на нее не сбрасывались атомные бомбы. Россия трансформировалась, но не проиграла. Это обстоятельство наложило глубокий отпечаток на то, как она реагировала на поведение Соединенных Штатов.

После падения «железного занавеса» Москва не действовала ни как сателлит, ни как надежный союзник, ни как настоящий друг. Но она не вела себя и как враг, и тем более как враг с глобальными амбициями и с враждебной и мессианской идеологией. Однако сегодня весьма реален риск того, что Россия может пополнить ряды противников США. Чтобы избежать этого, Вашингтон должен понять, в чем ошибался, и осуществить необходимые меры, чтобы разомкнуть порочный круг...

Неправильное понимание и толкование завершения холодной войны повлияло на выбор неверного политического курса в отношении России. Хотя Вашингтон и сыграл важную роль в ускорении крушения советской империи, но заслуги российских реформаторов достойны куда большего признания.

Действительно, в конце 1980-х годов крушение Советского Союза или даже восточного блока вовсе не было неизбежным. Вступив в должность в 1985-м, Горбачев намеревался разрешить проблемы, которые уже были признаны при Леониде Брежневе. А именно: перенапряжение вооруженных сил в Афганистане и Африке и чрезмерные расходы на оборону, которые подрывали советскую экономику. При этом Горбачев стремился укрепить мощь и престиж Советского Союза.

Он резко сократил советские субсидии государствам восточного блока, прекратил поддержку консервативных правительств стран Варшавского договора. Все это и предпринятая им перестройка создали в Восточной Европе совершенно новую политическую динамику и привели по большей части к мирному распаду коммунистических режимов и ослаблению влияния Москвы в регионе. Рональд Рейган внес вклад в этот процесс, усилив давление на Кремль, но именно Горбачев, а не Белый дом покончил с советской империей.

Роль США в распаде СССР была еще меньше. Администрация Джорджа Буша-старшего поддержала независимость прибалтийских республик и довела до сведения Горбачева, что репрессивные меры против законно избранных правительств поставят под угрозу американо-советские отношения. Но, позволив партиям, выступавшим за независимость, соперничать и побеждать на относительно свободных выборах и отказавшись от решительного использования сил безопасности для их отстранения от власти, Горбачев практически обеспечил выход стран Балтии из Советского Союза. Россия сама нанесла финальный удар, потребовав равного институционального статуса с остальными республиками СССР. Горбачев заявил на Политбюро, что, если позволить перемены, это будет означать «конец империи». Так и случилось. После провалившегося реакционного переворота в августе 1991-го, Горбачев уже не мог удержать Ельцина, а также лидеров Белоруссии и Украины от демонтажа Советского Союза.

Администрации сначала Рейгана, а затем и Буша-старшего понимали, что обвал супердержавы был чреват опасными последствиями, и управляли распадом Советского Союза с впечатляющей комбинацией сочувствия и жесткости. Они обходились с Горбачевым уважительно, но не делали никаких существенных уступок в ущерб интересам США. В частности, они не пошли навстречу Горбачеву, отчаянно просившему предоставить масштабную экономическую помощь. У Соединенных Штатов не было веских причин содействовать спасению советской империи. Но когда администрация Буша-старшего отвергла советские призывы не нападать на Саддама Хусейна после вторжения Ирака в Кувейт, Белый дом приложил заметные усилия, чтобыенным образом выслушать Горбачева и не «тыкать его в это носом», как выразился бывший госсекретарь Джеймс Бейкер. В результате Соединенные Штаты смогли и проучить Саддама, и не ослабить узы тесного сотрудничества с Советским Союзом по большей части на условиях Вашингтона.

Критиковать администрацию Джорджа Буша-старшего можно разве что за то, что она в 1992 году не предоставила незамедлительную экономическую помощь демократическому правительству России, провозгласившей независимость. Пристально следивший за событиями переходного периода бывший президент Ричард Никсон указывал, что крупный пакет помощи мог остановить падение экономики и привязать Россию к Западу на годы вперед. Однако положение Буша было слишком шатким, чтобы дерзнуть помогать России. К тому времени он вел безнадежную борьбу с кандидатом в президенты Биллом Клинтоном, который яростно критиковал его за чрезмерное внимание к внешней политике в ущерб экономике США.

Несмотря на то что в ходе предвыборной кампании Клинтон уделял основное внимание внутренним проблемам, он вступил в должность с желанием поддерживать Россию. Его администрация сумела организовать поступление значительной финансовой помощи Москве, в основном через Международный валютный фонд (МВФ). В 1996-м Клинтон так старался поощрить Ельцина, что сравнил его решение использовать военную силу против чеченских сепаратистов с поведением Авраама Линкольна в период Гражданской войны в США.

Самым большим промахом администрации Клинтона оказалось желание воспользоваться слабостью России. Белый дом стремился, прежде чем Россия оправится от бурного переходного периода, получить для Соединенных Штатов как можно больше дивидендов и в политическом, и в экономическом отношении, и с точки зрения безопасности в Европе и республиках бывшего СССР. Бывший заместитель госсекретаря США Строуб Тэлбот рассказал, как американские чиновники эксплуатировали пристрастие Ельцина к выпивке во время личных переговоров. Многие россияне верили, что так же администрация Клинтона поступала и во всем, что касалось России. Проблема в том, что Москва в конце концовпротрезвела и начала вспоминать вчерашний вечер гневно и избирательно...

Протягивая руку дружбы, чиновники из администрации Клинтона надеялись навязать Кремлю американские представления о российских национальных интересах. Они верили, что предпочтения Москвы можно спокойно игнорировать, если они не соответствуют целям Вашингтона. Российская экономика находилась в полном упадке, армия разваливалась, и во многих отношениях Россия вела себя как страна, потерпевшая поражение. В отличие от других европейских колониальных империй, оставлявших ранее принадлежавшие им территории, Москва, покидая Восточную Европу или бывшие советские республики, не пыталась вести переговоры о защите своих экономических интересов и интересов безопасности. А тем временем радикальные реформаторы из окружения Ельцина часто приветствовали давление МВФ и США как оправдание жесткой и чрезвычайно непопулярной в России монетарной политики, которую они отстаивали.

Однако вскоре даже министра иностранных дел РФ Андрея Козырева, прозванного в России Мистером «да» за уступки Западу, стала раздражать подобная любовь клиントоновской администрации. В разговоре с Тэлботом, послом по особым поручениям в новых независимых государствах с 1993 по 1994 год, он сказал: «Плохо уже то, что вы заявляете нам, что поступите так, как решили, независимо от того, нравится это нам или нет. Не усугубляйте оскорблениеДобавляя, что подчинение вашим приказам служит нашим интересам».

Но Вашингтон был глух к подобным призывам, а высокомерный подход становился там все популярнее. Тэлбот и его помощники именовали это шпинатной диетой. Дядя Сэм по-отечески пичкал российских лидеров политикой, которую Америка полагала полезной для здоровья, не считаясь с тем, насколько неаппетитной она казалась Москве. Как выразилась Виктория Нуланд, советник Тэлбота: «Чем больше говоришь им, что это полезно, тем больше они давятся». Давая понять, что внешняя политика России (да и внутренняя тоже) не должна быть независимой, администрация Клинтона вызвала глубокое возмущение Москвы.

Такой неоколониальный подход практиковался в то же время, как МВФ предписывал России выполнение своих рекомендаций. Они, как считают сейчас большинство экономистов, мало подходили для России, а воспринимались населением настолько болезненно, что их невозможно было вводить демократическим путем. Однако радикальные реформаторы-ельцинисты с огромным удовольствием навязывали их народу.

Бывший президент Никсон, а также ряд видных американских бизнесменов и российских специалистов понимали безрассудность такого подхода и убеждали Бориса Ельцина прийти к компромиссу с более консервативным парламентом. Никсон был обеспокоен, когда российские чиновники сказали ему, что Соединенные Штаты готовы закрыть глаза на готовность администрации Ельцина предпринять «решительные» шаги против парламента, если Кремль ускорит экономические реформы. Никсон предупреждал, что «поощрять отступление от демократии в стране с такой самодержавной традицией, как Россия, – это все равно что пытаться потушить пожар горючими материалами». Более того, он утверждал: если действовать, исходя из «фатально ошибочного допущения», будто Россия не была и довольно долго не будет мировой державой, то это поставит под угрозу сохранение мира и подвергнет опасности демократию в регионе.

Клинтон встречался с Никсоном, но проигнорировал его совет и не придал значения наихудшим проявлениям ельцинского произвола. Вскоре между Ельциным и депутатским корпусом возникла патовая ситуация. Президент издал неконституционный указ о роспуске законодательного органа власти, что в итоге привело к насилию и к обстрелу здания парламента из танковых орудий. После этого Ельцин настоял на принятии новой Конституции, представляющей президенту широкие полномочия и ущемляющей права парламента. Это укрепило власть первого российского президента и создало основу для скатывания в сторону авторитаризма. Назначение Владимира Путина, главы Федеральной службы безопасности, пришедшей на смену КГБ, сначала премьер-министром, а потом исполняющим обязанности президента стало естественным следствием опрометчивого поощрения Вашингтоном склонности Ельцина к авторитарному стилю правления.

Другие аспекты внешней политики администрации Клинтона еще более усилили возмущение России. Расширение НАТО, особенно первая волна, которая включала в себя Чехию, Венгрию и Польшу, само по себе не представляло собой большой проблемы. Большинство россиян были готовы примириться с происходящим как с не слишком радостным, но и не особенно угрожающим событием. Но так продолжалось до косовского кризиса в 1999-м. Когда НАТО, несмотря на серьезные возражения России и без одобрения Совета Безопасности ООН, начала войну против Сербии, российская элита и народ пришли к выводу, что их ввели в глубокое заблуждение и что Североатлантический альянс по-прежнему направлен против России. Великие державы, особенно великие державы в упадке, не любят, когда с ними демонстративно не считаются.

Несмотря на гнев Москвы по поводу Косово, в конце 1999 года Владимир Путин, тогда еще премьер-министр, сделал серьезную попытку примирения с США сразу после того, как распорядился отправить войска в Чечню. Его тревожили чеченские связи с «Аль-Каидой» и тот факт, что находившийся под контролем талибов Афганистан был единственной страной, установившей с Чечней дипломатические отношения. Исходя скорее из интересов безопасности, чем из внезапной любви к Соединенным Штатам, Путин предложил Вашингтону сотрудничество в борьбе против «Аль-Каиды» и талибов. Эта инициатива была выдвинута уже после взрывов во Всемирном торговом центре в 1993-м и в посольствах США в Кении и Танзании в 1998 году. К тому времени администрация Клинтона располагала более чем достаточной информацией, чтобы понять смертельную опасность для Соединенных Штатов, исходящую от исламских фундаменталистов.

Но Клинтон и его советники, расстроенные вызывающим поведением России на Балканах и устранением реформаторов с ключевых постов в Москве, проигнорировали эту попытку примирения. Они все больше видели в России не потенциального партнера, а ностальгирующую, неблагополучную, слабую в финансовом отношении державу, за счет которой США следовало добиваться всех возможных выгод. Поэтому Белый дом стремился закрепить результаты распада Советского Союза, привлекая как можно больше постсоветских государств под крыло Вашингтона. Администрация Клинтона вынудила Грузию принять участие в строительстве нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан от Каспийского моря к Средиземному в обход России. Соединенные Штаты поощряли стремление готового к любым выгодным предложениям президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе вступить в НАТО и побуждали американские посольства в Центральной Азии противодействовать российскому влиянию в данном регионе. Наконец, команда Клинтона отвергла призыв Путина к антитеррористическому сотрудничеству, усмотрев в этом лишь проявление доведенного до отчаяния неоимпериализма, а также попытку восстановить былое влияние России в Центральной Азии. Таким образом, Вашингтон отказался от имевшей колossalное значение возможности заставить «Аль-Каиду» и талибов обороняться, разрушить их базы и подорвать способность проводить крупные операции.

Только после того, как почти три тысячи американских граждан погибли 11 сентября 2001 года, это сотрудничество наконец началось...

Когда в январе 2001-го, через восемь месяцев после того, как Владимир Путин стал президентом России, Джордж Буш-младший пришел к власти, Белому дому пришлось иметь дело с новой группой относительно неизвестных российских чиновников. Команда Буша, стремясь во что бы то ни стало проводить политику, отличную от курса Клинтона, не рассматривала Россию как приоритет. Многие считали Москву коррумпированной, недемократичной и слабой. Хотя такая оценка и соответствовала действительности, но администрации Буша не хватило стратегической дальновидности, чтобы протянуть Москве руку помощи. Впрочем, Буш и Путин действительно испытывали друг к другу личную симпатию. Когда они впервые встретились в Словении (июнь 2001 года), Буш сделал свое знаменитое заявление, поручившись за душу и демократические убеждения Путина.

События 11 сентября 2001 года радикально изменили отношение Вашингтона к Москве и вызвали всплеск эмоциональной поддержки Соединенных Штатов в России. Путин повторил свое давнее предложение о совместной борьбе против «Аль-Каиды» и талибов. Он открыл воздушный коридор над российской территорией, поддержал создание баз США в Центральной Азии. Но, пожалуй, самое важное, что он сделал, – облегчил американцам доступ к афганскому Северному альянсу, готовому к действию, обученному и вооруженному россиянами. Конечно, Путин заботился об интересах России. То, что Соединенные Штаты присоединились к борьбе против исламистского терроризма, было для Путина настоящей удачей. Как и многие другие альянсы, американо-российское антитеррористическое сотрудничество возникло благодаря совместным фундаментальным интересам, а не по причине общей идеологии или взаимной симpatии.

Несмотря на это возобновившееся взаимодействие, взаимоотношения в других областях оставались натянутыми. Заявление Джорджа Буша в декабре 2001-го о выходе США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны, одного из последних символов былого статуса России как сверхдержавы, еще больше ударило по самолюбию Кремля. Аналогичным образом враждебность Москвы по отношению к НАТО только возросла, после того как к альянсу присоединились три прибалтийских государства. У двух из этих стран – Эстонии и Латвии – были неразрешенные споры с Россией, в основном связанные с положением русских национальных меньшинств.

Приблизительно в то же время источником обострения напряженности стала Украина. С точки зрения России содействие, которое США оказали «оранжевой революции» Виктора Ющенко, имело целью не только поддержку демократии, но и подрыв влияния Москвы в соседнем государстве, добровольно присоединившемся к Российской империи в XVII веке. В Украине, которая связана с Россией прочными культурными узами, проживает многочисленное русскоязычное население. Более того, на взгляд Москвы, современные границы, установленные Иосифом Сталиным и Никитой Хрущевым как административные, разделявшие советские провинции, значительно превышают исторические пределы Украины. На этих территориях проживают миллионы русских, что порождает этническую, языковую и политическую напряженность. Подход администрации Буша к Украине (а именно давление, оказываемое на расколотую страну, с тем чтобы та подала заявку на вступление в НАТО, и финансовая поддержка неправительственных организаций, которые активно помогали политическим партиям, выступавшим за Ющенко) вызвал в Москве подозрение, что Соединенные Штаты вернулись к политике сдерживания. Мало кто в Белом доме и в Конгрессе задумывался о последствиях вызова, брошенного России в сфере, столь важной для ее национальных интересов и вызывающей столь сильные эмоции.

Новым полем битвы вскоре стала Грузия. Президент этой страны Михаил Саакашвили стремился использовать поддержку Запада и в особенности США, как главный инструмент

восстановления суверенитета Тбилиси над отколовшимися регионами – Абхазией и Южной Осетией. Там с начала 1990-х годов сепаратисты при поддержке России вели борьбу за независимость от Грузии. И Саакашвили не просто требовал возвращения территорий – он открыто позиционировал себя как ведущего регионального сторонника «цветных» революций и свержения лидеров, симпатизирующих Москве. Он изображал себя горячим приверженцем демократии и активным поборником внешней политики США. В 2004-м он даже отправил грузинские войска в Ирак в составе сил коалиции. Тот факт, что на выборах за Саакашвили проголосовало 96 % избирателей (подозрительно высокая цифра), а также его контроль над парламентом и грузинским телевидением не вызывали большой озабоченности за пределами страны. Как и произвольные преследования крупных предпринимателей и политических соперников.

В 2005 году при таинственных обстоятельствах, якобы в связи с утечкой газа, погиб Зураб Жвания – популярный грузинский премьер-министр и единственный политический противовес Михаилу Саакашвили. Родственники покойного публично опровергли государственную версию несчастного случая, явно имея в виду причастность режима Саакашвили к трагедии. Но в Вашингтоне этого, похоже, никто не заметил, хотя убийства представителей российской оппозиции неизменно вызывали озабоченность США.

В действительности, невзирая на злоупотребления Саакашвили, администрация Буша и влиятельные политики из обеих партий постоянно поддерживали его антироссийский настрой. Несколько раз Соединенные Штаты побуждали грузинского лидера остудить пыл и воздержаться от открытого вооруженного столкновения с Россией, но ясно, что Вашингтон выбрал Грузию своим главным сателлитом в регионе. США предоставили грузинской армии оборудование и военных специалистов, дав Саакашвили возможность занять более жесткую позицию в отношении России. Грузинские силы зашли настолько далеко, что задержали и публично уничижили российских военных из миротворческой миссии в Южной Осетии и в самой Грузии.

Конечно, действия России по отношению к Грузии тоже были далеко не безупречными. Москва предоставила российское гражданство большинству жителей Абхазии и Южной Осетии и вводила против Тбилиси экономические санкции зачастую на сомнительных основаниях. Российские миротворцы явно находятся в Абхазии и Южной Осетии, чтобы ограничить способность Грузии править этими регионами. Однако безоглядная поддержка Соединенными Штатами Михаила Саакашвили создает у Москвы ощущение, что Вашингтон проводит политику, направленную на подрыв ее резко ослабнувшего регионального влияния. В Кремле подозревают, что США заботят не демократия, как таковая, а возможность использовать ее в качестве инструмента, позволяющего поставить Путина в неловкое положение и добиться его изоляции...

Несмотря на растущую напряженность, Россия пока не стала врагом США. Еще остается шанс остановить дальнейшее ухудшение отношений. Для этого потребуется дать здравую оценку задачам, стоящим перед Соединенными Штатами в регионе, и рассмотреть многие вопросы в тех сферах, где интересы Вашингтона и Москвы сходятся. В первую очередь это борьба с терроризмом и нераспространение ядерного оружия. Потребуется также кропотливый поиск путей разрешения таких конфликтов, как ядерное противостояние вокруг Ирана, где цели двух стран аналогичны, но тактические предпочтения расходятся. Самое важное – США должны признать, что они больше не обладают неограниченным влиянием на Россию. Сегодня Вашингтон просто не может навязать Москве свою волю, как это было в 1990-е годы.

Администрация Буша и влиятельные конгрессмены резонно полагают, что определяющими вопросами американо-российских отношений должны стать борьба с терроризмом и проблемы нераспространения. Приоритетом является также стабильность в России, где пока еще размещены тысячи единиц ядерного оружия, и в постсоветских государствах. Поддержка

Московой санкций и, если необходимо, применения силы против стран-изгоев и террористических группировок была бы чрезвычайно полезна для Вашингтона.

Соединенные Штаты заинтересованы в распространении демократических форм правления в регионе, однако наивно полагать, что правительство Путина поддержит усилия США по продвижению демократии. Вашингтон должен гарантировать, что никто, включая Москву, не посягнет на право других стран избрать демократическую форму правления либо принимать независимые внешнеполитические решения. Но Соединенным Штатам следует признать, что они располагают ограниченными возможностями для достижения этой цели. В условиях очень высоких цен на энергоносители, разумной фискальной политики и нейтрализации олигархов режим Путина больше не нуждается в международных кредитах или экономической помощи и без труда привлекает крупные иностранные инвестиции, несмотря на растущую напряженность в его отношениях с западными правительствами. Внутри России относительная стабильность, благосостояние и новое чувство собственного достоинства сгладили разочарование в связи с усиливающимся государственным контролем и деспотичными манипуляциями политическим процессом.

Негативный публичный имидж Соединенных Штатов и их западных союзников, тщательно поддерживаемый российским правительством, резко ограничивает способность Вашингтона содействовать расширению электората, склонного принимать их советы в сфере внутренних дел России. Единственное, что сегодня могут сделать США, – это дать понять Москве, что репрессии несовместимы с долгосрочным партнерством. Усугубляет ситуацию то, что силе морального примера Соединенных Штатов был нанесен ущерб. Подозрительность в отношении намерений США настолько глубока, что даже на решения, не направленные против России, такие как развертывание противоракетных систем в Чехии и Польше, Москва смотрит с крайней опаской.

В свою очередь, использование Россией энергетики в политических целях разгневало западные правительства, не говоря уже о ее энергозависимых соседях. Москва явно устанавливает более щадящие цены на энергоносители для своих друзей. Правительственные чиновники и руководители государственной компании «Газпром» время от времени демонстрируют и браваду, и удовлетворение, угрожая наказать строптивых, например Грузию и Украину. А тех, кто достигает с Россией особых политических и экономических договоренностей, она вознаграждает, предлагая энергетические ресурсы по ценам ниже рыночных. Москва мирится, хотя и неохотно, с прозападными предпочтениями своих соседей, но отказывается их субсидировать. Кроме того, Вашингтон лукавит, негодя по поводу политического использования Россией энергетики. Ведь ни одна страна не вводит экономических санкций так часто и с таким энтузиазмом, как Соединенные Штаты.

Американские комментаторы часто обвиняют Россию в непримиримости по косовскому вопросу. Однако публично Москва заявляет, что примет любое соглашение, к которому приведут Сербия и Косово. Нет свидетельств того, что Россия отговаривала Белград от заключения сделки с Косово. Напротив, были даже намеки на то, что Россия воздержится при голосовании по резолюции Совета Безопасности ООН, признающей независимость Косово в отсутствие договоренности с Сербией. Если бы непризнанные территории бывшего Советского Союза, особенно Абхазия и Южная Осетия, тоже смогли обрести суверенитет без согласия государства, от которого они хотят отделиться, Москве это было бы выгодно. Многие в России не возражают против создания прецедента по косовскому типу. Этим могли бы воспользоваться непризнанные постсоветские территории. Большинство из них стремятся получить независимость, которая приведет к интеграции с Россией.

Напряженность усугубляется целым рядом других разногласий по проблемам международной политики. Это правда, что Россия не поддержала решение Соединенных Штатов о вторжении в Ирак, но его не поддержали и ключевые союзники Вашингтона по НАТО – Франция

и Германия. Россия продает обычные вооружения в некоторые страны, такие как Иран, Сирия и Венесуэла, которые Белый дом считает враждебными. Но она занимается этим на коммерческой основе и в рамках международного законодательства. Вполне естественно, что США могут видеть в этом провокацию, но многие россияне выразили бы аналогичные чувства относительно поставок американского оружия в Грузию. И хотя Россия не зашла так далеко, как хотелось бы Соединенным Штатам и Европе, в вопросах обуздания Ирана и Северной Кореи, она постепенно начала поддерживать санкции против обеих стран.

Эти многочисленные разногласия не означают, что Россия – враг. В конце концов, она не оказывала поддержки «Аль-Каиде» или какой-либо другой террористической группировке, воюющей с Соединенными Штатами, и не распространяет конкурирующую идеологию с целью установления мирового господства. Она также не вторглась и не угрожала вторжением соседним странам. Наконец, Москва предпочла не подстrekать сепаратизм в Украине, несмотря на существование там многочисленного и громогласного русского меньшинства. Путин и его советники примирились с тем, что Соединенные Штаты являются самой мощной державой в мире, провоцировать которую без нужды не стоит. Но в Москве больше не желают приспособливаться к предпочтениям США, особенно в ущерб собственным интересам.

Чтобы конструктивно работать с Москвой, необязательно номинировать Путина на Нобелевскую премию мира или приглашать его выступить на совместном заседании американского Конгресса. Никто не собирается побуждать Россию вступить в НАТО или приветствовать ее как большого демократического друга. Но Вашингтон должен работать с Москвой для соблюдения жизненно важных интересов США точно так же, как с другими важными недемократическими государствами, такими как Китай, Казахстан и Саудовская Аравия. Это означает, что надо избавиться и от неуместной любви, и от нереалистического ощущения, будто Соединенные Штаты могут без последствий игнорировать другие страны. Мало кто отрицает, что к подобного рода сотрудничеству стремиться необходимо. Но в Вашингтоне бытует наивное и своекорыстное мнение, что можно заручиться поддержкой Москвы в важных для США сферах, продолжая пренебрегать приоритетами России.

Чиновники из Белого дома убеждены, что Кремль должен слепо поддерживать Америку в ее противоборстве с Ираном и исламистскими террористами, исходя из того, что Москва тоже считает их опасными. Однако при этом упускается из виду тот факт, что Россия расценивает иранскую угрозу совершенно иначе. Хотя Москва не хочет ядерного Ирана, она не воспринимает этот вопрос как безотлагательный и может удовлетвориться инспекциями на местах, предотвращающими промышленное обогащение урана. Ждать, что Россия уступит Соединенным Штатам по Ирану, не учитывая американской политики по другим вопросам, равнозначно ожиданию, что иракцы будут приветствовать войска США и коалиции. В обоих случаях полностью игнорируется точка зрения другой стороны на действия Вашингтона.

Соединенные Штаты должны ясно дать понять России, что Иран, нераспространение и терроризм – определяющие вопросы двустороннего сотрудничества. Аналогичным образом Вашингтону стоит довести до сведения Москвы, что агрессия против члена НАТО или несанкционированное применение силы против любого другого государства нанесет ощутимый ущерб отношениям. США следует также продемонстрировать и на словах, и на деле, что они будут противиться любой попытке воссоздать Советский Союз.

В экономической сфере Вашингтон должен недвусмысленно дать понять, что манипулирование законом для захвата активов, легитимно приобретенных иностранными энергетическими компаниями, будет иметь серьезные последствия. Речь может идти об ограничении доступа к американским и западным распределительным сетям, а репутации России будет нанесен ущерб, который приведет к свертыванию программы не только инвестирования и передачи технологий, но и поддержки западными компаниями совместной деятельности.

Наконец, возражения Москвы против размещения элементов системы ПРО в Чехии и Польше не должны останавливать Соединенные Штаты. Скорее, по выражению Генри Киссинджера, Вашингтону необходимо ограничить их развертывание «заявленной целью преодоления угроз со стороны государств-изгоев». Это должно сопровождаться конкретными шагами, направленными на то, чтобы убедить Москву, что данная программа не имеет никакого отношения к гипотетической войне против России.

Хорошая новость заключается в том, что, несмотря на разочарование в Соединенных Штатах и Европе, Россия пока не горит желанием вступить в альянс против Запада. Российский народ не станет рисковать своим новым благополучием, а представители элиты не хотят расставаться со своими счетами в швейцарских банках, лондонскими особняками и отпусками на Средиземное море. Хотя Россия и хочет расширения военного сотрудничества с Китаем, но Пекин, похоже, тоже не слишком стремится затевать ссору с Вашингтоном. В данный момент Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которую входят Китай, Россия и несколько центральноазиатских стран, – это скорее дискуссионный клуб, чем союз для обеспечения коллективной безопасности.

Но если американо-российские отношения ухудшатся еще больше, это не сулит ничего хорошего ни Соединенным Штатам, ни России. Генеральный штаб Российской армии лоббирует приданье ШОС военного измерения, а некоторые высокопоставленные чиновники начинают выступать за изменение внешней политики в антизападном направлении. Существует также целый ряд стран, таких как Иран и Венесуэла, которые побуждают Россию сотрудничать с Китаем, чтобы сыграть ведущую роль в создании экономического, политического и военного противовеса США. А действия таких постсоветских государств, как Грузия, которые искусно играли на противоречиях Вашингтона и Москвы в своих интересах, могут вызвать эскалацию напряженности. То, как Путин режиссирует процесс передачи власти, чтобы сохранить за собой доминирующую роль, делает маловероятными крупные сдвиги во внешней политике России. Но у новых кремлевских лидеров могут быть собственные идеи и собственные амбиции, а политическая неопределенность либо экономические проблемы способны вызвать у них соблазн начать эксплуатировать националистические настроения, чтобы укрепить собственную легитимность.

Если отношения ухудшатся, вето России в Совете Безопасности ООН может лишить этот орган возможности хотя бы иногда придавать законность военным акциям США или вводить чувствительные санкции против государств-изгоев. Врагам Соединенных Штатов могут придать храбрости новые источники вооружений из России, а также политическая защита и защита в сфере безопасности со стороны Москвы. Международные террористы могут найти прибежище в России либо в странах под ее протекторатом. А Китаю разрыв американо-российских отношений позволит вести себя гораздо более гибко в отношениях с Соединенными Штатами. Это не станет новой холодной войной, потому что Россия не будет глобальным соперником и вряд ли возьмет на себя роль главной движущей силы в противоборстве с Америкой. Но она может создавать стимулы и служить прикрытием для тех, кто будет противостоять Вашингтону, с потенциально катастрофическими результатами.

Было бы безрассудно и недальновидно толкать Россию в этом направлении, повторяя ошибки прошлого. Необходимо работать над тем, чтобы не допустить опасных последствий возобновившегося противостояния США и России. Но в конечном счете Москва будет сама принимать решения. А учитывая историю плохих политических решений Кремля, столкновение может произойти независимо от желания Вашингтона. И, если это случится, Соединенные Штаты должны подойти к проблеме соперничества, проявив реализма и целеустремленности больше, чем они проявили в своих половинчатых попытках партнерства.

2007 год

Американская политика должна стать более реалистичной

(из интервью программы телевидения PBS, 07.08.2008)

Президент центра Никсона, содиректор двухпартийной комиссии Дмитрий Саймс сказал: «Мы считаем, что есть необходимость и возможность скорректировать внешнеполитическую линию США в отношении России так, чтобы она в большей степени соответствовала американским национальным интересам. Наша политика в последние годы ставила перед собой недостаточно четкие реалистичные приоритеты».

– *Можно ли считать новую комиссию своеобразным «кризисным штабом» американской политической элиты?*

– Нас как «штаб» никто не собирал. Точнее было бы говорить о группе людей с положением, опытом и влиянием, которые занимали крупные посты в администрациях Никсона, Форда, Рейгана, Бушей, Клинтона и объединились на двухпартийной основе. Эти люди обеспокоены нынешним состоянием российско-американских отношений, которые движутся не в том конструктивном направлении, как многим из нас хотелось бы.

– *Если позволите, классический русский вопрос: что делать?*

– Мы считаем, что есть необходимость и возможность скорректировать внешнеполитическую линию США в отношении России так, чтобы она в большей степени соответствовала американским национальным интересам. Наша политика в последние годы ставила перед собой недостаточно четкие реалистичные приоритеты. Национальные интересы Америки подразумевают как раз некую иерархию этих приоритетов. Ведь если пытаешься добиться всего, то можешь остаться ни с чем. Или вообще получить не то, что хочется.

– *Как именно может быть скорректирован курс США в отношении России?*

– Я могу пока лишь назвать основные направления, которые мы планируем обсудить. Это нераспространение оружия массового уничтожения, в первую очередь ядерного. Отсюда проблема Ирана. Далее – совместная борьба с терроризмом, вопрос стратегической стабильности в мире и способности международных организаций эффективно бороться с угрозами. Ну и проблемы энергетической безопасности США. Но этим комиссия может не ограничиться: у нее будет возможность поднимать любые темы, которые она сочтет нужным.

– *Когда вы планируете начать работу?*

– Мы уже обмениваемся впечатлениями, предложениями, материалами. Собраться рассчитываем в сентябре, а потом отправить небольшую группу наших экспертов в Россию. Комиссия уже ведет переговоры с представителями российского руководства. Я думаю, что окончательные встречи пройдут в ноябре, после выборов. Тогда уже станет ясно, кто президент, и это повлияет на характер наших рекомендаций новому главе государства.

– *В каком смысле?*

– Конечно же, исход выборов не отразится на основных стратегических приоритетах, которые будут сформулированы в докладе. Комиссия не собирается поступаться принципами и подстраиваться под кого бы то ни было. Ведь мы специально выбирали людей, как из республиканского, так и из демократического лагерей, известных твердостью своих убеждений по вопросам американской внешней политики. Речь идет только о подаче материала. Ведь ты даешь рекомендации конкретному человеку, зная его взгляды и предпочтения. И надо преподнести эти тезисы так, чтобы их было проще воспринимать. Но в любом случае мы исходим из того, что Россия – главная страна в фокусе основополагающих интересов США.

У Вашингтона мало рычагов воздействия на Москву

Отношения США с Россией ухудшаются с каждым днем. С обеих сторон накаляется риторика, договоры о безопасности находятся в состоянии неопределенности, а Вашингтон и Москва все больше смотрят друг на друга сквозь призму холодной войны.

Проблемы, просчеты и неверные действия Кремля не алиби для американских политиков, которые совершили фундаментальные ошибки, когда Россия превращалась из экспансионистской коммунистической империи в обычную великую державу.

Несмотря на то что за прошедшие 16 лет представлялась масса шансов для развития стратегического сотрудничества, Вашингтон ясно дает понять: превращение России в стратегического партнера никогда не было его приоритетом. Администрациям Билла Клинтона и Джорджа Буша казалось, что, когда им нужно было сотрудничество России, они могли добиться его без особых усилий и не идя на компромисс. Создается впечатление, что администрация Клинтона и вовсе относилась к России как к послевоенной Германии или Японии – стране, которую можно силой заставить следовать воле США и которая со временем научится получать от этого удовольствие.

Когда Джордж Буш пришел к власти в январе 2001 года, его администрация столкнулась с новой группой относительно неизвестных российских должностных лиц. Всячески стараясь показать, что ее политика отличается от клиントоновской, команда Буша не рассматривала российское направление как приоритетное. Многие в его команде считали Москву коррумпированной, недемократической и слабой. Хотя эта оценка была правильной, администрации Буша не хватало стратегической дальновидности, чтобы протянуть Москве руку. При этом сами Буш и Путин установили хорошие отношения на личностном уровне.

Тем временем США постарались закрепить результаты распада Советского Союза, привлекая под крыло Вашингтона как можно больше постсоветских государств. Так, причиной серьезных разногласий между Москвой и Вашингтоном стала Украина. С российской точки зрения американская поддержка «оранжевой революции» Виктора Ющенко не ограничивалась только продвижением демократии. Она была также направлена на подрыв российского влияния в соседнем государстве. Украинская политика администрации Буша, в том числе подталкивание к вступлению в НАТО (несмотря на отсутствие в украинском обществе консенсуса по этому вопросу), а также финансовая поддержка местных неправительственных организаций усилила опасения Москвы, что США вновь взялись за политику «стратегического сдерживания».

Однако, несмотря на обострение отношений, Россия все еще не стала противником Соединенных Штатов. Сейчас Америке нужно четко обозначить свои цели в регионе и изучить точки соприкосновения своих интересов с российскими, особенно в том, что касается борьбы с терроризмом и нераспространения ядерного оружия. Очень важно, чтобы Вашингтон осознал: у него больше нет неограниченных рычагов воздействия на Москву, как это было в 1990-х. Но если американо-российские отношения будут ухудшаться, для США это ничем хорошим не закончится.

2008 год

Утопия глобальной подотчетности

Имперская дилемма Америки

Любая дискуссия вокруг внешней политики Вашингтона должна начинаться с признания того факта, что независимо от взглядов и предпочтений американцев преобладающая часть мирового сообщества видит в Америке зарождающуюся империю. Исходя именно из этого, некоторые государства оказывают поддержку Соединенным Штатам. Они рассматривают США в качестве добропорядочной либеральной империи, способной оградить их от притязаний местных авантюристических режимов. Другие относятся к Америке неприязненно, поскольку она встала на их пути. Есть и те, кто молча приемлет сам факт имперского превосходства США, который нельзя отменить и с которым следует считаться. Сторонники внешней политики Буша оспаривают любое упоминание слова «империя», и это понятно. Многие империи прошлого пользовались дурной славой не только по причине их критики представителями оппозиции от национально-освободительных движений до марксистов, но и вследствие их собственной государственной политики. Наиболее отвратительным воплощением имперского духа явились нацистская Германия и Советский Союз. В то же время утверждается, что Соединенные Штаты не жаждут мирового господства, а стремятся использовать свое влияние в благих целях. Политическая культура и даже система институтов этой страны препятствуют эффективному выполнению ею имперской роли.

Данная аргументация не лишена оснований. Но она отражает скорее нежелание ассоциировать американскую внешнюю политику с негативными «имперскими» стереотипами, нежели глубокий анализ возникновения и функционирования империй прошлого. Несмотря на то что империи, как и демократии, принимали на протяжении истории самые разнообразные формы, можно выделить ряд общих черт. Во-первых, империи устанавливают господство на обширных и не схожих между собой территориях, населенных различными этническими группами, для которых характерно своеобразие культуры и религий. Для поддержания своего господства империи используют широкий набор средств и стимулов: где возможно – политические методы убеждения, экономическое преимущество, культурное влияние; где необходимо – принуждение и силу. Как правило, империям свойственно надеяться, что соседи и колонии признают их мощь и смирятся. Это зачастую создает впечатление, что империя сама по себе свободна от необходимости следовать правилам, обязательным для остальных государств, что она облечена некоторыми уникальными правами и на нее возложена особая ответственность.

Во-вторых, возникновение большинства империй происходило спонтанно, а не в соответствии с неким генеральным планом. Нередко их развитие как бы подчинялось законам физики: удачный ход создает количество движения, которое затем сохраняется по инерции. По мере поступательного движения перед империей открываются новые возможности и возникают задачи, значительно расширяющие изначальный круг ее интересов. Так, например, Древние Афины первоначально выступали во главе альянса, разгромившего персов, но в скором времени против воли многих своих бывших союзников превратились в настоящую империю. Один из основоположников реализма Фукидид следующим образом излагает точку зрения Афинского государства: «Эту державу мы приобрели ведь не силой... Дальнейшее усиление нашего могущества определили сами обстоятельства. Вначале это был страх перед персами и соображения нашей собственной безопасности, затем последовали соображения собственной чести и, наконец, выгода».

В-третьих, империи не всегда обладают верховной властью на своих территориях. Именно так обстояло дело с Афинами. И именно так произошло с Римской империей на начальных этапах ее становления, когда Рим стремился скорее к превосходству, нежели к непосредственному контролю над зависимыми территориями. И хотя ряд континентальных европейских империй, таких как Австро-Венгрия или царская Россия, действительно уста-

новили верховную власть на своих территориях, другие современные империи меньше обращали внимание на формальную сторону дела, довольствуясь определенным преимуществом, необходимым для достижения своих политических и экономических целей. К примеру, после смерти Сталина советская империя стремилась скорее оказывать давление на своих сателлитов, нежели непосредственно контролировать их территории.

И, наконец, даже учитывая современные негативные коннотации, опыт империй не всегда был однозначно отрицательным. В прошлом некоторые из империй выступали носителями прогресса и в целом стремились принести пользу своим подданным. Превосходным примером может служить бывшая Британская империя, которая не только способствовала развитию колоний, но и была готова пожертвовать для этого собственными ресурсами.

Не так важно, видит ли себя в данный момент Америка империей или нет: многие государства все больше рассматривают ее именно в этом качестве и соответственно реагируют на действия Вашингтона. Конечно, американским политикам не стоит называть Соединенные Штаты империей в публичных выступлениях. И все же им было бы полезно понять, что осмысление процесса превращения Америки в современную империю, пусть даже и вынужденного, представляет собой важное аналитическое средство, позволяющее сделать серьезные выводы.

Империи испытывают на себе неотвратимое воздействие законов истории. Один из главных законов гласит, что империи сами порождают собственную оппозицию, принимающую различные виды – от стратегической перегруппировки окружающих государств до возникновения внутри них террористических организаций. Согласно другому закону создание империи всегда сопряжено с издержками и уровень оппозиции зависит от готовности империи нести расходы. И Римская, и Британская империи потратили немало времени и денег, смиряя недовольных и поощряя покорных. Наконец, достигнув имперского статуса, государства часто меняют форму правления и привычный образ жизни. Так, Рим отказался от республиканского правления, решив облачиться в имперскую мантию. Несмотря на то что Соединенное Королевство сделало свой выбор в пользу демократии, а не сохранения империи, приток значительного числа эмигрантов из бывших колоний повлек за собой серьезные политические и экономические последствия…

Если империя проявляет слабость и ее не принимают всерьез, значит, дела ее плохи. В то же время заслужить репутацию капризного или деспотического режима также рискованно. Данная проблема часто возникает в связи с настойчивым стремлением империи навязать окружающим свое видение мира. Кто знает, сколько трагедий XX века прямо или косвенно было спровоцировано подобным поведением? Благодаря судьбе и собственному выбору Соединенные Штаты занимают сегодня доминирующее положение в мире, но многие американские политики, как республиканцы, так и демократы, не сумели извлечь урок из ошибок прошлого. Как бы привлекательно ни выглядела идея универсальной демократической утопии, стремление к ней наносит ущерб жизненным интересам США и все чаще противоречит основному принципу американского государства: «Никаких налогов без представительства».

В прошлом прагматизм внешней политики правящих кругов и мощные сдерживающие факторы извне ограничивали мессианское рвение Соединенных Штатов. Тогда в истеблишменте были широко представлены деловая верхушка страны и юристы. Несмотря на горячую приверженность идеалам Америки и национальным интересам, они весьма осторожно и гибко реализовывали свои взгляды в сфере внешней политики. Однако поражение во Вьетнаме погубило их репутацию и раскололо их ряды, а последующие демографические и социальные сдвиги привели к диверсификации и демократизации правящих кругов страны. К началу 1990-х прагматически настроенная составляющая новой элиты уже не играла столь важной роли во внешнеполитической деятельности. На смену прежним лидерам – судя по эмоциональным, но мало что объясняющим изображениям на телевидении – пришли влиятельные, но зачастую безответственные, преследующие односторонние интересы группировки, а также неправитель-

ственными организациями, намеренные формировать политику, не неся при этом ответственности за последствия.

В результате во внешней политике Америка изменила своим принципам обычно вели-кодушного, но не упускающего своей выгоды партнера и занялась своего рода социальной инженерией в глобальном масштабе. Этому способствовали две иллюзии. Дескать, во-первых, международные крестовые походы могут обойтись недорого и, во-вторых, противниками Соединенных Штатов движет слепая ненависть к американским свободам и могуществу, а не своекорыстное недовольство конкретными действиями Америки. Следует, однако, заметить, что оба этих предположения попросту не совсем точны. Согласно результатам недавнего широкого опроса, проведенного в глобальном масштабе Центром изучения общественного мнения и прессы (Pew Research Center for the People and the Press), большинство респондентов, негативно отзывающихся об Америке, разделяют идеалы демократии.

Процесс отхода американских лидеров от прагматических принципов происходил одновременно с началом распада Советского Союза. Таким образом, для США был снят основной ограничитель в области внешней политики. Неоспоримое превосходство Соединенных Штатов в военной, экономической и политической сфере создавало впечатление, будто теперь на международной арене они могут делать практически все, что им вздумается. На этом фоне возникла новая утопия – идея о том, что США уполномочены и даже обязаны продвигать демократию везде, где это возможно, а также с применением силы, если потребуется. В Вашингтоне эту мысль с энтузиазмом подхватили в сложившемся *de facto* альянсе агрессивных вильсонианцев и неоконсерваторов. Их вера в то, что Америка должна ни больше ни меньше как разжечь пожар перманентной мировой революции, имеет больше общего с троцкизмом, нежели с заветами отцов-основателей или даже с решительным, но прагматичным идеализмом Теодора Рузельта.

Как показывает история, моралистические проекты обычно подрывали не только американские интересы, но и американские ценности. Сегодня слишком часто имеют место двойные стандарты и обман или, по крайней мере, самообман. Например, некоторые американские политики, выступавшие против создания Международного уголовного суда из совершенно оправданного беспокойства за суверенитет Соединенных Штатов и боязни судебного преследования американских военных по политическим мотивам, одновременно требовали от новой югославской демократии выдачи своих граждан международным военным трибуналам. Другие убеждали администрацию Клинтона в необходимости игнорировать эмбарго ООН на поставки оружия в Боснию, но при этом высказывали возмущение, когда другие государства нарушили международные санкции. Представители самых разных политических сил грешили двойными стандартами, например в том, что касается финансирования избирательных кампаний в других странах. С одной стороны, их ужасала сама мысль о возможности получения финансовой помощи из-за рубежа республиканцами или демократами, а с другой – они не уставали повторять, что Америка обязана поддерживать зарубежные политические партии независимо от законов конкретной страны…

Усилия Билла Клинтона, направленные на решение гуманитарных проблем и национальное строительство, явились отходом от политики его предшественников. Возможно, действия США в Панамском канале или вторжение в Гренаду и помогли спасти жизни невинных людей, но в первую очередь они служили интересам Америки или были направлены на ликвидацию ее явных недругов. Моралистические же проекты Клинтона чаще всего шли вразрез с интересами США. Возьмем, к примеру, Гаити. Соединенные Штаты добились свержения режима деспотической, но, по существу, дружественной Америке хунты, с тем чтобы вернуть власть столь же деспотически настроенному, но гораздо менее дружественному президенту Жану-Берtrandу Аристиду. Последний в знак благодарности восстановил дипломатические отношения с Кубой.

Достаточно вспомнить также события в Боснии, когда администрация Клинтона проигнорировала план Вэнса – Оуэна, хотя он давал надежду на быстрое завершение кровопролития.

В целом результаты гуманитарных интервенций Клинтона по меньшей мере противоречивы. С одной стороны, Америка все же одержала победу на Гаити и на Балканах, что, естественно, укрепило ее авторитет в мире. К тому же осуществленное под руководством США вмешательство, скорее всего, предотвратило в Боснии и Косово бесконтрольное нарастание кровопролития по принципу «око за око». С другой стороны, ряд совершенных злодяйий в регионе был отчасти вызван именно действиями клиントоновской администрации. Так, политика США на Балканах позволила хорватам изгнать из Сербской Краины двести тысяч сербов. Политика США также потворствовала радикализму мусульман, и особенно косоваров, не желавших идти на компромиссы. Политика компромисса в сочетании с международным давлением могла бы предотвратить резню. В итоге Босния и Косово до сих пор остаются под протекторатом НАТО, и ни та, ни другая сторона, по-видимому, не готовы воспринять американский идеал межэтнической гармонии. Сконцентрировавшись на гуманитарных интервенциях, администрация Клинтона уделяла недостаточно внимания, сил и средств более насущным проблемам, таким как растущая угроза «Аль-Каиды». В результате неверной расстановки приоритетов был нанесен ущерб отношениям с Россией, произошло непредвиденное охлаждение отношений с Китаем. Как следствие, Америке труднее было заручиться их содействием в борьбе с терроризмом в период, предшествовавший 11 сентября 2001 года. По иронии судьбы напряженность в отношениях с Россией частично способствовала тому, что администрация Клинтона отказалась от поступившего еще в 1999-м предложения Москвы о совместной борьбе против талибов...

Несмотря на то что события 11 сентября послужили американским лидерам тревожным сигналом, напомнившим об угрозе терроризма, слишком многие, как теперь выясняется, сделали неверные политические выводы. Главная проблема состоит в том, что люди ошибочно полагают, будто демократия – панацея от всех мировых недугов, включая терроризм, а в обязанности США входит повсеместное насаждение демократической модели правления.

Недостаток такого подхода не в демократии как таковой. Либеральная демократия в сочетании с гражданским обществом, правопорядком, соблюдением прав меньшинств и свободным, но регулируемым рынком – это, несомненно, самый гуманный и эффективный способ организации современного общества. Помощник президента по национальной безопасности Кондолиза Райс совершенно права: мысль о том, что некоторым людям не нужна свобода или что они не готовы взять на себя ответственность, налагаемую демократией, глубоко унизительна. Однако не менее унизительны и заявления о том, будто Америка имеет право навязывать другим народам и культурам демократический строй без учета внутренней обстановки и местных предпочтений. От времен Римской империи и кончая Британской цивилизации, принесенная на острие меча или штыка, никогда не вызывала чувства признательности сколько-нибудь долго. Почему же высокоточное оружие должно оказаться более эффективным? Вспомним слова Уинстона Черчилля: «Демократия – наихудшая форма правления, за исключением всех остальных, которые пробовались время от времени». Считать, что демократия – это божественное откровение, а Вашингтон – ее провозвестник и всемирный жандарм, – значит отрицать исторические факты и geopolитические реалии современного мира.

Сторонники активного продвижения демократии привели немало спорных аргументов в пользу того, что насаждение демократии есть не только нравственный императив для Соединенных Штатов, но и важнейшая практическая задача. Один из наиболее распространенных доводов состоит в том, что демократия станет средством предотвращения терроризма, поскольку, по словам бывшего конгрессмена Ньюта Гингрича, «продвижение свободы – вернейший способ подорвать притягательность террористической деятельности во всем мире». Однако последние события свидетельствуют об обратном. Даже не беря в расчет акции ислам-

ских террористов в США, как можно объяснить деятельность доморощенных террористических организаций, таких, например, как Общество радикальных защитников окружающей среды или в 1960-70-х годах деятельность Weathermen («Синоптики»)? Как объяснить действия Эрика Рудольфа, недавно обвиненного в организации взрыва во время Олимпийских игр в Атланте? Деятельность ИРА в Северной Ирландии или баских террористов в демократической Испании?

Еще один аргумент в пользу демократий: они мирно сосуществуют. Однако и этот аргумент на поверку оказывается несостоятельным. Истории известен ряд войн между демократиями, если считать их таковыми в соответствии со стандартами своей эпохи: Афины воевали с Сиракузами, Рим – с Карфагеном, Англия времен Кромвеля – с Голландией, викторианская Британия – с Южной Африкой. Более того, две войны на американской территории (война 1812 года с Великобританией и собственно Гражданская война) велись, по сути, между демократическими государствами. Тот факт, что в XX столетии подобных конфликтов было меньше, частично объясняется существованием единого фронта демократий, выступавших против нацизма и коммунизма. Однако теперь, когда общие враги повержены, нет никаких оснований утверждать, что миролюбивый союз демократических государств не распадется. К примеру, на Ближнем Востоке, где в общественных настроениях преобладают антисемитизм и антиамериканизм, введение демократии может, напротив, повысить вероятность возникновения вооруженного конфликта между арабскими странами и Израилем или Соединенными Штатами. Те, кто исключает возможность войн между демократиями, зачастую отвергают идею многополярного мира, поскольку, по выражению помощника президента по национальной безопасности Кондолизы Райс, «это теория соперничества, конфликтующих интересов или – в худшем случае – конфликтующих ценностей». Но подобная позиция не учитывает право других на собственную точку зрения. И, будучи положена в основу внешнеполитического курса Вашингтона, она оттолкнет от США даже дружественно настроенные демократические государства. Споры вокруг Ирака показали, как мало нужно для того, чтобы такие демократии, как Соединенные Штаты и Франция, стали обнаруживать друг у друга недостатки. Некоторые российские обозреватели не замедлили отметить, что политика последних американских администраций напоминает политику Советского Союза в том, что касается стремления навязать миру свои доморощенные взгляды, и якобы ничем не отличается от «брежневского» подхода к вопросу о национальном суверенитете.

Даже если демократия и способна предотвратить конфликт, она вовсе не гарантирует Америке лидирующего положения в мире или хотя бы широкой поддержки со стороны других государств. Так, в ходе иракской кампании демократия явилась тем препятствием, которое помешало Турции выполнить свои обязательства, способствовала не ослаблению, а усилинию антиамериканской политики во Франции и Германии. В то же время дефицит демократии в Египте, Саудовской Аравии, Иордании и Пакистане позволил правительствам этих стран выступить единым фронтом с США, несмотря на недружелюбный настрой общественного мнения.

Итак, с одной стороны, даже когда речь идет о таких важных вопросах современности, как терроризм или нераспространение ядерного оружия, демократические страны не всегда расположены поддерживать США, с другой стороны, авторитарные режимы все же иногда готовы это сделать. Испортить отношения с этими странами, будь то Китай или Саудовская Аравия, значило бы поставить под удар американские интересы. Америке легче было бы добиться поддержки в войне с Ираком, если бы в свое время она уделила больше внимания сближению со своими ключевыми партнерами и влиятельными государствами региона...

В целях обеспечения собственной безопасности и безопасности своих союзников Соединенные Штаты должны быть готовы прибегнуть к военным действиям, а при необходимости и к одностороннему вмешательству, но при разработке внешней политики washingtonским

лидерам пора больше внимания уделять практическому анализу государственных интересов. В будущем гуманитарные интервенции под предводительством или на деньги США должны осуществляться исключительно в ответ на открытый геноцид, как, например, Холокост, события в Камбодже в 1970-80-х годах и Руанде в 1994-м. В противном случае Америке следует избегать косовских ошибок и начинать операции, заручившись мандатом ООН и, что еще важнее, готовностью других стран оказать ей существенную поддержку.

Как справедливо настаивает администрация Буша, США всегда должны быть готовыми принять все необходимые меры (включая превентивные действия) в борьбе с террористами и теми, кто за ними стоит, особенно если речь идет о стремлении завладеть оружием массового уничтожения (ОМУ). Но выборочно проводимые «освободительные» войны способны оттолкнуть основных союзников. В то же время налаживание конструктивных отношений с ключевыми странами, такими как Китай и Россия, а также (даже если это приходится не всем по вкусу) Германия и Франция, является залогом успеха в борьбе с терроризмом и распространением ОМУ. Таким образом, хотя при наличии реальной угрозы решительное или даже беспощадное применение силы вполне оправданно, важно не дать насилию превратиться в привычный инструмент национального строительства.

Возьмем, к примеру, Ирак. Деятельность Саддама Хусейна в вопросах ОМУ носила весьма сомнительный характер, на его счету постоянные угрозы соседям, нарушения резолюций Совета Безопасности ООН, поддержка террористов и попытка покушения на бывшего президента Соединенных Штатов. Несомненно, его деятельность представляла для Америки серьезную угрозу. Три администрации подряд пытались решить эту проблему дипломатическими средствами, но ситуация оставалась патовой. Таким образом, военная операция против Багдада была оправданна. А вот стремление превратить Ирак в очередной американский протекторат обосновать уже труднее, тем более что Соединенные Штаты не располагают международным мандатом, который упрочил бы их легитимность и позволил бы компенсировать постоянно растущие расходы. Как и следовало ожидать, Ирак превращается скорее в обузу для США, чем в награду, и администрация Буша поступила бы разумно, найдя способ переложить основную ответственность за восстановление страны на международные организации и сохранив при этом военный контроль. Америка меньше всего нуждается в том, чтобы взвалить на себя дополнительное бремя, ввязавшись в новые освободительные войны. Даже если ее экономика пойдет на поправку, подобные авантюры больно ударят по федеральному бюджету, и тогда Соединенным Штатам придется выбирать между римской политикой эксплуатации покоренных народов, обернувшейся распадом империи, и предельным истощением потенциала Британской империи, приведшим к потере колоний. Использование администрацией Буша агрессивных методов продвижения демократии также может иметь тревожные последствия для национальных интересов Америки. Как правило, прогрессу демократии содействуют сила примера и позитивное стимулирование. Очевидно, что дружба с Америкой дает большие преимущества, а США предпочитают иметь дело с государствами демократическими. Это должно служить достаточным стимулом. Между тем формальные односторонние санкции, которые обычно скорее раздражают, нежели наказывают, не должны применяться механически, лишь для того, чтобы продемонстрировать недовольство.

В качестве непререкаемого мирового лидера Соединенные Штаты одновременно пользуются всеми преимуществами от эффекта победившей стороны и страдают вследствие неизбежной негативной реакции со стороны прочих государств. Недавняя полемика в мировом сообществе вокруг американского вторжения в Ирак показывает, что, хотя остальные страны и не готовы выдать Вашингтону карт-бланш, большинство из них пойдет на многое, чтобы добиться расположения со стороны Америки. Американским лидерам нет нужды стесняться настойчиво демонстрировать мощь своей страны, но при этом им пора отказаться от претензий на обладание всеобъемлющей истиной в последней инстанции.

Далее, лидеры США должны признать, что, хотя радикальные антиамериканские настроения в некоторых регионах исламского мира совершенно неоправданы, они отчасти подпитываются восприятием Америки в качестве некритичного покровителя Израиля. Это не значит, что администрация должна порвать с надежным союзником или добиться от израильского руководства перехода к менее энергичным методам борьбы с терроризмом. Но если бы Америка прекратила поддержку таких далеко не необходимых и провокационных действий, как строительство новых или отказ от сноса существующих незаконно возведенных поселений, то это значительно повлияло бы на отношение мусульманского мира к Соединенным Штатам и снизило бы популярность «Аль-Каиды», равно как и других экстремистских группировок.

И, наконец, Америка должна обратить внимание на одну из своих потенциально слабых сторон – на сложноразрешимое сочетание проблем империи и иммиграции. По словам Джеймса Кёрта, профессора политологии Суортморского колледжа, «американская империя (экспансия американского присутствия в мире) в сочетании с притоком иммигрантов в Америку (присутствие окружающего мира в Америке) заставила задуматься о самой идее национального интереса. Существует причинная связь между империей и иммиграцией, и они совместно выступают сегодня в качестве активного начала коренных изменений привычного для нас мира».

Государственным и федеральным службам все труднее вводить жесткие меры, необходимые для восстановления контроля над притоком иммигрантов, который превышает способность общества и институтов Америки его поглотить. Поэтому государство просто не в состоянии следить за строгим соблюдением жизненно важных законов, регулирующих процесс иммиграции. Никто не знает, когда Соединенные Штаты подойдут к той черте, когда балканизация будет уже неизбежна. Однако нынешняя политическая ситуация, при которой различные поборники и приверженцы, а также группировки, преследующие односторонние интересы, все более способны влиять на формирование государственной политики, позволяет сделать вывод, что момент этот приближается. Принятие необходимых мер по прекращению притока нелегальных иммигрантов будет сопряжено с горячими спорами и большими расходами. Но с каждым днем становится все яснее, что сегодня подобные меры жизненно необходимы. Те, кто критикует администрацию Буша за негибкость и однобокость внешней политики, бьют мимо цели. Существует значительно больше общего между интервенционизмом Клинтона и внешней политикой нынешней администрации, чем можно увидеть невооруженным глазом. В ходе своей предвыборной кампании Джордж Буш утверждал, что Америка будет скромной нацией, и предостерегал против издержек национального строительства (подразумевающего строительство современного общества путем проведения военных операций. – Ред.). Но насущные внутренние интересы и шок 11 сентября подтолкнули США на опасный путь империалистической экспансии: Вашингтон снова обратился к сформированной во времена Клинтона концепции «поголовной демократизации». Сегодня Америке жизненно необходим другой подход, предусматривающий решительное, но вместе с тем реалистичное и разумное применение силы, при котором соблюдение американских интересов и защита американских ценностей сочетались бы с открытым осознанием собственного мирового превосходства. Только в этом случае Америке удастся максимально использовать преимущества своего положения, не ввязываясь в дорогостоящие, рискованные и второстепенные проекты, которые лишь подрывают ее способность к лидерству.

2005 год

США не назначали себя сверхдержавой

(из интервью «Независимой газете», 26.07.2005)

– Президент Путин, встречаясь на днях с российскими правозащитниками, заявил, что не позволяет финансировать политическую деятельность в России из-за рубежа. Как в Вашингтоне отреагировали на это заявление?

– Позиция президента, насколько я понял, состоит в том, что он не считает подобное финансирование правильным. Потом, как говорится, дьявол – в деталях. О чём идет речь? О том, чтобы давать деньги политическим партиям?

Это запрещено в самой Америке. Если же речь идет о том, что запретят финансирование неправительственных организаций из-за рубежа, то, естественно, это уже другой вопрос, и он будет иначе восприниматься в Вашингтоне. Я лично считаю, что это ненормально, когда приезжают люди из-за границы, все эти неправительственные организации с таким чувством, будто они исполняют некую миссию, с горящими глазами и начинают вмешиваться во внутренние дела того или иного государства, во внутренней политике которого они, во-первых, мало разбираются, а во-вторых, не отвечают за последствия своих действий. Во времена холодной войны, особенно в 40-х – начале 50-х годов, КГБ и ЦРУ занимались подобного рода секретными политическими операциями, например в Европе. Тогда ЦРУ являлось официальным органом американского правительства. За его действия отвечал президент, который должен был думать о последствиях своих поступков, причем не только для конкретной неправительственной организации и для конкретной страны, но и для международной политики в целом. Это создавало чувство ответственности и сдержанности. А сейчас у нас появился целый ряд организаций, которые, с одной стороны, получают деньги от американского правительства или финансируются напрямую американским конгрессом, но, с другой стороны, никак правительством не контролируются, делают то, что хотят. Эти организации привлекают людей с определенным темпераментом, с определенным подходом, который не всегда является наиболее рациональным, для того чтобы правильно понимать ситуацию в том или ином государстве и последствия их действий для отношений этого государства с США. Так что мне мотивы президента Путина понятны. Но есть и другая сторона медали: в Америке у политических партий нет никаких проблем с получением финансирования без всякого вмешательства со стороны государства. Никто не наказывает, допустим, при республиканской администрации тех, кто дает деньги демократам. Никаких наездов налоговой полиции на них нет и не предполагается, и, соответственно, когда у власти демократы, нечего опасаться республиканцам. Проблема с Россией состоит в том, что понятно, почему иностранное финансирование плохо, а вот где можно получить альтернативное финансирование, неясно. Поэтому, для того чтобы заявление президента Путина воспринимали как желание сохранить суверенитет России, а не как попытку задавить оппозицию, важно услышать также, что будут предприняты меры, которые позволят оппозиции иметь адекватный доступ к финансированию внутри своей страны. Пока, как мне кажется, такой адекватной возможности в России нет.

– Чем вы объясняете недоверие Москвы к действиям США на постсоветской территории, а конкретно в Центральной Азии? У нас ведь стратегическое партнерство, может быть, пора доверять друг другу?

– Одна держава, такая как США, начинает играть доминирующую роль, американское присутствие растет на периферии России, которая недавно сама была сверхдержавой. Причём речь идет не только об американской военной роли в Афганистане, но и об американском желании поощрять определенные политические процессы на постсоветском пространстве. Было

бы, напротив, странно, если бы в Москве это не вызывало определенной озабоченности. И в Вашингтоне, надо отдать должное администрации Буша, не требуют невозможного, то есть чтобы такой озабоченности не было. Американская администрация давно предлагала начать широкие дискуссии с Москвой, возможно, создать некую рабочую группу для обсуждения российских и американских интересов и взаимодействия на постсоветском пространстве. Думаю, что это тема серьезная, и понятно, почему она постоянно возникает. Другое дело, когда люди начинают сгущать краски и приписывать друг другу самые темные намерения. Например, видеть за американским военным присутствием в Узбекистане желание вмешаться во внутренние дела этой страны, хотя это однозначно не так. На сегодняшний день база в Узбекистане дает политические рычаги Ташкенту, а не Вашингтону. Поэтому, если кто-то утверждает, что американцев срочно необходимо выгнать из Узбекистана, потому что они могут свергнуть режим Ислама Каримова, то этой логики мне очень трудно придерживаться. Ведь факты ее никак не подтверждают. Озабоченность мне понятна, а вот желание наказать Америку, не подумав о последствиях и не считаясь с объективными фактами, – это мне принять очень трудно.

– *Известно, что Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) потребовала от США назначить конкретные сроки ухода с авиабаз в Узбекистане и Киргизии. Ожидаете ли вы, что Вашингтон пойдет на такой шаг?*

– Я читал декларацию ШОС. И мне не хотелось бы употреблять слово «требование». Требований я в документе не видел. Требования должны быть конкретными и международно легитимными. Под конкретными я имею в виду, например, следующее: «Вы должны нам сказать, когда вы выводите базы, и мы решим, приемлемо для нас это или нет». Язык декларации в данном случае более общий. Речь идет скорее о пожеланиях. Соглашения по базам США имеют не с ШОС, а с конкретными государствами. Если эти конкретные государства потребуют, чтобы американские базы выводились, то, думаю, они будут выводиться. Например, Ташкент ограничил возможности полетов, в первую очередь ночных, с американской базы в Узбекистане. И США с этими ограничениями считаются и не пытаются их нарушать. Хотя это и причиняет неудобства американской военной авиации, которая использует базу для боевых операций в Афганистане.

Вашингтон получил разрешение на эти базы после терактов 11 сентября 2001 года для проведения операции по свержению режима талибов. Я думаю, мы все понимаем, что, к сожалению, боевые действия в Афганистане еще не закончились. И за последнее время в некоторых регионах этой страны даже имела место активизация боестолкновений. То есть первоначальная миссия не закончена. И целесообразность сохранения этих баз с точки зрения Соединенных Штатов в рамках этой первоначальной миссии в Афганистане сохраняется. Если соответствующие правительства скажут Вашингтону, что эти базы должны быть закрыты, я уверен, они будут закрыты. Но это должно быть сделано соответствующими правительствами, а не ШОС, с которой, повторю, никаких договоренностей не было. И последнее: каждое суверенное государство имеет право настаивать на закрытии баз, но не имеет права ставить вопрос так: базы вы должны вывести, а все остальные наши отношения, в том числе предоставление нам помощи, продолжить. Учитывая меру, в какой Ташкент продолжает сохранять интерес к американской помощи, речь будет идти не об односторонних требованиях-ультиматумах, а скорее о процессе серьезных, нелегких переговоров.

– *На ваш взгляд, если базы все-таки будут закрыты (ввиду двусторонних договоренностей и переговоров или иначе), каким будет военное присутствие США на постсоветском пространстве? Мог бы Вашингтон передислоцировать войска, скажем, в Азербайджан или в Грузию?*

– Думаю, что Грузия не является адекватной заменой Узбекистану, если речь идет о военных операциях в Афганистане. Мне о таких планах неизвестно. С Азербайджаном дело обстоит несколько сложнее. Баку проявлял некоторый интерес к размещению американских военных.

Если базы в Узбекистане и Киргизии будут закрыты, то в первую очередь будет рассматриваться вопрос о расширении присутствия американских военно-воздушных сил в Азербайджане. Это наиболее логично. Такие возможности есть, хотя данный шаг и создаст некоторые неудобства. А все остальное будет зависеть уже от того, как будет происходить процесс вывода баз. Думаю, было бы очень неудачно, если бы базы были закрыты, что называется, мгновенным волевым решением, если бы это решение выглядело как откровенно враждебный жест. Особенно – как это уже сейчас начинает выглядеть в некоторых кругах Вашингтона – не как жест суверенных Узбекистана и Киргизии, а жест, навязанный Пекином или Москвой. Такой поворот мог бы привести к ухудшению российско-американских отношений. Думаю, что необходимо пытаться отделять вопросы в Средней Азии от общего характера отношений между Вашингтоном и Москвой, где и так хватает достаточно серьезных проблем.

– В декларации саммита ШОС содержится призыв к созданию «справедливого миропорядка, базирующегося на подлинно партнерских отношениях без претензии на монополию и доминирование в международных делах». Ранее президент Путин и председатель КНР Ху Цзиньтао высказались в пользу многополярного мира. Все это некоторые обозреватели толкуют как своего рода вызов единственной сверхдержаве – США. Разделяете ли вы эту оценку?

– Полагаю, что другой интерпретации тут быть не может. И мне понятно, почему руководители России и Китая не захотят говорить об этом прямо, как не хотят говорить некоторые вещи открытым текстом в Вашингтоне, когда идут на геополитические шаги, приводя свои интересы в баланс с возрастающей ролью Китая и России. Но намерение Москвы и Пекина совершенно очевидно: нет в мире иной сверхдержавы, кроме Соединенных Штатов, которая возражает против многополярности и которая говорит про универсальность своих принципов и интересов. То есть просто невозможно представить, кого еще, помимо США, могли иметь в виду. Только так это и воспринимается, кстати, в официальных кругах в Соединенных Штатах.

– Насколько актуален, на ваш взгляд, этот призыв? Насколько широко в международных делах распространилась позиция многополярности мира? Правомерно ли сводить эту оппозицию Соединенным Штатам лишь к подходам треугольника «Москва – Пекин – Дели»?

– Не только Россия и Китай, но и многие другие державы, в том числе союзники США по НАТО, выражают озабоченность особой ролью Соединенных Штатов после конца холодной войны и распада СССР. Именно об этом говорил президент Франции Жак Ширак, характеризуя США как «гипердержаву». Подобные настроения сильны в Германии, по крайней мере в кругах правительства канцлера Герхарда Шредера. Исторически так сложилось, что, когда одна держава оказывается доминирующей (будь то в масштабах региона или же всего мира), это всегда ведет к озабоченности и на известном этапе даже к противодействию, желанию создать геополитический баланс. Это, на мой взгляд, абсолютно нормальное явление. Оно не может радовать Вашингтон, но он это понимает и с неизбежностью этих настроений считается. С другой стороны, хочу напомнить: Соединенные Штаты не назначали себя сверхдержавой, так получилось в результате исторических обстоятельств. Это открывает для Америки особые возможности, но является и большим бременем. Просто на данном этапе в Вашингтоне не видят иной архитектуры международных отношений, которая могла бы изменить эту американскую доминирующую роль.

По крайней мере, в военном плане США совершенно очевидно являются сегодня преобладающей державой. Другой вопрос, какие выводы из этого сделают в администрации президента Джорджа Буша и до какой степени будут стремиться к тому, чтобы политика соблюдения американских национальных интересов не проводилась методами, которые антагонизировали бы остальные серьезные державы, в данном случае Китай и Россию. Это было бы для Америки весьма опасно.

– Как в Вашингтоне относятся к такой организации, как ШОС? По вашему мнению, служит ли целям закрепления многополярности мира создание и углубление новых региональных организаций?

– Такие организации существовали десятилетиями. Они неизбежны. Не думаю, что США могут объективно претендовать на единоличное доминирующее присутствие в Средней Азии. Поэтому готовность Китая и России работать с региональными государствами во имя стабильности и расширения демократии, я думаю, в Вашингтоне будут приветствовать. С другой стороны, если будет складываться впечатление, что задача организации – вытеснять США из региона и поддерживать антидемократические режимы, тут, совершенно естественно, в Вашингтоне возникнет настороженная и даже негативная реакция. Сейчас, полагаю, речь идет пока о настороженности.

– На прошлой неделе МИД Китая вызвал заместителя главы дипмиссии США в Китае, где ему была высказана озабоченность в связи с последним докладом Пентагона о военной мощи КНР. Насколько серьезным может быть этот «обмен колкостями» между Пекином и Вашингтоном?

– Вы правильно сформулировали это как колкости. Я бы не драматизировал происшедшее. Такие обмены взаимными «любезностями» происходят регулярно. В американо-китайских отношениях достаточно позитива, отвечающего интересам обоих государств, чтобы эти колкости удавалось локализовать и чтобы они не определяли общий характер отношений. Но, с другой стороны, давайте называть вещи своими именами. Отношения с Китаем у США нелегкие. США – единственная сверхдержава, но Китай быстро превращается в сверхдержаву сам. Китайские военные расходы растут весьма быстро, КНР наращивает свои вооружения. И было бы странно, если бы в Вашингтоне это не вызывало озабоченность. В Китае говорят о возможности использования военной мощи против Тайваня, независимость которого США гарантируют. И было бы странно, если бы в Вашингтоне за происходящим не наблюдали с чувством определенного беспокойства. Кроме того, в Америке сейчас нарастают антикитайские настроения. Это связано, помимо увеличения китайской военной силы, с ростом китайской экономики, с дисбалансом в американо-китайской торговле. Ведь Америка заполнена дешевыми китайскими товарами. Это хорошо для потребителя, но уничтожает сотни тысяч американских рабочих мест, что провоцирует протекционистские настроения в Конгрессе. Тот факт, что Китай не является по-настоящему демократической страной и что периодически оттуда поступают сведения об арестах людей за политические убеждения, об ограничении свободы печати, вызывает в Америке настороженность. И используется тут теми силами, которые хотели бы превратить Китай во врага. Так что колкости – это краткосрочная неприятность, но мне кажется, что сейчас Вашингтону надо очень внимательно следить за тем, чтобы эти колкости не превратились в долгосрочную тенденцию американо-китайского отчуждения. Пока такой тенденции нет, но надо следить, чтобы она не возникла, поскольку определенные предпосылки для этого есть.

Военная сила не должна быть орудием мировой политики

(из интервью РИА Новости, 26.06.2008)

– Считается, что обычные американцы весьма далеки от внешней политики своего государства и в большей мере интересуются локальными проблемами. Насколько это соответствует действительности?

– В определенной мере это так. Во всяком случае, на этих выборах из всех международных вопросов обсуждается только один Ирак. И понятно почему: он впрямую влияет на внутреннюю ситуацию. На войну потрачено как минимум 500 миллиардов долларов. А по подсчетам некоторых весьма уважаемых людей, в частности лауреата Нобелевской премии Джозефа Штиглица, – до трех триллионов. Погибло около четырех тысяч американских солдат – эта цифра для американцев очень высокая. Остальные проблемы – свобода международной торговли, из-за которой в США якобы поступает дешевый китайский товар, отправленная китайская еда, и от этого страдают американские потребители, американские рабочие. У этой темы тоже есть очень сильный внутренний компонент.

Что касается тем, которые к каждодневной жизни американцев отношения не имеют, они в избирательной кампании присутствуют минимально.

– Вам, видимо, хорошо известно, кто из авторитетных американских политиков влияет на позиции кандидатов,дает им советы?

– В группу советников Маккейна входят так называемые реалисты, которые придерживаются прагматических взглядов во внешней политике, такие как Генри Киссинджер, Роберт Макфарлейн. Эти реалисты поддержали Маккейна, но их влияние на его позиции ограничено. Сильнее на Маккейна воздействуют неоконсерваторы, и он однозначно эволюционировал в их направлении. Это касается не только России, это касается и Китая, и идеи демократии, ради торжества которых США имеют право применять вооруженные силы. Это касается угроз в адрес Ирана. Такой внешнеполитический подход как раз характерен для неоконсерваторов.

Обама, в отличие от Маккейна, придерживается более прагматичных взглядов. Он скорее склонен к международному диалогу. Он считает, что может говорить со всеми государствами. Противники упрекают Обаму, что он, мол, через уступки предаст американские интересы. Но он не боится таких разговоров. Барак Обама исходит из того, что в международных отношениях нельзя сказать другой стороне: вот мы хорошие, а вы плохие, или наоборот: мы любим ваш народ, и мы сформулируем национальные интересы для вашей страны. И такую линию в международных делах поддерживает основная масса его советников. Даже специалист по России Майкл Макфол, который является довольно крутым критиком российских внутренних порядков и вообще большой сторонник продвижения демократии как основного направления американской внешней политики, с тех пор как присоединился к команде Обамы, умерил свой радикализм.

Макфол, к примеру, стал возражать против высказываний Маккейна о том, что Россию нужно исключить из «Большой восьмерки».

– Близкий к кандидату Маккейну человек Роберт Макфарлейн, недавно выступая в Вашингтоне, успокоил: если Маккейн приведет в администрацию Белого дома своих «ястребов» и они поссорятся с Россией, то через год он всех их уволит. Насколько это может соответствовать действительности?

– Если Маккейн станет президентом, столкнется с реальным миром и Америка получит по рукам, то не будет упорствовать и призовет в кабинеты власти других, более прагматичных

людей. Макфарлейн, кстати, не единственный в этом предсказании. Но факт остается фактом, что пока Маккейн звучит скорее как неоконсерватор.

– *Есть мнение – его высказывают как в России, так и кое-кто в Европе, – что, если американцы выберут Обаму, двум молодым, не отягощенным стереотипами, президентам России и США будет легче договориться. Что скажете на этот счет?*

– Медведев, во-первых, связан, как мне представляется, обязательствами и обстоятельствами. Не думаю, что в первые годы он пойдет на значительные уступки. В Америке и в Европе сейчас модна идея, что Медведев должен доказать себя. Причем не России, а доказать себя Западу. Что касается Обамы, надо иметь в виду, что американский президент обладает большей властью. В Америке нет разделения полномочий между главой государства и главой правительства – это один и тот же человек, поэтому у него будет большая свобода маневра. В то же время, если его изберут, у него будет доверие конгресса, где сейчас в большинстве демократы.

Тем не менее не все так просто для Обамы. Он начал бы свое президентство с конгрессом, который в значительной части поддерживает расширение НАТО, в том числе поддерживает членство Грузии в НАТО. Я не думаю, что это то, с чего он хотел бы начинать. И как он будет выходить из этого положения – даже более проблематично, чем кто выиграет в США президентские выборы. Далеко не все однозначно и в Евросоюзе. Новая Европа тоже не говорит одним голосом. Я имею в виду прежде всего новых членов ЕС. Их голоса сегодня наиболее слышны, и они хотели бы придать НАТО и Европейскому союзу более антироссийский уклон. Грузию в НАТО не приняли, но, поскольку ей обещали членство, надо ее поддерживать, особо не разбираясь, в чем суть осложнений между Россией и Грузией. Есть большая плохая Россия (это не моя позиция, а многих в НАТО) и есть маленькая демократическая Грузия. Долг НАТО поддерживать Грузию, не задаваясь вопросом, о чем идет спор. Поэтому, мне кажется, на быстрые перемены рассчитывать не стоит. Никто в Вашингтоне не собирается воевать с Россией из-за Цхинвала и Сухуми. Я это сказал прямо в лицо президенту Саакашвили на мероприятии центра Никсона, и он как-то на меня слегка обиделся. Но я сказал чистую правду: в Америке есть силы, которые готовы не только поддержать, но и поощрять Саакашвили. Но эти силы не готовы использовать военную мощь Америки для решения проблем Грузии с непризнанными республиками.

– *Но в этом случае, как мы все понимаем, Россия тоже не останется в стороне. И тлеющий конфликт Грузии с Южной Осетией или Абхазией может превратиться в серьезное противостояние крупных держав. Как вы смотрите на опасность такого развития событий?*

– Я не жду третьей мировой войны, не жду новой войны в Европе, так же как войны на Кавказе с серьезным международным компонентом. Я опасаюсь другого. Если здесь начнутся даже незначительные военные действия, они неизбежно приведут к политической конфронтации между Россией и США, между Россией и НАТО. Эта балансировка на грани войны разрушит то, что выстраивалось в последние годы между Москвой и Вашингтоном, Москвой и Брюсселем. Вряд ли тогда придется рассчитывать на сотрудничество даже в таких важнейших сферах безопасности, как антитerrorизм или совместная борьба за нераспространение ядерного оружия. Кто ж будет оказывать услуги своему потенциальному врагу? И в этом случае начинается поиск союзников не там, где хочется, а там, где они есть, будь то в Тегеране или в Каракасе. Поэтому для меня эта ситуация опасна не из-за того, что может начаться тотальная война между Россией и Западом, а потому, что возможный местный военный конфликт способен одновременно заблокировать сотрудничество России с Западом.

– *А зачем Запад поощряет стремление нынешнего руководства Украины на вступление в Североатлантический альянс, если известно, что проведи оно референдум – большинство украинских граждан дадут отрицательный ответ по поводу НАТО?*

– Стоит заметить, что в украинской Конституции нет такого положения, чтобы вопрос членства Украины в международных организациях решать путем референдума. Можно спо-

рить, правильно это или нет, можно спорить о целесообразности такого шага и его последствиях. И подобного рода дискуссии идут в украинском обществе, хотя по Конституции украинское правительство делать это не обязано. У них есть легитимный парламент, полномочный принимать решения большинством, и соответствующие процедуры утверждения любого международного договора. Но, с другой стороны, помнится, Болгария в свое время стремилась вступить в Советский Союз. Факт в том, что если кто-то хочет присоединиться к твоему союзу, ты не обязан на это соглашаться. НАТО создан вовсе не для того, чтобы защищать своих членов от России. Он призван способствовать миру, стабильности и политической предсказуемости. Как создание новых невидимых линий конфликтов в Европе будет способствовать безопасности членов НАТО, я не до конца понимаю. Ясно, что никакой военной угрозы для НАТО со стороны России не существует. Угрозы исходят совсем из других мест, я имею в виду Иран, Пакистан, Афганистан, «Аль-Каиду». В этих условиях превращать Россию из партнера в противника явно не в интересах безопасности НАТО. У Украины есть свои мотивы, а у НАТО есть право сказать: друзья, надо подождать. Теоретически любая страна может присоединиться к НАТО, об этом было заявлено на саммите в Бухаресте и в отношении Украины и Грузии. Но совершенно не обязательно, что это право будет осуществлено в данный момент или в ближайшие годы.

Что касается Грузии, то мне представляется несерьезным разговор о ее вступлении, потому что Грузия не обладает контролем над своей территорией, точнее над теми территориями, на которые она претендует. По уставу НАТО туда не могут быть приняты страны, у которых есть территориальные конфликты. Поэтому, с моей точки зрения, Грузия должна принять решение: либо она хочет быть в НАТО в своей нынешней территории и отказаться от территориальных претензий на Абхазию и Южную Осетию, либо должна подождать членства в НАТО, пока вопросы об этих двух непризнанных республиках не будут разрешены.

– *На постсоветском пространстве образований с таким статусом, как известно, куда большие, и все они претендуют быть признанными и Россией, и международным сообществом...*

– В случае Молдовы президент Воронин дал Путину другой ответ по НАТО, чем Саакашвили. Молдова не стремится в НАТО на данном этапе, и это повлияло на российский подход к территориальной целостности Молдовы. Мне кажется, Россия в целом поддерживает усилия молдавского руководства найти какое-то разрешение кризису на основе представления большой автономии Приднестровью в рамках Молдовы. Что касается НКР, Нагорный Карабах не просто непризнанная кем-то территория. Сегодня он – неотъемлемая часть Армении, и если Азербайджан его не отвоюет, то я не вижу механизма, с помощью которого эта территория могла бы быть возвращена.

В отношении Абхазии и Южной Осетии у Саакашвили была возможность начать процесс их мирного присоединения тогда, когда он обратно получил Аджарию, между прочим, без всяких возражений со стороны России. У него были переговоры с Путиным, и он обещал не торопиться с закрытием российских военных баз. На деле Саакашвили сделал все, чтобы они закрылись раньше, чем требовали договорные обязательства. Хотя эти базы с военной точки зрения Грузии никак не угрожали. Потом он стал преподносить себя как лидера по продвижению «цветных революций» и изменений в регионе фактически в целях расширения трансатлантического пространства на территории, которую Россия традиционно включала в сферу своего влияния. Наконец, он ничего не предложил ни абхазам, ни Южной Осетии по улучшению социального и экономического состояния. Саакашвили пошел прямо в обратном направлении и нарвался на конфликт с Россией.

– *По-вашему, точка невозврата наступила?*

– Думаю, что для Саакашвили – да.

– *Война в Ираке когда-нибудь закончится?*

– Все войны обязательно когда-то кончаются. Вот когда и как – это другой вопрос. Маккейн прав в одном: уровень войны имеет значение. Если война будет стоить не сто миллиардов в год, а 10 миллиардов, если потери удастся сократить ниже 20 солдат в месяц, то элемент срочности, конечно, будет снижен. Но не до бесконечности. Война будет иметь негативные последствия в мусульманском мире и будет отвлекать Америку от других приоритетов. Американская администрация начнет искать возможность выйти из Ирака, но таким образом, чтобы там все не рассыпалось, чтобы не началась гражданская война, чтобы там не появились базы «Аль-Каиды». Но в Америке президент полагает – конгресс располагает. Он контролирует ресурсы и, что бы ни собирался сделать Маккейн в отношении Ирака, ему придется считаться с тем, что против него будет подавляющее большинство демократов в конгрессе, которые должны помнить, что их выбрали с четким мандатом покончить с войной. И у Маккейна будет выбор: либо идти на конфронтацию с конгрессом и рисковать, что американская военная акция в Ираке закончится поражением, как во Вьетнаме, либо президент продолжит войну, но не будет ни самолетов, ни вертолетов, ни боеприпасов. А так войну не ведут. Значит, и Маккейну придется найти какую-то формулу под давлением конгресса, которая позволит сделать то, о чем говорит Обама, – начать постепенный вывод войск из Ирака. Я считаю это абсолютно неизбежным при том или ином президенте.

– В США все еще продолжают верить, что силовым путем можно продвигать демократию? Разве недостаточно афганского опыта?

– Лично я никогда не был сторонником насаждения любых ценностей с помощью военной силы. Но мотивом прихода США в Афганистан стало 11 сентября и все, что с ним было связано. Кстати, Америка в Афганистане оказалась в партнерстве с Россией. А она, в свою очередь, – в компании с Северным союзом, который сыграл очень важную роль в свержении режима «Талибана». Что касается Ирака, очень трудно понять, зачем туда США пришли. Скорее всего, у кого-то были свои мотивы, не связанные только с американской безопасностью. Президент Буш очень хотел отомстить за покушение на своего отца, который совершил режим Саддама Хусейна в Кувейте. Части неоконсерваторовказалось, что таким образом они отстаивают интересы Израиля. К тому же было много данных, что Ирак располагает оружием массового уничтожения. И хотя Россия, Франция, Германия не были убеждены в этом в той же мере, что и США, никто не отрицал такой вероятности. Саддам Хусейн играл в какие-то игры с инспекторами, которые выглядели очень подозрительно. Санкции не срабатывали, поддерживать их бесконечно было невозможно. Возникло опасение, что эта ситуация, которую трудно было назвать сдерживанием, ситуация ни мира ни войны, легко могла деградировать и привести к какой-то выходке со стороны Саддама Хусейна с применением оружия массового уничтожения. Это склонило большинство конгресса и большинство американского внешнеполитического эстеблишмента к поддержке войны.

Ну а дальше оказалось, что США были плохо готовы к войне, точнее к ее последствиям. Т. е. не представляли расклада политических сил в Ираке, не имели никакой концепции по конструкции Ирака после войны. Но при всех тех условиях установление демократии в Ираке не было основной американской целью. Поэтому сегодня неоконсерваторы говорят: то, что произошло в Ираке, не дискредитирует идею распространения демократии. Хотя мне кажется, что сама концепция распространения демократии с применением силы – порочная. Кроме всего прочего, если мы убеждены, что демократия по определению включает право избирателей совершать ошибки, выбирать одних людей сегодня, выбрасывать их из офиса и приводить других завтра, то мы должны уважать и право народов и государств принимать собственные решения, в том числе неудачные. Если речь не идет об исключительных случаях, например геноциде, то, я полагаю, военная сила как инструмент изменения чьих-то внутренних условий не должна быть орудием мировой политики. Иначе неизвестно, куда мы приедем. Вполне возможно, что США окажутся не единственными, кто захочет присвоить себе это право. Скорее

всего, появится много других претендентов насаждать свои идеи, в том числе тех, кого США никак не одобряют.

– *Когда Буш-младший уйдет, его будут вспоминать как самого плохого американского президента или нет?*

– История отличается тем, что современники никогда не могут предсказать значение того или иного правителя. Трумэна в свое время воспринимали как самого плохого президента, а сейчас его личность весьма популярна. Я буду поражен, однако, если Буша вследствии назовут особо выдающимся президентом. Но, наверное, будут помнить, что за время его президентства, кроме 11 сентября, не было никаких террористических атак на США. Что ни в никакую другую войну, кроме Ирака, он Америку не втянул. Хотя есть у кого-то в администрации искушение перед уходом попробовать что-то предпринять против Ирана. Очень важный итог, какие экономические условия застанет его преемник. Если окажется, что нынешний спад всего лишь этап к последующему экономическому росту, то восприятие Буша будет вполне позитивным. Президентов ведь ценят не только за то, что они сделали, но и за то, что они оставили.

Антироссийское лобби в США

(из интервью для радио «Эхо Москвы», 01.03.2012)

— ...Господин Саймс, скажите, пожалуйста, если я правильно понимаю, тема России не очень звучна в американских выборных баталиях?

— Она присутствует минимально. Только в одном плане. Обама, у него не так много внешнеполитических достижений...

— Ну, это мягко сказано.

— ...и он любит хвастаться тем, как сработала замечательно перезагрузка...

— А-а, с его точки зрения, она сработала?

— С его точки зрения, она сработала. Какие ему удалось установить отношения с Медведевым, не жертвуя американскими национальными интересами...

— Ох, не жертвуя.

— И чем больше Обама говорит, чего ему удалось добиться с Россией, тем больше республиканцы говорят: одну секунду, покажите нам результаты, и не пошли ли Соединенные Штаты в процессе на неоправданные уступки.

— Ну, насчет неоправданных уступок — это даже не смешно. Ладно. Но здесь вот, в российской президентской кампании Америка звучит довольно часто. И во внешнеполитической части разговоров, и во внутренней. Потому что Америка дала себя не раз упрекнуть в том, что она вмешивается в ход политических событий в России. Как вы относитесь, например, к знаменитому приему Макфола, когда он, не успев вручить верительные грамоты, показательно принял оппозиционеров российских?

— Я знаю Майкла Макфола много лет, и я был у него вчера в посольстве.

— Вам можно.

— Спасибо. Хотя российская милиция меня остановила и сначала проверила.

— Ну, она хотела убедиться, что вам можно.

— Спасибо. Установили. Я знаю его довольно много лет, и у нас всегда были довольно разные взгляды, в первую очередь по вопросу о продвижении демократии. И ни он, ни я не скрывали своих разногласий, мы неоднократно полемизировали на страницах печати, по телевидению и так далее. Тем не менее я думаю, что Майкл Макфол — серьезный профессионал. Я думаю, что он сыграл конструктивную роль более гибкой американской позиции по поводу России, которая стала проявляться в начале президентства Обамы. И, конечно, Макфол оказался в очень сложном положении, когда он сюда приезжал. Уже стало традицией, что президент США сюда приезжает — встречается с оппозицией, Госсекретарь приезжает — встречается с оппозицией, Майкл Макфол жил в Москве, он занимался специально продвижением демократии, ему приехать сюда и вот никак не встретиться с оппозицией и гражданским обществом было бы очень трудно, ну и потом, вы знаете, ваши оппозиционеры — люди обидчивые, энергичные, причем как вот они обидятся, что кто-то, с их точки зрения, в Соединенных Штатах недостаточную им оказывает поддержку, они сразу в Конгресс бегут, в печати выступают, как Соединенные Штаты жертвуют своими принципами.

— То есть если бы Майкл Макфол не принял наших ребят, то его могли бы снять до вручения верительных грамот.

— Я думаю, что его бы не сняли, конечно, но на него были бы атаки в Соединенных Штатах, политические атаки. А для того чтобы посол был эффективен, ему важно не только чтобы его хорошо принимали в Москве, но чтобы у него была правильная репутация в Вашингтоне.

– То есть сделать шаг, несомненно, faut pas с точки зрения дипломатического протокола дешевле, чем проштрафиться перед лобби?

– Давайте о фактах. Первое. Он вручил свои верительные грамоты замминистра Сергею Рябкову за день до того, как он встретился с оппозицией. Конечно, официальный момент, когда посол вступает полностью в свои обязанности, это когда он вручает свои грамоты президенту.

– Совершенно верно.

– Этого еще не произошло, но на каком-то каждодневном уровне посол традиционно не только в России, но и в Соединенных Штатах имеет право функционировать, когда он вручил...

– Имеет право! Так о праве никто не говорит. Право, конечно, было.

– Второе. Он, конечно, выступал в данном случае не в качестве принимавшей стороны этих граждан, а в качестве сопровождавшего лица. Он сопровождал первого зам. Госсекретаря Билла Бернса. И это Билл Бернс приглашал их на встречу с собой. Макфол играл в этом второстепенную роль.

– Ну хорошо, будем считать, что несправедливо слишком сильно обвинен. Хотя все равно нехорошо. Нехорошо.

– Несправедливо слишком сильно обвинен, с моей точки зрения, абсолютно однозначно. Но решение это было неудачное. Решение это было неудачное, с моей точки зрения, не решение посла Майкла Макфола, а сложившаяся в Америке за последние 20 лет практика, что Соединенные Штаты абсолютно обязаны иметь мнение по поводу внутриполитических ситуаций во всех странах и это мнение энергично и публично проявлять. Вот в этом проблема, а не в том, что сделал посол Майкл Макфол.

– Абсолютно с вами согласен. Частный вопрос гораздо менее значим. Тем не менее вы очень интересную вещь сказали, что, если наших «оранжевых» ребят не погладить по головке, они побегут жаловаться в Конгресс, а в Конгрессе есть люди, которые охотно их слушают. Я так понимаю, что пророссийского лобби у вас там нет. А антироссийское есть?

– Антироссийское есть. Пророссийское тоже в какой-то мере есть, если речь идет о...

– Ой, расскажите, ужасно интересно.

– Как, американские компании, которые заинтересованы в торговле...

– Что-то они какие-то, видимо, не очень значительные усилия предпринимают, как-то вот...

– Не очень значительные предпринимали до последнего времени, это связано во многом с неразвитостью российских отношений. И потом с тем, что, прямо скажем, американским инвесторам на российском рынке очень нелегко. Существенно хуже, чем в Китае, уж не говоря там, скажем, о Бразилии, Индии. Уровень российской коррупции, уровень непредсказуемости для иностранных...

– Господин Саймс, это мы все знаем. Но это на самом деле верно для разговора с любой точки земного шара, но почему-то американцы этот разговор ведут громче остальных. Ладно.

– Вы знаете...

– Про антироссийское, пожалуйста.

– Если вы говорите не о том, что должно быть, а как есть, лоббисты, они чем-то мотивированы...

– Да, конечно.

– Если вы хотите, чтобы американский бизнес лоббировал в пользу России, то американский бизнес должен ощущать, что российский рынок для него приоритетен. Пока этого нет по тем причинам, про которые я вам сказал.

– Хорошо. Антироссийское лобби?

– Ну, антироссийское лобби, оно очень сильное. Отвлекаясь как бы уже от пережитков холодной войны, отвлекаясь от этнических общин в Соединенных Штатах из Восточной и Центральной Европы, которые привыкли видеть в России своего гегемона, оккупанта и так далее, но, вы понимаете, в Америке за последние 20 лет в какой-то мере сложился менталитет единственной великой державы, которая должна определять мировой порядок. И когда кто-то пытается этому мешать, как это делает Владимир Путин, у них это вызывает раздражение. Это не потому, что Путин, это не потому, что Россия, а вот как же так: мы в Соединенных Штатах знаем, что такое разумное, доброе, вечное, а появляются тут какие-то в России, они уже даже не сверхдержавы сами, а чего себе позволяют? Это вызывает большое раздражение.

– Но, видите ли, когда вы говорили про пророссийское лобби, вы говорили, что за это мало платят, потому что это мало приносит, это нерентабельно – пророссийское... А почему вот это рентабельно? Почему потакание остаткам антиимперских взглядов Восточной Европе рентабельно? Кто за это платит?

– Ну, потому что... я в данном случае не имею в виду, что рентабельно с точки зрения, что кто-то конкретно оплачивает, хотя это имеет...

– А, то есть бесплатный лоббизм – и такое бывает?

– Если вы говорите об американских компаниях, то у них есть деловые интересы, и они пролоббируют свои интересы, им не надо, чтобы кто-то им еще за это платил.

– Это мы поняли, да. Это мы поняли.

– Ну а что касается... вот те силы в Америке, которые с подозрением относятся к России, у них у многих есть свои мотивы. Я принимал участие сейчас в дебатах о том, должна ли демократия быть центральным приоритетом американской внешней политики, которые проводил американский Совет по международным отношениям. Но и мне было просто интересно посмотреть, до какой степени американская внешнеполитическая элита (это было не по России конкретно), но в целом, до какой степени американская внешнеполитическая элита стала считать, что Соединенные Штаты не должны просто отстаивать свои национальные интересы, но активно продвигать демократию во многих странах. И я это говорю не потому, что я проиграл (я на самом деле по опросу в результате дебатов выиграл), но это было совершенно очевидно, что я выиграл только потому, что я говорил, что это не должно быть центральным приоритетом.

– Господин Саймс, мне ужасно интересно было бы поговорить на эту тему. В частности, мне было бы интересно узнать у вас, как американская элита расценивает поддержку демократии в Бахрейне, где просто пришли оккупационные войска и смели протестующих. Но это отдельная песня. А я бы сейчас хотел все-таки...

– Американская поддержка демократии отличается, с одной стороны, крайним энтузиазмом, а с другой стороны...

– Крайней избирательностью.

– ...здоровым pragmatizmom.

– Очень хорошо. На самом деле мне только что сказали, осталось две минуты нашего с вами разговора, поэтому, если можно, ваши впечатления от нашей президентской кампании, которая вот на днях закончится.

– Ну, эта кампания оказалась гораздо более серьезной и реальной, чем многие в Америке предполагали. Она показала, что в России, безусловно, есть возможность проводить серьезное обсуждение серьезных проблем. Совершенно очевидно, что у власти есть преимущество. Между прочим, президента Обаму всегда будут показывать по телевидению больше, чем его оппонентов.

– Это стандарт, да.

– Потому что президент ведет себя как президент, это понятно. Конечно, я не являюсь энтузиастом многоного, что делала российская власть. Я во многом больше уважаю, кстати, независимую российскую внешнюю политику, чем многие коррупционные практики внутри страны

и засилье чиновничества. Но, с другой стороны, вы знаете, я воспринимаю себя как человека из фильма «Чапаев», когда, помните, приходят крестьяне к Чапаеву и говорят: белые пришли – грабят, красные...

– *Красные пришли – тоже грабить начали.*

– И вот на непримиримость, необольшевизм значительной части российской оппозиции, то, когда я смотрю, мне тоже становится слегка страшно.

– *Вам не кажется, что целые группы занялись просто исключительно распространением ненависти, даже уже не полемики, а просто ненависти?*

– Вы знаете, я уехал из Советского Союза около сорока лет назад. И, конечно, я не принимал советскую власть, но я не принимал вот тогдашний советский максимализм и нетерпимость со стороны так называемой либеральной интеллигенции. Это... вот я смотрю, что происходит сейчас, они говорят о том, как нужно продвигать Россию к будущему, но я вижу московскую кухню 1970-х годов и, если хотите, революционную полемику еще конца XIX века.

– *То есть явно не хватает маузеров. Ну вот, господа, вы же видите, что взгляд нашего бывшего соотечественника, а ныне американского политолога на наши события во многом схож с тем, как мы сами их видим. Спасибо.*

Правила исключения

(из интервью «Российской газете», 28.11.2013)

Вера американцев в собственную исключительность непоколебима и неискоренима. Об опасности этой идеи для мирового сообщества и для самих Соединенных Штатов «РГ» побеседовала с политологом, главой Центра национальных интересов США, Дмитрием Саймсом.

– *Могут ли страны считать себя исключительными?*

Дмитрий Саймс: Да, конечно. Все страны имеют свою историю, свою специфику и свою национальную гордость. Это в особенности касается таких великих государств с разнообразной и богатой историей, как США и Россия. Проблема возникает не тогда, когда кто-то считает себя исключительным, а когда кто-то на этой основе требует для себя особых прав на международной арене и ожидает, что другие страны с этим согласятся. Такая постановка вопроса, которую, в частности, предлагает президент Обама, мне кажется крайне неубедительной.

– *Неужели Обама не понимает, что когда он так говорит об американской исключительности, то настраивает весь мир против США, и Америка перестает быть лидером, а становится изгоем?*

Дмитрий Саймс: Я так не думаю. Барак Хусейн Обама (кстати, когда он выступает, то в одних случаях использует свое среднее имя, а в других – предпочитает не употреблять) начал свою карьеру как активный противник американской исключительности. Более того, он был сторонником, последователем, прихожанином знаменитого радикального антиамериканского пастора Райта, который считал, что Америка – страна ужасная, и говорил, что Бог проклинает Америку. Как от этого Обама пришел к нынешней высшей степени исключительности в своих последних речах? Это вопрос очень интересный. И я не думаю, что это связано с его интеллектуальной эволюцией. Скорее это вызвано тем, что внешняя политика и международные дела интересуют Обаму значительно меньше, чем усилия по социальной трансформации Америки, превращение США в европейского типа популистскую демократию – что-то среднее между Швецией и Венесуэлой периода Уго Чавеса. И, когда он смотрит на международные вопросы, у него часто возникают вполне здравые, прагматические инстинкты. Но ему не хочется тратить на внешнюю политику серьезный внутриполитический капитал. Поэтому разговор про американскую особенность (в которую, как мне кажется, он и сам по-настоящему не верит) – это проявление pragmatизма.

– *Куда этот путь приведет Америку?*

Дмитрий Саймс: Америка может быть по-своему исключительной, но совсем не в том смысле, который закладывали отцы-основатели. Что тогда считалось исключительностью Америки? Это, прежде всего, отражено в словах американского президента Джеймса Мэдисона. Он считал, что если бы люди были ангелами, то над ними не пришлось бы устанавливать какое-то правительство. Но поскольку люди ангелами не являются, то важно, чтобы любое правительство не было слишком сильным и не могло вмешиваться в частную жизнь. А президент Джордж Вашингтон в своем прощальном обращении к нации говорил, что одна из главных задач – сделать так, чтобы разные ветви власти не пытались узурпировать полномочия друг друга. Ведь какими бы хорошими мотивами они ни руководствовались, это объективно ведет к деспотизму, даже если формальная оболочка выглядит как демократическая.

Последние разоблачения, благодаря которым мы узнали об активности американских спецслужб, не возьмется оценивать ни один юрист. Они затронули такое фундаментальное понятие, как право человека на частную жизнь и на то, чтобы государство не вторгалось в его

личные секреты, которые по определению не должны становиться достоянием государства и общественности.

Мне кажется, что идея Америки, в которую верит и которую реализует Обама, очень сильно отличается от того, что имели в виду американские отцы-основатели. И я не верю, что это та версия американской исключительности, которая может удерживать США на международной арене не просто как самую сильную в экономическом и военном плане державу, но и как державу, у которой есть духовная и политическая миссия. То, что делает Обама, подвергает эту особую американскую духовную и эстетическую миссию серьезной угрозе.

– *У США есть право нарушать международно-правовые нормы?*

Дмитрий Саймс: Мне кажется, ни у кого нет права нарушать международное право. Но всегда есть возможность, если ты не согласен с определенными нормами, выйти из соответствующих организаций. Тогда ты с их решениями не обязан считаться. Например, если кого-то не устраивает авторитет Совета Безопасности ООН и право Совета Безопасности принимать решения с учетом вето любого из пяти членов, то я хочу напомнить, что ООН – это организация добровольная и ее можно покинуть. Конечно, уход Америки из ООН нанесет большой удар по авторитету организации. Но когда ты находишься в соответствующей организации, то надо считаться с ее нормами. Или надо осознавать, что другие страны, особенно великие державы, посмотрев на твое поведение, могут решить: раз Америка может нарушать нормы, то и другие могут нарушать нормы.

Мне кажется, что идея «если тебе сегодня что-то может сойти с рук, то это долго будет продолжаться» применительно к внешней политике очень рискованная. Особенно в условиях многополярного мира. В итоге может выйти, что как аукнетсяся, так и откликнется.

Утопия глобальной подотчетности

Новый «Акт о глобальной подотчетности в области прав человека» – законопроект, представленный сенатором от штата Мэриленд, демократом Бенджамином Кардином и сенатором от штата Аризона, республиканцем Джоном Маккейном, направлен на борьбу с коррупцией и продвижение прав человека по всему миру.

Сенатор Кардин, автор «Акта Магнитского», на котором основывается новый законопроект, заявил, что «этот законопроект на самом деле привлечет всеобщее внимание к нарушителям прав человека». К сожалению, как это не раз демонстрировала история, дорога в ад вымощена благими намерениями. Если этот законопроект будет принят Конгрессом и подписан президентом Обамой, он может способствовать нарастанию отчужденности от Америки правительств и народов по всему миру и нанести урон национальным интересам США, не оказав при этом существенной помощи угнетенным.

Желание бороться против коррупции и за права человека во всем мире – это похвальное намерение. Обе эти цели на протяжении значительного периода времени были важными составляющими внешней политики США и, скорее всего, останутся таковыми. Но политику следует судить не по намерениям, а по результатам, и трудно сказать, каким образом этот законопроект сможет способствовать выполнению содержащегося в нем обещания достигнуть этих двух целей.

Во-первых, если «Акт о глобальной подотчетности в области прав человека» станет законом, маловероятно, что он будет применяться повсеместно или беспристрастно. Члены Конгресса первыми откажутся от идеи о том, чтобы отзывать визы или изымать активы у правительственные чиновников из стран-союзников США.

Администрация президента Обамы и будущие президентские администрации с большой долей вероятности будут использовать содержащиеся в Акте оговорки, связанные с вопросами национальной безопасности, чтобы защитить своих союзников, друзей или кого-то кто имеет значение, тем самым укрепляя то, что называют «политикой двойных стандартов» и ослабляя моральный авторитет США.

Во-вторых, такой закон, как этот, будет не слишком эффективен, если он будет введен только в Соединенных Штатах. Европейские правительства не приняли у себя акты, аналогичные «Акту Магнитского», и кажется маловероятным, что они примут всемирную версию этого закона. И даже если Европейский союз предпримет схожие шаги, следует учесть, что возможности для торговли, инвестиций, путешествий и дипломатии за пределами Запада растут. Развивающиеся финансовые центры в Дубае и Гонконге – вот лишь один из примеров. Более вероятно, что закон негативно скажется на инвестиционной привлекательности Соединенных Штатов и любой другой страны, которая последует их примеру. Кто захочет рисковать активами, которые может без суда изъять правительство США под давлением непредсказуемого Конгресса?

В-третьих, закон, такой как этот, может спровоцировать противодействие ему на международном уровне и не только со стороны правительств, но и в некоторых случаях со стороны общественности, которую он призван защищать. Ведущие державы в особенности обладают выраженным чувством собственного достоинства и склонны сопротивляться любому давлению извне. В Индии, крупнейшей демократии мира, и политические лидеры, и простые люди, принадлежащие ко всему политическому спектру страны, возмущены действиями США по аресту, обыску с раздеванием и задержанию индийского вице-консула в Нью-Йорке по обвинению в том, что она недоплачивала домработнице и преувеличила уровень ее зарплаты в документах на визу. И это несмотря на тот факт, что многие индийцы возмущены примерами подобной же эксплуатации в их собственной стране.

Наконец, законопроект оставляет слишком много пространства для злоупотреблений со стороны лоббистов, включая и тех, которые представляют интересы иностранного бизнеса. В случае с первоначальным «Актом Магнитского», действие которого направлено на Россию, на его принятии настаивал Уильям Браудер, но и некоторые российские магнаты закулисно поддержали этот закон, по-видимому в надежде запугать власти и конкурентов по бизнесу санкциями. Всемирная версия закона откроет широчайшие возможности для подобных интриг.

Действие «Акта Магнитского» ограничилось Россией, потому что Конгресс в итоге принял ориентированную на Россию версию Палаты Представителей, а не всемирно-направленный законопроект Сената. Тогда американское бизнес-сообщество противостояло глобальному законопроекту из-за его потенциального вреда для конкурентоспособности США и негативного влияния на привлекательность США для иностранных инвесторов. Американский бизнес, скорее всего, будет противостоять и нынешнему законопроекту, хотя пока не ясно, кто именно в Конгрессе захочет возглавить такое движение.

К сожалению, несмотря на то, что администрации Обамы новый законопроект не слишком по вкусу и мало кто из экспертов по внешней политике поддерживает его, он может получить значительную поддержку в Конгрессе. Как рассказал нам один авторитетный источник в Конгрессе, у законопроекта есть серьезные шансы быть принятым отчасти потому, что членам Конгресса нравится показывать, какие они крутые, а о политических последствиях принятия этого закона они не задумываются. Правительству, разумеется, приходится думать о последствиях, и президент Обама последние пять лет, как правило, отличался осмотрительностью во внешней политике. Однако же он предпочитает расходовать политический капитал не на внешнюю политику, а на свои амбициозные внутриполитические цели. Если администрация не приложит значительных усилий, законопроект может стать законом.

Но, даже если это и произойдет, администрация, скорей всего, будет применять этот закон осмотрительно, как она поступила в случае с Актом Магнитского, отказавшись добавить новые имена россиян в список в декабре 2013-го, несмотря на давление со стороны Конгресса. В конечном счете законопроект требует только того, чтобы администрация отвечала на запросы Конгресса объяснениями – он не позволяет непосредственно Конгрессу накладывать визовые запреты или замораживать активы. В некоторых случаях, как в ситуации с Украиной, сама возможность применения таких санкций способна запугать слабое и неуверенное правительство и разделенную и коррумпированную элиту.

Однако просто сам факт принятия закона и обсуждения того, кто должен попасть в список, может привести к гневным ответным действиям со стороны Китая и многих других правительств. Некоторые могут не подчиниться требованиям, но дать по зубам в ответ, как это сделала Россия после Акта Магнитского-2012 и Индия – после того, как Соединенные Штаты грубо обошли с индийским дипломатом. Однако другие страны могут предпочесть просто игнорировать закон, что предотвратит дипломатические конфликты, но будет, скорее всего, способствовать пренебрежительному отношению к серьезности действий Конгресса США и, в конце концов, к самим Соединенным Штатам. Ни один из этих результатов не хорош для Америки.

Дмитрий Саймс в соавторстве с Полом Сондерсом, 2014 год

«Непропорциональные» ответы России

Разногласия между Россией и США по Ирану и Сирии

(интервью «Независимой газете», 24.10.2005)

— Многие наблюдатели полагают, что недавний визит госсекретаря Кондолизы Райс в Москву обозначил реальный кризис в отношениях между Москвой и Вашингтоном по Ирану. Вы разделяете эту точку зрения?

— Нет, не разделяю. Я согласен с тем, что визит Кондолизы Райс в Москву, по-видимому, не привел к конкретным результатам. Это был довольно спонтанный визит, что свидетельствует об известной близости в отношениях Москвы и Вашингтона. То есть, когда есть проблемы, их можно вот так вот взять и обсудить, необязательно надеясь на немедленные результаты. Кстати, диалог продолжается, и сегодня в Москву приезжает помощник Буша по национальной безопасности Стив Хэдли. Но не секрет, что между правительством президента Владимира Путина и администрацией президента Джорджа Буша есть серьезные разногласия по подходам к Ирану. Но о кризисе я бы не говорил.

— На ближайшем заседании Совета управляющих МАГАТЭ может быть решен вопрос о передаче иранского ядерного досье в СБ ООН. Если дело все-таки дойдет до голосования в Совбезе, не спровоцирует ли это кризис между Москвой и Вашингтоном?

— Кризис маловероятен. Во-первых, госсекретарь Райс в Лондоне заявила, что администрация Буша считает на данном этапе необходимым дать дипломатии возможность проявить себя и не выставляет жесткие сроки для передачи досье Ирана в СБ ООН. В Совбезе право вето есть у каждого из пяти постоянных членов, в том числе и у Китая, который пока абсолютно не склонен голосовать за санкции против Ирана.

Но, если бы дело все-таки дошло до голосования в СБ ООН, если бы с одной стороны оказались США, Великобритания и Франция, а с другой стороны — Россия и Китай, конечно, сложилась бы неприятная ситуация. Я надеюсь, что обе стороны сделают все возможное, чтобы такого раскола избежать.

— Как вы считаете, мог бы личный диалог по Ирану между Бушем и Путиным стать тем правильным путем, который помог бы избежать раскола в СБ ООН?

— У президентов очень хорошие личные отношения, и сложилась традиция прямых переговоров. В данном случае мы говорим о переговорах по телефону, которые в прошлом порой позволяли достигать дипломатических прорывов. Однако российско-американские дискуссии по Ирану ведутся уже больше десяти лет.

Для Америки Иран — это страна, совершившая радикальную революцию в основном с внутренним содержанием, но при этом откровенно направленную против США. Прежде шах воспринимался как близкий союзник Вашингтона. С приходом к власти в Иране консервативного клерикала в качестве нового президента американо-иранские отношения стали еще более сложными.

Что касается России, то Иран на протяжении девяностых годов был довольно лояльным соседом. Между Россией и Ираном тесные экономические отношения. Естественно, что Москва смотрит на иранскую ядерную программу через другую призму, нежели США.

Российские и американские интересы и перспективы на иранском направлении далеко не совпадают. Москве и Вашингтону необходимо сближать их по мере возможности, а если

это оказывается невозможным, пытаться не допустить, чтобы данные разногласия приводили к общему кризису. Надеяться, что личная дипломатия президентов сумеет иранскую проблему полностью разрешить, мне представляется, к сожалению, наивным.

– *Возможна ли военная операция против Ирана и какие страны могли бы присоединиться в этой кампании к Вашингтону?*

– Администрация Буша уже несколько раз заявляла, что заранее исключать возможность военной операции против Ирана или Сирии было бы неразумно. Это означало бы оповестить Иран, что можно делать все, что угодно, не опасаясь военной катастрофы.

Если говорить об обозримом будущем, то мне очень трудно представить военную операцию. Какой она должна быть? В 1982 году Израиль разрушил иракский ядерный реактор. Это был четко очерченный объект. В случае Ирана пришлось бы наносить удары по многим объектам. Как бы на это отреагировало иранское население? Не сплотилось ли бы оно еще больше вокруг клерикального режима? Не предпринял бы Иран ответную акцию, допустим, в Ираке? Между тем установление в Ираке политической стабильности на демократической основе и постепенный вывод американских войск – это жизненно важные интересы США.

На данный момент я не вижу американских союзников, которые были бы готовы поддержать США в акции против Ирана за исключением одного – Израиля. Израиль воспринимает угрозу иранской ядерной программы еще более болезненно, чем сами США. На каком-то этапе, если бы израильско-иранские отношения продолжали ухудшаться, а Иран продолжал бы поддерживать группы, угрожающие безопасности Израиля, если бы создалось впечатление, что иранская военная ядерная программа продвигается слишком быстро, могла бы возникнуть опасность израильского военного удара по Ирану. Когда речь заходит о выживании государств, тут никакие варианты исключать нельзя. Я считаю такой удар тоже маловероятным, но все-таки более возможным, чем американская военная атака на Иран.

– *Некоторые аналитики полагают, что, увязнув в Ираке, администрация Буша начала отдавать предпочтение политическим путям решения острых международных проблем. Ваш комментарий?*

– Администрация Буша, как мне кажется, ничуть не отказалась от своих основных внешнеполитических установок, которые включают возможность нанесения превентивных ударов, когда есть угроза безопасности США и их союзников. Там по-прежнему считают, что лучшее средство борьбы с терроризмом – это распространение демократии в мире, что все люди имеют право на демократию, а обязанность и право Вашингтона – способствовать развитию демократии. Человек, который в это свято верит, – это прежде всего сам Буш. И все же президент понимает, что лучшее – враг хорошего. Отсюда и большая гибкость в переговорах с КНДР, которая и привела к немедленным, хотя пока еще предварительным результатам.

У администрации много конфликтующих между собой приоритетов, в том числе и в области бюджета. Огромных денег стоит «Катрина», наблюдается подъем инфляции, есть давление повысить налоги, чего президент никак не хочет делать. Сложившаяся ситуация требует проявлять осторожность, особенно в проведении военных действий, которые потом могли бы вылиться в долгостоящие операции по построению нового государства. Таких средств я в американском бюджете не вижу.

Наконец, главные неоконсерваторы и их союзники больше не занимают ключевых постов в администрации. Они либо перешли в частный сектор, либо, как Джон Болтон, занимают очень видные посты, но не находятся в центре принятия решений. Госсекретарь Райс в отличие от своего предшественника Колина Пауэлла пользуется полным доверием президента, и это позволяет ей больше влиять на формулирование внешнеполитической стратегии страны. Это влияние, с моей точки зрения, направлено на укрепление понимания, что политика определяется не намерениями, а результатами.

– На прошлой неделе в британской прессе появились сообщения, что США подыскивают альтернативу президенту Сирии Башару Асаду. На ваш взгляд, пойдет ли Вашингтон на смену режима в Дамаске?

– Посмотрим на Ирак: у власти там сейчас совсем не те люди, которых первоначально ожидали США. Наиболее близкий администрации Буша бывший премьер-министр Айяд Алауи оказался в оппозиции. Это, кстати, в какой-то мере к чести Вашингтона, поскольку в Ираке он продемонстрировал, что готов подкреплять свои слова про демократию и свободу выбора делами. Возвращаясь к Сирии, было бы наивно полагать, что, даже если бы удалось дестабилизировать Сирию и убрать президента Асада, США могли бы взять и назначить его преемника. А самое главное – удержать его у власти и направить Сирию по верному пути. Мне кажется, на данном этапе политика администрации состоит в том, чтобы повлиять на действия Сирии и заставить Асада и его окружение не вмешиваться во внутренние дела Ирака, запереть сирийско-иракскую границу, чтобы исключить проникновение иностранных боевиков, побудить Сирию окончательно перестать вмешиваться во внутренние дела Ливана, а также прекратить поддержку террористических групп в Израиле. Многое также будет зависеть от того, как режим Асада отреагирует на последние обвинения ООН относительно роли Сирии в убийстве Рафика Харири.

С другой стороны, когда начинаешь активно давить по многим направлениям на не очень стабильный режим, всегда есть возможность, что режим этот начнет трещать со всеми вытекающими последствиями. Мне кажется, что это администрацию скорее беспокоит, чем радует, именно потому, что предсказать последствия дестабилизации Сирии никто сейчас не может. Следует иметь в виду и иранский фактор. Если бы США удалось изменить режим в Сирии, интересно, как бы на это отреагировал Иран, что предпринял бы он в отместку, скажем, на территории Ирака.

– На днях в британских СМИ появилась утечка из секретной служебной записи с Даунинг-стрит. Она датирована январем 2003 года и якобы повествует о телефонном разговоре президента Буша и британского премьера Тони Блэра. Американский президент тогда будто бы отметил, что Ирак – не последняя страна, где следует бороться с распространением ОМУ. В его списке оказались Саудовская Аравия, Пакистан, Иран, а также Северная Корея. На ваш взгляд, список сохраняет актуальность?

– Я не очень представляю себе, какое отношение к распространению ОМУ имеет Саудовская Аравия. Отмечу, во-первых, что записка, о которой идет речь, – это скорее интерпретация беседы, которая необязательно должна быть точной. Во-вторых, этому разговору уже несколько лет. В-третьих, когда я гляжу на реальную политическую карту мира, мне очень трудно представить американскую военную операцию против Саудовской Аравии. Я не вижу для этого никаких оснований. К Пакистану у Вашингтона претензии есть. И все же президент Пакистана Перvez Мушарраф – это союзник США в борьбе с терроризмом, пусть, возможно, и не очень последовательный. В любом случае нет признаков того, чтобы Вашингтон искал замену Мушаррафу и пытался отстранить его от власти. Особенно пока продолжается болезненный для США конфликт в Афганистане. Так что я бы по поводу этого разговора не беспокоился.

Разве США понравилось бы, если бы Россия разместила ПРО в Мексике?

(из интервью «Голосу Америки», 13.03.2007)

Выступая на брифинге в Вашингтоне, официальный представитель государственного департамента Том Кейси затронул вопрос о предполагаемом размещении на территории Польши и Чехии элементов системы ПРО. По его словам, оно ничем не грозит России.

«Это ни в коем случае не представляет угрозы средствам ядерного сдерживания России или какой-либо иной мировой державы», – указал Кейси.

«Конечно, каждое государство должно само решать, в чем ему участвовать, а в чем нет, мы всегда придерживались такой позиции, – продолжал представитель госдепартамента. – И повторю еще раз: мы считаем, что система ПРО представляет собой надежный способ предотвращения нападения со стороны стран-изгоев и других подобных элементов. Это выгодно Соединенным Штатам и Североатлантическому альянсу. По этому поводу проводились обширные обсуждения внутри альянса. Позиция НАТО по вопросам, касающимся ПРО, определена. И я полагаю, что если у кого-то – государства или отдельных лиц – будут возникать вопросы или беспокойство, они будут продолжать заявлять об этом альянсу».

В то же время российские лидеры давно заявляют, что Россия в состоянии преодолеть любую систему ПРО. Однако в данном случае «это скорее декларация о намерениях и уязвленное самолюбие, чем реальный потенциал», – сказал по этому поводу в интервью «Голосу Америки» президент Центра Никсона в Вашингтоне Дмитрий Саймс.

…Я полностью верю администрации Буша в том, что несколько ракет в Польше и радарных установок в Чехии (а пока только об этом идет речь) не направлены против российских баллистических ракет, – продолжал он. – Этого недостаточно, и они размещены совершенно не в том месте, чтобы противодействовать российским стратегическим системам.

Трудность в том, что в России рассматривают эту проблему в комплексе. Они видят расширение НАТО, шаги НАТО навстречу Украине, а особенно Грузии, с которой сегодня у России сложные отношения. С другой стороны, они слышат риторику высокопоставленных официальных лиц Польши, которые говорят: да, эти ракеты не направлены против России, но они укрепят стратегическое партнерство между Польшей и США, что в будущем даст нам рычаг против России.

Я не думаю, что США понравилось бы, если бы Россия делала что-то такое в отношении Мексики, что позволило бы этой стране получить какое-то стратегическое преимущество в отношении Америки. Поэтому здесь налицо сложная проблема. Но она не стала бы такой острой, если бы до нее в двусторонних отношениях не существовал бы ряд других проблем. Я думаю, что здесь надо многое обсуждать…

Восточноевропейское лобби Америки

В период холодной войны в США возникло могущественное восточноевропейское лобби. Именно оно сыграло главную роль в принятии в 1950-х годах Резолюции о неделе порабощенных народов, именно благодаря ему противостояние Советскому Союзу стало политическим требованием для многих американских политиков. Кроме того, именно это лобби способствовало тому, чтобы президент Клинтон решил реализовать доктрину расширения НАТО на восток в середине 1990-х годов, пригласив к вступлению Польшу, Чешскую Республику и Венгрию.

Эффективность этого лобби – результат того, что миллионы американцев имеют восточноевропейские корни. Большая их часть, приехавшая в США после Второй мировой войны, считают себя беженцами, пострадавшими от коммунизма. Вот почему на них можно было рассчитывать в деле противостояния Советскому Союзу. Они очень хотели, чтобы их страны получили независимость. Традиционно самым влиятельным лобби было польское лобби, не только потому, что было лучше всех организовано, но из-за сильных позиций польского населения в ключевых штатах, особенно в Иллинойсе. Кстати, именно в Иллинойсе Барак Обама сделал политическую карьеру, именно оттуда он был избран в сенат США. Чикаго часто называют вторым по величине польским городом после Варшавы.

Президентам США, особенно тем, что пользовались большой популярностью, часто удавалось устоять перед восточноевропейским лобби, но всем приходилось относиться к нему серьезно. Например, Рональд Рейган зависел от поддержки так называемых рейгановских демократов, большинство из которых были белыми представителями рабочего класса, по происхождению в основном из Восточной Европы. В конгрессе влияние восточноевропейского лобби традиционно является сильным, но неравномерным в том смысле, что зависит от присутствия людей с восточноевропейскими корнями в каждом конкретном штате. Кроме Иллинойса, выходцы из Восточной Европы в основном сосредоточены в Мичигане, Пенсильвании, Огайо и Нью-Джерси. Граждане восточноевропейского происхождения играют меньшую роль на Юге и Западе США.

Организации этнических американцев (а не только выходцев из Восточной Европы) нанимают профессиональных лоббистов. Но эти нанятые профессионалы, как бы они ни были искусны, эффективны в основном благодаря сильным чувствам людей, которых они представляют. Понятно, что члены конгресса защищают интересы своих избирателей, поддержка которых им нужна для переизбрания, с большим энтузиазмом, чем реагируют на аргументы профессиональных лоббистов. Соответственно, обращение пусть даже в самую выдающуюся лоббистскую фирму не заменит влиятельных этнических организаций на уровне простых избирателей. Именно этим Польша и Украина обладают на территории США, а Россия – нет.

Будучи выходцем из Чикаго, Барак Обама отлично осведомлен о силе этнических лобби; он и его советники, разумеется, понимают, что при прочих равных условиях определение себя как противника России в восточноевропейском вопросе обычно является выигрышной позицией для американских политиков. Но прочие условия не всегда равны. Каждый президент США одновременно и главный политик, и верховный главнокомандующий, а две эти роли вступают в противоречие. Необходимость конструктивных отношений с Россией вызвана рядом важных интересов США, и президент Обама, который гордится своими аналитическими способностями и здравомыслием, возможно, решит, что преследование этих интересов превосходит по важности попытки завоевать поддержку какой-либо отдельной этнической группы. Но не вызывает сомнений, что его советники по внутренней политике предупредят президента, что в США за слишком дружелюбное отношение к России в ущерб Восточной Европе всегда приходится расплачиваться.

2008 год

Россия и Грузия

(из интервью газете «Джорджиан таймс», 24.04.2008)

– Америка готовится к президентским выборам. Может, коротко сформулируете внешние приоритеты кандидатов в президенты (Маккейн, Обама, Клинтон)? Ожидаете ли вы значительных перемен во внешней политике в отношении Грузии?

– Очевидно, что сегодня среди кандидатов в президенты Америки активнее всех поддерживает правительство Саакашвили и вступление Грузии в НАТО сенатор Маккейн. Затем идет сенатор Хиллари Клинтон, главный советник которой Ричард Холбрук. Она тоже в восторге от возможного членства Грузии в НАТО, хотя другие представители ее команды более осторожно подходят к быстрому расширению НАТО.

Сенатор Барак Обама, несмотря на то что у него в советниках Збигнев Бжезинский, меньше всех желает втягиваться в противостояние России с другими державами.

Впрочем, риторика – не лучший советчик в прогнозах. Окончательно многое будет зависеть от того, как поведет себя новый глава Белого Дома. Одно факт: ни один не развязнет войну с Россией из-за Абхазии и Самачабло, потому что, когда становятся президентами, им прибавляется ответственности и они гораздо более осторожны.

– Что вы можете сказать о независимости Косово? Не будет ли использован пример Косово?

– Администрация Буша не раз заявляла, что Косово не является прецедентом, однако даже несколько влиятельных чиновников Госдепартамента в личных беседах признают, что с точки зрения законности Косово – очень сложный случай. Очевидно, что Россия, как и непризнанные правительства Абхазии и Самачабло, считает, что Косово создает прецедент для мировой практики и будет действовать соответственно.

– Что предпримет Америка, если Россия с учетом примера Косово признает независимость сепаратистских регионов Грузии?

– Не думаю, что Россия официально признает независимость Абхазии и Самачабло, пока членство Грузии в НАТО не станет неминуемым. Но, если Россия признает сепаратистские регионы, на протест Америки не последует какой-либо результат из Москвы. Убежден, что администрация Буша и союзнические страны НАТО дадут очень резкую оценку этому шагу России, но Россия, пользуясь правом вето в Совете Безопасности ООН, не даст ООН права учредить против себя санкции. Если подобное вообще произойдет, ООН не сможет принудить Россию изменить свое решение. Ни Америка, ни НАТО не заявят о военной поддержке Грузии с целью восстановления ее территориальной целостности.

– Какую бы вы дали оценку ноябрьским событиям в Грузии? Что скажете о президентских выборах в Грузии?

– Президент Саакашвили выиграл выборы в первом же раунде. Он набрал немногим более необходимых 50 процентов. Оппозиция явно не признает выборы справедливыми. Америка не очень информирована о процессах в Грузии, а те люди, которые знают это, настроены положительно по отношению к Саакашвили. Однако в поддержке Америки заметна явная трещина. Той слепой любви, которую питали в Вашингтоне и Нью-Йорке, сейчас уже нет.

– Центр Никсона часто характеризуют как опору идеологии *Realpolitik*. На взгляд «реалистов», как в ближайшем будущем станут развиваться отношения России и Америки?

– На международной арене позиция России как державы все более возрастает. Россия не является демократической, во всяком случае, в настоящее время не отвечает стандартам западной демократии. Очевидно, что Россия готова использовать экономические рычаги с целью

давления, особенно в своем регионе. В интересы Америки входит защита суверенитета соседних с Россией стран, а также их право развиваться демократично и в направлении демократии. Однако для Америки не является главным приоритетом членство Грузии в НАТО, когда в ней нарушена территориальная целостность и она ведет эмоциональный спор с Москвой. Соединенным Штатам Америки необходимо сотрудничество России в вопросах нераспространения ядерного оружия и борьбы с терроризмом. Это не значит, что тем самым Америка успокаивает Россию, но Абхазию и Самачабло она не сможет поставить выше всего.

– Члены правящей партии обвинили Центр Никсона в том, что его финансируют из России, в частности из «Газпрома». Почему ваши Центр не отреагировал на это заявление?

– Потому что непосредственно ко мне не обратились. Об этом заявлении мне сказали другие. Давайте здесь же все выясним. Центр Никсона не получает и никогда не получал финансирования из «Газпрома» и ни от каких-либо других компаний, прямо или косвенно управляемых российским государством. Если господина Саакашвили и его коллег действительно интересует этот вопрос, могли бы спросить у членов Совета Центра Никсона. Некоторые из них в последние годы лично встречались с Саакашвили, в том числе сенатор Джон Маккейн, Морис Гринберг, председатель Центра Никсона, генерал Чарльз Бойд и Генри Киссинджер. Соображения о том, что Центр Никсона получает финансирование из России, до такой степени абсурдны, чтоб кто-нибудь это серьезно воспринял. Но предполагаю, что некоторые сторонники Саакашвили, которые получают из Америки серьезное финансирование, считают это естественным, думают, что все получают деньги от правительства другой страны.

– Судя по вашим статьям и трудам, вы внимательно наблюдаете за грузинской политикой. Можете ли сравнить политику бывшего и нынешнего президентов Грузии? Кто был лучшим политиком на внутреннем и международном фронте?

– У меня была возможность встретиться со всеми тремя президентами Грузии – Звиадом Гамсахурдиа, Эдуардом Шеварднадзе и Михаилом Саакашвили. Между прочим, господин Саакашвили дважды выступал с речью в Центре Никсона, один раз как оппозиционер, второй раз – как президент. Эдуард Шеварднадзе действительно был самым опытным и эффективным, пока его имя и авторитет не обесславили созданные в стране проблемы.

Президенты Гамсахурдиа и Саакашвили – оба националисты. Гамсахурдиа опирался на личные ресурсы и, исходя из своих убеждений, шел на очень большой риск. А президент Саакашвили в противостоянии с Москвой и грузинской оппозицией использует поддержку Америки. Грузины должны решить, насколько входит в интересы их страны агрессивная игра американской карты.

О «непропорциональных» ответах России

(из выступления в программе телевидения PBS, 14.08.2008)

...Обвинения администрации США в адрес России в «непропорциональном» ответе на действия Грузии вряд ли можно считать обоснованными. У каждого свои представления о пропорциональности: когда в июле 2006 года боевики группировки «Хезболлах» похитили двух израильских солдат и убили еще троих, что значительно уступает потерям, понесенным российскими миротворцами в Цхинвали, Израиль начал массированные бомбардировки Ливана, включая Бейрут, убив более тысячи ливанцев, многие из которых были мирными жителями.

Когда же некоторые члены Совета Безопасности ООН попытались добиться осуждения Израиля за «непропорциональный ответ», правительство США повело себя как самый стойкий защитник Израиля и не допустила принятия Советом критического заявления в адрес Израиля.

...Я не считаю, что кто-либо из администрации Буша специально подталкивал Саакашвили к нападению на Южную Осетию. Однако администрация направляла ему смешанные сигналы, которые грузинский президент расценил как поддержку со стороны США. Поэтому он решил, что может осуществить маленький блицкриг Южной Осетии.

В результате город Цхинвали был, по существу, уничтожен, но, чтобы добраться до него, грузинским войскам пришлось проходить через позиции российского миротворческого батальона. В итоге десятки российских миротворцев были убиты или ранены.

Мне трудно себе представить, чтобы США посчитали в порядке вещей и не расценили как провокацию аналогичное нападение на американский батальон.

О реакции США на события в Южной Осетии

(из интервью «Российской газете», 18.08.2008)

Боевые действия в Южной Осетии завершены, но ситуация вокруг конфликта по-прежнему остается напряженной. США активно поддерживают Грузию и грозят России ухудшением двусторонних отношений. Чего Москве следует ждать от заокеанских партнеров, рассказал известный американский политолог, президент Никсоновского центра в Вашингтоне Дмитрий Саймс.

Российская газета: Как выглядит произошедшее, на взгляд из Вашингтона?

Дмитрий Саймс: Существуют, разумеется, две абсолютно разные версии – российская и грузинская. Сразу после нападения на Цхинвал администрация Буша занимала достаточно сбалансированную позицию, не принимая полностью ни ту, ни другую версию и призывая к немедленному прекращению огня. После того как грузинское нападение получило мощный российский ответ и грузинские войска начали отступать, особенно когда они отошли за границу между Южной Осетией и Грузией, администрация постепенно стала принимать грузинскую сторону: что это, во-первых, непропорциональный ответ со стороны России, а во-вторых, может быть, вообще свидетельство того, что события в Цхинвале были предлогом для более далеко идущих российских планов – либо захватить Грузию, либо свергнуть президента Саакашвили.

Администрация оказалась в очень тяжелом положении, потому что она долгое время говорила, что одностороннее признание независимости Косово, вооружение Саакашвили – все это не вызовет кризиса в Абхазии и Южной Осетии и не вызовет осложнений с Россией. На поверку эти заявления оказались совершенно несостоятельными. И постепенно, в том числе под давлением очень жестких высказываний кандидата в президенты США Джона Маккейна, администрация стала занимать все более «прогрузинскую» позицию.

РГ: Почему?

Саймс: Есть, наверное, два объяснения. Во-первых, чужая душа – потемки. В очень важных государственных решениях на чужую душу не полагаются. И, когда было не до конца ясно, как далеко готовы идти российские войска по самой Грузии, понятным выглядело желание американской администрации максимально предостеречь Россию от такого поворота событий.

А во-вторых, если бы такой поворот все же произошел, то хотелось иметь возможность сказать, что Россию предостерегали, а не то чтобы администрация совсем это «проморгала». Есть ведь еще один фактор, который, надеюсь, тоже в Москве понимают. Администрация потерпела серьезное внешнеполитическое поражение. Есть понятное желание не выглядеть проигравшими и сохранить лицо.

Как это традиционно делается – и здесь я, кстати, не имею в виду только администрацию Буша и только американскую внешнюю политику, это нормальная линия поведения в дипломатии в такого рода условиях, – начинают очень серьезно предупреждать другую сторону не делать чего-то такого, чего она и так делать не собиралась. Потом, когда нечто не происходит, появляется возможность сказать: вот, мы это предотвратили. Да, мы не смогли помешать российскому военному успеху в Южной Осетии, но главное – мы спасли Тбилиси. Так делается испокон веков.

РГ: Какова роль предвыборного фактора в Америке в нынешней ситуации? В России напрямую пишут, будто это неоконсерваторы в предвыборных целях «заставили» Саакашвили пуститься на эту авантюру.

Саймс: Ну, его заставлять не надо. Хочу сказать – и надеюсь, «РГ» это опубликует, – что, насколько я знаю, никто в администрации Буша не подстрекал Саакашвили на военную акцию. Ровно наоборот. Никого я не знаю ни из неоконсерваторов, ни из советников Хиллари Клинтон, кто бы говорил: давай, мол, Миша, иди на Цхинвал, мы тебя поддержим и все будет хорошо. Я прямо слышал, что Саакашвили подобных советов ни от кого с американской стороны не получал.

Происходило же, на мой взгляд, следующее. Саакашвили получал противоречивые сигналы из Вашингтона. С одной стороны, он слышал от представителей администрации: пожалуйста, проявидержанность. Мы за мирное решение вопросов. Но, с другой стороны, он слышал, прежде всего от представителей офиса вице-президента США и тех неофициальных специалистов, которые с ним связаны, а также от людей извне администрации, в том числе советников Хиллари Клинтон: дескать, мы тебя очень уважаем за то, что ты не боишься противостоять Москве.

При этом президент Грузии продолжал получать большую американскую помощь, в том числе военную. У него было ощущение, что он оказывает Соединенным Штатам большую услугу в Ираке. А он ведь человек очень специфический, я с ним дважды встречался, мы его принимали в центре Никсона.

Это такой грузинский Муссолини. Он заводится от звука собственного голоса. И я думаю, он поверил, что у него будет быстрый военный успех в Южной Осетии – своего рода блицкриг, что Москва не сумеет ему достаточно быстро помешать, что потом все будут поставлены перед свершившимся фактом. И тут, конечно, уже и США, и НАТО, и Евросоюз «навалятся» на Россию и будут говорить: мол, это все-таки грузинские территории, вопрос территориальной целостности Грузии, у России есть общие интересы с Западом и не надо применять военную силу.

Думаю, он убедил себя в том, что у него подобный вариант пройдет. Не думаю, что ему в Америке кто-то это советовал. Но думаю, что ему недостаточно четко говорили, что подобные вещи делать нельзя.

РГ: Как, на ваш взгляд, все это отразится на отношениях России и США?

Саймс: Конечно, надо быть реалистами. Это наиболее серьезный кризис в российско-американских отношениях со времен холодной войны. Вы сами знаете, как силен сейчас в Вашингтоне эмоциональный накал против России.

С другой стороны, такие вещи понятны во время военных действий, особенно когда показывают, как маленькая страна обороняется против великой державы, которая в прошлом была врагом Соединенных Штатов. Это же так подается.

Но когда пушки смолкают, а они уже смолкли, когда журналисты начинают менее эмоционально, с большим количеством нюансов освещать ситуацию, то начинают вызвучиваться и другие моменты. Например, раньше Си-эн-эн, с моей точки зрения, выступала абсолютно несбалансированно, преподнося все освещение, все «картинки» с грузинских позиций. А сегодня появились съемки разрушенного Цхинвала. Впервые американские телевизионщики поехали в районы, которые были оставлены грузинскими войсками после их нападения на Южную Осетию. Это начинает давать более сбалансированную картину.

Я в последние два дня разговаривал со многими видными американскими политическими деятелями из обеих партий и, кстати, с высокопоставленными чиновниками на уровне не членов кабинета, но важных заместителей министров. Думаю, здесь растет понимание, что ситуация далеко не простая, что выставлять Грузию просто как жертву агрессии по меньшей мере необъективно. И что, главное, нужно искать какой-то выход из этого тупика в российско-американских отношениях.

Тут у нас две тенденции, слегка противоречащие друг другу. С одной стороны, думаю, российское руководство, равно как и общественное мнение, имеет право быть удовлетворен-

ными. Сегодня более уже никто не воспринимает Россию в качестве «бумажного тигра», того «колосса на глиняных ногах», который памятен по эпохе Ельцина.

Прямо скажем, когда речь идет о великих державах, для них неплохо, чтобы их воспринимали всерьез и иногда даже чуть-чуть побаивались, как многие в мире побаиваются Соединенных Штатов. Но второй этап – как перевести это серьезное восприятие российской мощи и российской воли из фактора конфронтации, если хотите, в новый импульс для развития российско-американских отношений. И над этим, мне кажется, обеим сторонам нужно быстро и много работать.

РГ: В прессе упоминается о приостановке работы Совета Россия – НАТО, о превращении «восьмерки» обратно в «семерку», о бойкоте предстоящей сочинской Олимпиады, и в Белом доме всего этого не опровергают...

Саймс: Пока вы не готовы посыпать войска или применять крупные экономические санкции, вы должны что-то говорить. Конечно, те шаги, о которых вы упомянули, были бы для России весьма обидными, но, прямо скажем, они никак не являются центральными для российско-американских отношений.

Естественно, об этом говорят, намекают России, что такая возможность есть. Но, я думаю, разумные люди в администрации понимают, что разговоры о бойкоте Олимпиады за 6 лет до ее начала звучат не очень убедительно. Что Россию в ВТО все равно сейчас никто непускает – та же Грузия.

Что касается «восьмерки», то можно, наверное, исключить из нее Россию, если партнеры США на это согласятся. Но я что-то не в курсе каких-либо важных решений, которые бы принимались «Большой восьмеркой». До возникновения всей этой нынешней ситуации мы провели в Центре Никсона мероприятие с участием крупных специалистов по мировой экономике и geopolитике. И все они говорили, что в нынешнем формате «Большая восьмерка» исчерпала себя. Иными словами, если бы Россию из нее вывели, а я совершенно не думаю, что так произойдет, то я не вижу, как пострадали бы из-за этого реальные российские интересы.

В общем, мне кажется, что обеим сторонам нужно сейчас смягчить свою риторику. Мы понимаем, почему так, как сейчас, звучит Белый дом. Должны понимать и почему так звучит Кремль. Россия для меня однозначно выиграла войну. Теперь России – по возможности совместно с США – нужно постараться «выиграть мир». Я считаю, что это трудно, но возможно.

Не надо преувеличивать возможности Саакашвили

(из интервью «Независимой газете», 24.05.2010)

— Господин Саймс, как Вашингтон мог бы отреагировать, если в Грузии по случаю местных выборов, которые пройдут на этой неделе, вспыхнут уличные беспорядки?

— Наверняка найдутся люди, которые, как выразился премьер Владимир Путин, начнут закатывать истерики. У них, что называется, есть всегда готовность к истерикам, когда у кого-то из противников России или американских клевретов возникают проблемы. Были обвинения в адрес России и по поводу того, что произошло в Украине после прихода там к власти Януковича, и по случаю недавних событий в Киргизии.

Я не думаю, что подобные обвинения стали бы серьезным политическим фактором в российско-американских отношениях, если только не будет реальных доказательств российского вмешательства. Это должно быть нечто большее, чем подозрения и обвинения со стороны Михаила Саакашвили и представителей его группировки. Если не будет таких реальных доказательств, полагаю, что на Москву не стали бы возлагать ответственность за выступления грузинской оппозиции, которую многие в Вашингтоне, правда, считают разобщенной и недостаточно эффективной. Но, конечно, подозрения будут. Никто не ожидает от России, что она гарантирует выживание деятелей, подобных Саакашвили и Лукашенко, только для того, чтобы ее не могли обвинить в том, что она кого-то пытается свергнуть. Но оснований для подозрений Москва не должна давать. Известно, что после катастрофы самолета президента Польши Леха Качиньского тоже нашлись люди и в Америке, и особенно в Украине и в Грузии, которые стали немедленно выдвигать обвинения в отношении России. Но эти обвинения не получили сколько-нибудь серьезной поддержки в американских СМИ и в Конгрессе. Не надо преувеличивать возможности Саакашвили валить все, что у него происходит нехорошего, на Москву.

— Какие идеи по поводу России и Грузии звучали на организованной Центром Никсона Конференции по национальной политике США?

— На конференции высказывались разные точки зрения по поводу внешней политики администрации Барака Обамы. О соседях России говорили мало, потому что они в отрыве от своих отношений с РФ редко представляют большой интерес для американской долгосрочной стратегии.

Большим исключением из этого стало выступление на конференции сенатора-республиканца и недавнего кандидата на пост президента Джона Маккейна, который говорил о морали во внешней политике. Он сказал, что согласен с реалистичной внешнеполитической ориентацией Центра Никсона. Но он считает, что реализм неотделим от нравственности. И по крайней мере в долгосрочной перспективе политика может быть успешной, только если она моральна. Отход администрации Обамы от активной поддержки демократии на постсоветском пространстве представляется ему моральной и политической ошибкой. Его особенно поразило высказывание Обамы по Грузии, согласно которому Грузия больше не должна быть препятствием приятию российско-американского Соглашения 123 по мирному атому. Маккейна поразило, что не было дано объяснения, почему Грузия больше не является таким препятствием. Он полагает, что администрация продемонстрировала снисходительный подход к Грузии, в то время как она является демократической страной и американским союзником особенно в Афганистане. С точки зрения сенатора от Аризоны, это неправильно.

— Согласны ли вы с утверждением экс-замгоссекретаря США Дэвида Крамера, по словам которого администрация Обамы фактически взяла на вооружение подход «Россия и только Россия» и стала пренебрегать другими странами – бывшими республиками СССР?

– Нет. У администрации, как мне кажется, не было ни реальных возможностей, ни необходимости делать что-то на постсоветском пространстве, что шло бы вопреки интересам России, но, с другой стороны, оправдывалось бы американскими интересами. Перемены в Украине не стали результатом политики Вашингтона, они результат внутренних изменений в самой Украине. Россия тут вела себя достаточно сдержанно, и я не думаю, что кто-то может обвинить Москву в повороте в политике Украины. То, что произошло в Грузии, тоже очевидно: режим Михаила Саакашвили никак не воспринимается сколько-нибудь объективными людьми как демократический. Саакашвили, в общем-то, потерял поддержку значительной части собственного народа.

Никакой речи о вступлении Грузии в НАТО в обозримом будущем быть не может не потому, что администрация Обамы тут передумала. Просто данный шаг не получил бы серьезной поддержки в большинстве европейских государств, по крайней мере в Старой Европе. Поэтому если в чем-то можно упрекнуть администрацию Обамы, так это в том, что она не впит отчаянно, как Король Лир. На самом деле я не вижу, чтобы Вашингтон существенно шел навстречу России за счет американских интересов.

То, что происходило в российско-американских отношениях до сих пор, говорит о конструктивных изменениях. Конструктивно то, что администрация Обамы, в отличие от администрации Джорджа Буша-младшего, учитывает внешнеполитические реалии и не готова, например, биться головой о каменную стену в вопросе принятия Грузии в НАТО. Но у меня нет ощущения, что администрация уже готова к серьезному партнерству с Россией и готова сделать ее своим внешнеполитическим приоритетом. Дело тут не в России. Мне кажется, что с момента прихода к власти администрация Обамы была поглощена внутриполитическими проблемами. Ее леволиберальный курс расколол страну и затруднил сотрудничество с республиканцами. Сейчас ее занимают промежуточные выборы в Конгресс и выборы губернаторов. На трудные внешнеполитические шаги у Белого дома сейчас нет ни достаточных сил, ни необходимого политического капитала. Это очень политизированный Белый дом, зацикленный на предстоящих выборах в Конгресс, которые будут очень нелегкими для демократов.

– В интервью американским СМИ в конце апреля Саакашвили говорил, что Тбилиси не жалуется на недостаток внимания со стороны Вашингтона, а администрация Обамы поддерживает его. Так ли это?

– Предыдущая администрация обращалась с Саакашвили столь любовно, что это очень подняло планку. Поэтому, когда Саакашвили прибыл в Вашингтон на саммит по ядерной безопасности, к которому он сам не имел никакого отношения, и не оказался в числе 12 глав государств и правительств, с которыми отдельно встретился президент США, это начали трактовать как поражение Грузии и даже оскорблениe в адрес Саакашвили. Мне кажется, что это немного несерьезно: он все-таки возглавляет маленькую страну, которая, за исключением своего контингента в Афганистане, не так много делает для реализации американских стратегических интересов. Мне представляется, что у какого-то числа людей в среде сторонников Саакашвили в Грузии и в Вашингтоне были завышенные нереалистичные ожидания. Обама встретился с Саакашвили в кулуарах washingtonского саммита, Белый дом сделал заявление о поддержке территориальной целостности Грузии, были даже сказаны хвалебные слова по поводу, с моей точки зрения, весьма сомнительной демократии в Грузии. Кроме того, Саакашвили встретился с вице-президентом Джозефом Байденом и председателем сенатского комитета по международным делам Джоном Керри. Для руководителя маленькой, бедной, сомнительно демократической страны совсем не так плохо.

Антиамериканская ось России и Китая требует особого подхода от США

Россия и Китай выстраивают в мире антиамериканскую ось. Для начала следует отметить, что без сотрудничества России и Китая перелет Эдварда Сноудена из Гонконга в Москву просто не состоялся бы. Именно поведение этих двух стран в деле Сноудена показывает их растущую самоуверенность и крепнущее намерение действовать во вред Америки.

Но случай с бывшим агентом ЦРУ не единственное доказательство тезиса об антиамериканской оси. Тут можно вспомнить и Сирию, и ядерную программу Ирана, и кибератаки со стороны России (на ее соседей) и Китая (на американские фирмы), и даже недавние совместные военные учения двух этих стран на море. В этой связи совершенно неудивительно, что президент Китая свой первый международный визит нанес именно в Москву, причем заявления лидеров обоих государств носили заговорический характер.

В России и Китае многие считают, что цели американской внешней политики противоречат их жизненным интересам. Более того, никто в этих странах не видит в стремлении США поддерживать и распространять демократию отражение преданности Америки ценностям свободы. Напротив, русские и китайцы считают соответствующую деятельность американцев избирательными крестовыми походами, направленными на то, чтобы ослабить те правительства, которые настроены по отношению к ним враждебно или же с которыми слишком сложно вступать в противоборство.

Когда Вашингтон поддерживает какое-либо государство в международном конфликте, затрагивающем интересы Пекина или Москвы, то, по мнению России и Китая, он делает это не из уважения к международным законам, а ради того, чтобы уменьшить влияние этих двух игроков на региональной и международной арене. Примером тому служат конфликты с Грузией, Вьетнамом, Филиппинами.

Так, Россия и Китай, продолжают авторы, видимо, решили, что в их интересах поставить Америку на место, что единственный способ усилить свое дипломатическое влияние – ограничить американское. Правда повторения холодной войны никто из них, отмечается в статье, не хочет. Об этом свидетельствует их тактика относительно Сноудена: Китай деликатно подтолкнул его к отъезду, Россия же сменила провокационные речи на более мягкий тон.

Как бы то ни было, чем больше у России и Китая общих интересов, несмотря на все исторические, экономические и территориальные разногласия, тем большую опасность их сотрудничество может представлять для всего мира. Конечно, торговая и финансовая заинтересованность в ЕС и США заставляет их поддерживать хорошие отношения с Америкой, однако если политики в Вашингтоне не будут уделять должного внимания сближению между Россией и Китаем, то с их стороны это будет глупостью.

Более того, это будет опасным и неправильным пониманием истории. Еще до Первой мировой войны многие считали, что экономические связи между странами и огромные расходы, которые неминуемо повлечет за собой война, удержат от нее Европу. Да и накануне Второй мировой войны коммунистическая Россия и фашистская Германия казались наименее вероятными союзниками, но не тут-то было: за два года пакт Молотова-Риббентропа оставил Европу в руинах и унес много миллионов человеческих жизней.

Итак, Обаме следует рассматривать Россию и Китай не как врагов или друзей, но как серьезные силы на мировой арене, со своими собственными интересами. Вашингтон должен понять, что вопрос с большинством угроз безопасности во всем мире – от Сирии до Ирана или Северной Кореи – невозможно разрешить мирно и успешно без сотрудничества с Россией и Китаем. А чтобы завоевать уважение этих стран, нужно показать им, что Америка играет лиди-

рующую роль в разрешении основных международных проблем, включая те, которые важны для китайцев и русских.

Отношения с Россией и Китаем заслуживают того, чтобы быть приоритетными. Однако США не должны бояться в одних случаях – занимать твердую позицию, а в других – быть партнерами с этими двумя авторитарными, но однозначно pragmatичными державами.

2013 год

Как Обама подталкивает Россию и Китай навстречу друг другу

Американский блеф и высокомерие по отношению к Москве разжигают российский национализм, убеждают Путина в нашей слабости и способствуют опасной перегруппировке сил.

Президент Барак Обама любит говорить о том, что Америка и весь мир ушли далеко вперед от неприятностей 19-го века, да и от неприятностей из общей истории человечества тоже. Но он совершенно неправ. И в результате президент может повторить самые опасные ошибки истории.

Мало кому придет в голову сравнивать Обаму с последним российским царем Николаем II. Однако император Николай II, как и президент Обама, считал себя человеком мира. Этот самоотверженный борец за контроль вооружений часто призывал к созданию правового международного порядка и утверждал, что России нужен мир, чтобы сосредоточиться на первоочередных внутренних задачах. Конечно, основополагающие принципы государственного управления Обамы и его мировоззрение очень сильно отличаются от взглядов давно уже умершего самодержца. Однако между ними существует одно тревожное сходство в иностранных делах. Это мысль о том, что если ты не стремишься к войне, то можешь проводить дерзкую политику, не рискуя при этом создать конфликт или даже породить войну.

Вспомним Украину. В марте Обама заявил: «Мы не собираемся втягиваться в военные вылазки на Украине». Николай II накануне русско-японской войны 1904-1905 годов также неоднократно заявлял о том, что никакого конфликта между двумя странами не будет. Как может возникнуть война, если он этого не хочет, говорил царь своим советникам. А еще он считал Японию слишком маленькой и слишком слабой, чтобы бросить вызов Российской империи.

Хотя Николай II искренне не хотел войны, он полагал, что Россия может безнаказанно делать на Дальнем Востоке почти все, что ей заблагорассудится. Сначала Япония неохотно уступала российской экспансии, но вскоре Токио начал предупреждать о серьезных последствиях. Не прислушавшись к мнению своих мудрых советников – министра финансов Сергея Витте и министра иностранных дел Владимира Ламсдорфа, – царь решил не менять избранного курса. Он посчитал уступки Японии свидетельством того, что «макаки», как он презрительно называл японцев, не осмелятся выступить против великой европейской державы. А когда они все-таки выступили, Россия испытала глубокое унижение и по ее международным позициям был нанесен сокрушительный удар.

Со стороны кажется, что администрация Обамы идет тем же путем в своих отношениях с Россией. Похоже, ее высокопоставленные чиновники полагают, что Соединенные Штаты могут как угодно реагировать на поведение Москвы на Украине, не прибегая к применению силы, и при этом никаких рисков для Америки не будет. В то же время администрация делает все возможное, чтобы придать этому конфликту личностный характер. Для этого она вводит санкции против соратников российского президента Владимира Путина и во всех ракурсах рисует его прегрешения и недостатки, в том числе в бюллетенях Госдепартамента. Но, несмотря на такие действия, либеральные ястребы и неоконсерваторы осуждают Обаму, называя его слабаком, не решавшимся идти на более смелые шаги.

Слабость действительно присутствует, однако враждебные позиции критиков Обамы вряд ли удержат Москву. Более того, они могут привести к прямо противоположному результату. Пока Соединенные Штаты допускают фундаментальные просчеты в своих отношениях с Россией, скатываясь до блефа и напыщенных заявлений, они создают худший из всех миров. Америка разжигает воинственный национализм в России, убеждает Путина в собственной слабости и нерешительности, а также демонстрирует разногласия в западном лагере. Эти трудно-

сти будут только усугубляться, если администрация Обамы полностью спасет перед теми обитателями Вашингтона, которые бесконечно устраивают ей нагоняи и горят желанием начать вторую холодную войну, невзирая на то что Америка к ней не готова.

Особенно обманчиво ощущение того, что отход Кремля от края пропасти в конце мая является следствием успешной американской политики. Легче всего предотвратить то вторжение, которое никогда и не планировалось. А многие факты говорят о том, что Путин прекрасно понимал огромные издергки от масштабной интервенции на Украине, добиваясь не контроля и не обладания Украиной, а рычагов влияния на нее. Но если творцы американской политики решат, что Вашингтон и Брюссель могут вернуться к своим действиям по подталкиванию новоизбранного украинского президента Петра Порошенко к вступлению в НАТО, пре-небрегая опасениями и возражениями Москвы, а также по подавлению оппозиции на востоке и юге страны, то Путин может окрепнуть в своей решимости, как это случилось в Крыму.

Более того, попытки изоляции Москвы и реализации карательных действий против нее могут подтолкнуть Россию к сближению с Китаем. Предоставление карт-бланша Украине или странам Балтии может лишь усилить поведение такого рода, за которое они очень дорого заплатят, если Россия пренебрежет натовскими красными линиями. Наиболее уместный ответ на действия России – это убеждение ее в необходимости проявлять сдержанность и идти по мере возможности на сотрудничество. В основе такого подхода должна лежать аналитическая оценка того, как Россия определяет свои интересы и цели, а не то, как их определяют американские политические руководители, становясь на позиции Москвы. Кроме того, потребуется сочетание убедительной демонстрации силы, которая неприятна Обаме, и убедительной дипломатии, которая неприятна его критикам.

В украинском кризисе Обаме следовало сохранять многовариантность действий, не отказываясь публично от военного ответа и даже от значимой военной помощи. Такую возможность надо было спокойно, но твердо продемонстрировать Путину, в том числе за счет существенной перегруппировки войск, как это сделали Ричард Никсон и Генри Киссинджер во время Октябрьской войны в 1973 году. Обязанность Америки защищать своих союзников предполагает, что она не должна подвергать их ненужным опасностям действиями,ющими подтолкнуть российских лидеров к демонстрации своей твердости, не сдерживая их при этом ни в каком реальном смысле. Такая позиция может вынудить Соединенные Штаты и НАТО сделать выбор между войной и унижением. Договоренность, способная дать прочный результат, потребует такта и дипломатии, дальновидности и силы, а этих качеств администрации Обамы явно не хватает.

Позывы Обамы к приданию спору личностного характера говорят о том, что он лично был оскорблен поступками Путина. Нет никаких сомнений, что у российского президента – уникальная биография и манера поведения в стиле мачо, в силу чего его легко изображать как дьявола во плоти. В этом весьма преуспели западные средства массовой информации, которые высоко ценят примитивные сюжетные линии, ставя их выше сложного повествования и вдумчивого анализа. Более того, политика Путина внутри страны становится все более авторитарной и нетерпимой к инакомыслию. Хотя на публике Путин подчеркивает значение власти закона и говорит о борьбе с коррупцией, близкие к нему люди действуют практически безнаказанно. А это подстрекает чиновников низового звена к игнорированию требований Кремля прекратить безнравственное поведение. Горькая ирония состоит в том, что, преуспев в целом в укрощении политических амбиций олигархов, Путин на практике еще больше усилил бюрократию в ущерб гражданскому обществу. Олигархические медиамперии 1990-х годов были далеко не объективны, но они хоть как-то сдерживали чиновников на всех уровнях. А теперь в Государственной Думе господствует правящая партия «Единая Россия», и все фракции по ключевым вопросам неизменно подчиняются указаниям президента.

На международной арене российское государство часто заставляет соседей играть по московским правилам и без колебаний пользуется экспортом энергоресурсов в качестве средства политического давления. На Украине Путин отрекся от своих дезориентирующих первонаучальных утверждений о том, что российские военные никакой важной роли в Крыму не играли. Требования Кремля к временному правительству Киева отказаться от применения силы против вооруженных повстанцев, потому что ни одна страна мира не должна использовать армию против собственного народа, прозвучали очень неискренне после того, как Россия поддержала жестокий режим Башара Асада в Сирии, не говоря уже о собственных войнах Москвы в Чечне. Конечно, администрация Обамы твердой последовательностью тоже особо не отличается. Сначала она требовала от Виктора Януковича отказаться от применения силы против протестующих. Но, когда силу применило новое правительство в Киеве, она такие действия поддержала.

2014 год

Мазохизм – не для сверхдержав

Соединенные Штаты и Европейский союз решительно возражают против включения Крыма в состав Российской Федерации. В то же самое время большинство в Вашингтоне и европейских столицах понимают, что они не могут забрать Крым у России без войны, и ни США, ни европейские правительства не собираются вступать в войну против великой ядерной державы, какой является Россия, ради возвращения Крыма Украине. Однако ситуация остается крайне серьезной и с реальной опасностью эскалации.

Хорошая новость – что российская власть, согласно ее собственным словам, не планирует посыпать войска в восточную и южную Украину и что Соединенные Штаты и их европейские союзники заявляют, что не намерены воевать с Россией за Украину. Плохая новость – что нестабильность на Украине растет. Украинская экономика находится в состоянии распада. Как и на каких условиях Украина может стать полноценным государством – это во многом предмет дебатов между Москвой с одной стороны и Вашингтоном и Брюсселем – с другой.

Более того, жесткое расхождение позиций наблюдается и по более фундаментальному вопросу – о самой природе мирового порядка. С точки зрения Америки и ее союзников Россия однозначно нарушила международное право и по существу сами основы международной системы, используя силу, чтобы аннексировать Крым у другого суверенного государства – Украины. С точки зрения России Запад первым нарушает международное право и при этом игнорирует создаваемые им самим прецеденты, подобные Косово, и ожидает, что Россия примет американский и европейский диктат.

Что мы наблюдаем сегодня – это конец претензии на то, что Россия и Запад имеют схожие интересы и ценности и что они могут эффективно игнорировать разногласия по конкретным вопросам, не подрывая возможности взаимодействовать друг с другом по проблемам, имеющим для них общий интерес. Вера в такую способность имела принципиальное значение для всей той политики «перезагрузки», которую инициировала администрация Обамы. Основывалась эта вера на убеждении, что сверхдержава, подобная США, может, используя выражение бывшего посла Майкла Макфола, «прогуливаться и в то же время жевать жвачку», в том смысле, что Вашингтон в состоянии конструктивно работать с Москвой по некоторым направлениям и в то же время по другим направлениям следовать собственной повестке дня, безопасно игнорируя точку зрения России. Но, к сожалению для администрации Обамы, подлинная реализация политики «перезагрузки» требовала от США не прогулки в одиночестве, но скорее гуляния на пару с Россией при признании того, что Москва станет действовать на основании ее собственных интересов, так как определяет их она сама, а не Вашингтон.

Кризис на Украине – не случайное событие. Он стал логическим следствием общего отчуждения и растущего напряжения по поводу целого ряда разнообразных проблем, в частности организации постсоветского пространства, распространения демократии и защиты суверенитета, а также вопроса, кому и как следует определять международное право. Движение Америки в сторону существенно более либеральных общественных установок, которые уже существуют во многих частях Европы, в частности растущая готовность принять законность однополых браков и тенденция к игнорированию религиозных верований, только усилили ее отчуждение от России, поскольку последняя в то же самое время начала ориентироваться на более традиционные нормы общественной морали. Америка и Европа настаивали на универсальности своих ценностей, и это вступало в противоречие с представлением многих, если не большинства жителей России, о том, что их страна тоже исключительна и не нуждается в иностранном руководстве, для того чтобы определить свой путь в истории.

Некоторую надежду вселяет то обстоятельство, что наряду с фундаментальными разногласиями обе стороны имеют на кону и фундаментальные интересы, которые могут помочь не

позволить кризису выйти из-под контроля. Президент Обама, очевидно, возмущен действиями российского государства, но он не хочет новой холодной войны, которая могла бы отвлечь его от приоритетных задач его внутренней политики. Американский избиратель сейчас отрицательно относится к России: 24 % американцев считают Россию врагом и 44 % считают ее недружественной страной. Однако при этом только 8 % считает возможным для Америки послать вооруженные силы в Украину, тогда как 58 % не хотят, чтобы Соединенные Штаты каким-либо образом были вовлечены в кризис, даже в виде принятия экономических санкций. Одна из причин, по которой администрация Обамы так яростно осуждает политику России, состоит в стремлении защитить себя от тех критиков внутри страны, кто требует от Обамы более решительного ответа.

Принятые к этому моменту экономические санкции против России носят в значительной мере символический характер. Они просто демонстрируют неудовольствие Запада, который с помощью этих мер надеется удержать Россию от дальнейших действий на территории Украины. Если бы США и Европейский союз развернули более широкий пакет санкций, он мог бы нанести реальный урон российской экономике. Однако, как предупреждают американские и европейские эксперты, Запад также пострадал бы от этих санкций, хотя в совокупности экономика США и Европейского союза по своему объему в 16 раз превосходит российскую, и поэтому ей было бы, вероятно, легче пережить этот урон. Однако запуск процессов, способных привести к глобальной рецессии, никому бы не помог. И, в принципе, санкции должны быть инструментом политики, а не просто средством наказания. Западные санкции не изменили политику Кубы, Северной Кореи и Ирана, хотя все эти страны столкнулись с суровыми мерами, принесшими реальные страдания их населению. И, конечно, эти страны были значительно слабее и просто существенно меньше России.

Далеко идущие санкции как инструмент экономической войны могут спровоцировать реальную войну, как в том могли убедиться США, когда в 1941 году Япония отреагировала на введенное Америкой нефтяное эмбарго атакой Перл-Харбора. Разумеется, ни Запад, ни Россия не хотели бы такого развития событий. Кроме того, США и Европа не хотят толкать Россию в сторону подымающегося Китая. С другой стороны, хотя Россия может развернуть свою политику и торговлю в направлении Азии, Москва сознает, что не в ее интересах оказаться в слишком большой зависимости от Пекина.

Возможно ли новое американо-российское сотрудничество, после того как украинский кризис останется в прошлом? Фундаментальные разногласия и взаимные подозрения все еще сохраняются, а двухсторонние и международные структуры, отражавшие иллюзии прошлого, едва ли возродятся. Американо-российская двухсторонняя президентская комиссия, замороженная Обамой, производила мало, и мало кто пожалел о ней.

Точно также не будет большой потерей для России и исчезновение «Большой восьмерки» – искусственного образования, к которому Россия никогда в полной мере и не принадлежала. Участие России в G8 объяснялось надеждой администрации Клинтона на то, что Россия будет развиваться по западной модели и что членство в клубе окажется своего рода взяткой для Ельцина и его сторонников, чтобы сделать их посговорчивее при решении сложных международных вопросов, включая балканский. Россия присоединилась к группе наиболее экономических развитых западных демократий в 1997-м, как раз после очевидно нечестных президентских выборов 1996 года, в тот момент, когда экономика страны лежала в руинах. «Большая двадцатка» является более эффективным форумом для обсуждения глобальных экономических проблем, и здесь Россия имеет куда большую поддержку, чем в G8.

Последнее по порядку, но не по значимости – это Парламентская ассамблея Совета Европы (PACE), другая организация, в которую Россия вступила в 1990-е, стремясь интегрироваться в систему Запада. Когда надежды на эту интеграцию оказались необоснованными, а реальные дискуссии происходили на заседаниях Европейского парламента и парламентской

ассамблеи НАТО, где Россия не присутствовала, участие Москвы в ПАСЕ в качестве мальчика для битья было в лучшем случае знаком российского мазохизма. Соединенные Штаты имели собственный период мазохизма после войны во Вьетнаме, когда антиамериканское большинство на Генеральной ассамблее Организации объединенных наций сделали своим излюбленным спортом обличение и унижение Америки. Но это не продолжалось и не могло продолжаться долго. Великие державы не склонны долго терпеть такой тип обращения с собой, особенно когда он приносит им немного выгоды.

Вот в чем Россия и Запад действительно нуждаются сегодня, так это в том, чтобы учиться на ошибках прошлого и понять, что чрезмерная зависимость друг от друга неестественна и опасна. Их задача сейчас заключается в том, чтобы ответственно работать над серьезными несовпадениями в своих мнениях, в то же время осторожно добиваться сотрудничества в тех немногих, но важных областях, где их интересы совпадают. Одна такая область совпадения интересов – это борьба с терроризмом. Глава ФСБ Александр Бортников признал, что сотрудничество с Западом сыграло важную роль в том, что удалось избежать атак со смертельным исходом на Олимпиаде в Сочи. Другая сфера общих интересов – энергетика, осуществляемая таким образом, чтобы обе стороны могли сохранять свободу рук в выборе направлений и партнерств.

2014 год

Будет ли «перезагрузка-2»?

Мораль американского реализма

Президент Джордж Буш одержал на выборах впечатляющую победу над сенатором Джоном Керри, но это не означает, что он получил абсолютный мандат на проведение внешней политики. Ведь, к несчастью, избирательная кампания не сопровождалась реальными дебатами по вопросам внешней политики – и это тогда, когда Соединенным Штатам предстоит принять судьбоносные решения.

Вполне понятно, что президент не желал признавать серьезные ошибки во внешнеполитических подходах. Но и сенатору Керри не удалось предложить убедительную альтернативу. Его нападки на политику администрации, особенно в отношении Ирака, были скорее мелочными придирками, нежели серьезной оценкой допущенных промахов и тех уроков, которые Соединенные Штаты должны извлечь из операции против Саддама Хусейна.

Президент Буш многое достиг в деле борьбы с терроризмом – решении главной проблемы нашего времени. Он уничтожил базу организации «Аль-Каида» в Афганистане, отстранил от власти движение «Талибан». Что касается Ирака, то там были только две реальные альтернативы. Первая – предложить Саддаму урегулирование по типу «услуга за услугу», то есть позволить ему и его кровавому режиму остаться у власти в обмен на контролируемый отказ от региональных притязаний и попыток заполучить оружие массового уничтожения (ОМУ). Но этот путь не пользовался особой популярностью в Америке. Вторым вариантом являлась смена режима. Сам сенатор Керри голосовал за этот вариант в 1998 году. Между тем команда Клинтона (многие из этих людей стали впоследствии советниками Керри) предпочитала полумеры: осуществление регулярных авиационных налетов на позиции Саддамовской армии, попытки (все менее успешные) поддерживать режим удушающих санкций и проводить секретные акции. Было ясно, что эти шаги не достигают своей цели, но дают Саддаму повод для нанесения ответных ударов по Соединенным Штатам. Поэтому более благоразумным представлялось решить вопрос раз и навсегда, покончив с режимом Хусейна. Не нужно быть неоконсерватором, чтобы прийти к подобному заключению.

Вместе с тем методы проведения внешней политики также имеют значение, и поэтому жизненно важно, чтобы во время своего второго президентского срока Джордж Буш не применял подходов, чреватых катастрофическими последствиями. Второй администрации Буша придется найти ответы на два фундаментальных вопроса. Во-первых, как совместить войну с терроризмом и приверженность созданию безопасного для демократии мира? Во-вторых, как сделать так, чтобы несомненное военное превосходство США способствовало конструктивной деятельности Америки во всем мире, а не провоцировало глобальное противодействие Соединенным Штатам, обрекая их на изоляцию и подвергая серьезным угрозам? Неоконсервативное видение внешней политики Вашингтона сопряжено с немалым риском. Если президент Буш будет и дальше следовать установкам неоконсервативной фракции в Республиканской партии, он может оставить после себя неприглядное наследство, подорвать финансовую стабильность в стране и тем самым ослабить способность Америки осуществлять мировое лидерство.

Усиливающий свое влияние союз неоконсерваторов и либеральных интервенционистов твердо придерживается идеи о том, что Соединенные Штаты, как мировая демократическая держава-гегемон, имеют право и даже морально обязаны использовать любые необходимые средства, чтобы спасать мир от жестокости и угнетения и насаждать всюду демократию. До какого-то момента война с терроризмом и шаги по укреплению демократии во всем мире взаимно усиливали друг друга. Президент Буш совершенно прав, утверждая, что демократия,

особенно если речь идет о стабильном обществе, где действует власть закона и должным образом защищены права меньшинств, не только имеет нравственное превосходство над авторитарной формой правления, но и наилучшим образом предотвращает возникновение враждебно настроенных радикальных групп, склонных к терроризму. «Демократический проект» отвечает наивысшим устремлениям и чаяниям самого американского народа. В конце концов, движущей силой холодной войны являлась не только необходимость сдерживать советскую мощь, но и нравственная убежденность в том, что защита свободы в Соединенных Штатах и во всем мире – дело, за которое стоит сражаться и умереть, даже рискуя развязыванием ядерной войны, как в случае с берлинским кризисом (имеется в виду напряженность в советско-американских отношениях в 1958–1962 годах. – Ред.).

Благородные реалисты не соглашаются с неоконсерваторами и либеральными интервенционистами, провозгласившими себя поборниками всемирной демократии, в том, что приоритет свободы и демократии должен стать одним из принципов внешней политики США. Они отдают себе отчет в том, что иногда приходится выбирать между продвижением демократии и налаживанием связей с другими, не всегда полностью демократическими суверенными государствами для противодействия мировому терроризму. Реалисты также осознают, что следует говорить правду хотя бы самим себе и что нельзя обращаться вольно с фактами, пытаясь создать видимость нравственного поведения. Они понимают также и то, что помогать миру добиваться свободы можно разными способами и что эти различия весьма существенны. И действительно, говоря об усилиях Америки в достижении глобальной демократизации, президент Буш на первой после своего избрания пресс-конференции употребил три различных термина. Он сказал о необходимости «приветствовать свободу и демократию», «содействовать свободным обществам» и «распространять свободу и демократию».

«Одобрение» демократии – это вполне логичная позиция: почти все в мире полагают, что единственная сверхдержава имеет право и будет следовать своим фундаментальным принципам. «Содействие» демократии – менее ясная и, возможно, более дорогостоящая задача. И все же если Соединенные Штаты будут выполнять ее, не прибегая к военной силе и учитывая особенности и цели других стран, то тогда их действия, скорее всего, не встретят серьезного сопротивления в мире. А вот «распространение» демократии, особенно с применением силы, посредством принуждения или путем насильственной смены режима, – это совсем другое дело. Страны, которые подозревают, что могут оказаться объектом такого обращения, вряд ли признают нравственное превосходство Америки. Они неизбежно будут ощущать угрозу и едва ли захотят сотрудничать с Соединенными Штатами в других приоритетных для Америки вопросах, включая войну с террором и распространение ядерного оружия.

Что еще хуже, они могут решить, что приобретение ядерного оружия – это их последний и, возможно, единственный шанс удержать Америку от попыток свергнуть их правительства. Похоже, именно так уже и происходит в Иране и Северной Корее. Кроме того, нет уверенности в том, что Тегеран и Пхеньян не станут делиться с кем-либо своими наработками в области ядерных технологий. Так что существует очевидная возможность того, что излишне рьяное продвижение демократии способно привести к увеличению самой серьезной угрозы американскому образу жизни и безопасности США – угрозы, связанной с ядерным терроризмом.

Мы уже видели, как чрезмерное рвение в деле утверждения демократии (при недооценке расходов и рисков) привело к опасному перенапряжению сил и ресурсов в Ираке. Как заметил Шломо Авинери, профессор Еврейского университета в Иерусалиме, в настоящее время в Ираке ведется «не та война, которую имела в виду коалиция во главе с США, когда принимала решение о свержении Саддама Хусейна». Соединенные Штаты имели возможность избавить Ирак от Саддама и его наиболее одиозных приспешников, не переворачивая вверх дном всю страну. Америке стоило с самого начала пояснить, что устранение исходящей от Саддамовского режима угрозы – единственное, к чему она стремится в Ираке, и подключить

ООН и Лигу арабских государств к созданию временного постсаддамовского правительства. Можно было бы наладить контакты с не слишком дискредитировавшими себя деятелями прежнего режима (в первую очередь представителями военного командования) и довести до них сведения следующее. В обмен на информацию о программах по разработке оружия массового уничтожения в Ираке, сотрудничество с коалиционными силами, установление власти закона и признание представляющего широкие слои общества переходного правительства, в которое войдут иракские эмигранты (и здесь, не исключено, ключевая роль отводилась бы премьер-министру Айяду Аллауи), они сохранят определенную степень влияния в новом Ираке. Кроме того, Вашингтон мог заверить соседствующие с Ираком страны, из которых ни одна не поддерживала дружеских отношений с Саддамом, что им не следует беспокоиться по поводу военного присутствия США на своих границах, если только они не станут чинить препятствия американцам, и что их лояльность способна помочь ускорить окончание американской оккупации.

Но вместо этого мы предпочли разогнать баасистское правительство, ничего не предложив взамен, распустили иракскую армию и гордо объявили, что освобождение Ирака – это только начало грандиозных демократических преобразований на Большом Ближнем Востоке. Какими же надо быть наивными и, откровенно говоря, невежественными в отношении реального положения дел в Ираке и на Ближнем Востоке в целом, чтобы поверить в успех этой сверхамбициозной схемы, причем такой, которая реализуется без каких-либо видимых усилий по урегулированию арабо-израильского конфликта и с позиций единственного спонсора правительства Шарона. Попытки перекроить Ближний Восток по американскому шаблону должны были неизбежно натолкнуться на сопротивление в самом Ираке и противодействие со стороны его соседей, в частности Ирана и Сирии, а также ослабить стремление даже наиболее дружественных Америке арабских государств, таких как Египет, Саудовская Аравия и Иордания, помогать нам в Ираке. Все эти страны имели основания опасаться, что подпадут под американский генеральный план переустройства региона.

Америке пришлось заплатить за эти ошибки кровью, финансами, снижением авторитета на международной арене. Сократились наши возможности уделять должное внимание международному сотрудничеству по другим важнейшим проблемам (например, вероятному появлению ядерного оружия у Северной Кореи и Ирана), а ведь такое сотрудничество нам необходимо! Судя по реакции других ведущих держав, иракский опыт, например, затруднил Соединенным Штатам задачу привлечь Европу, Россию и Китай к взаимодействию по вопросу введения жестких мер в отношении Ирана. (В случае с Москвой и Пекином важную роль сыграло и осуществленное под американским руководством нападение на Югославию в 1999 году.) Наблюдается нежелание принимать резолюции Совета Безопасности ООН, включающие положения об угрозе применения силы, хотя подобная угроза была бы полезной для оказания давления на иранское правительство. Однако многие страны, в том числе некоторые давнишние партнеры Америки, опасаются, что эти резолюции помогут Соединенным Штатам оправдывать их односторонние военные действия.

Неоконсерваторы как внутри, так и вне администрации утверждают, что достаточно только изменить тон американских высказываний и усилить внимание к общественным связям – и американская внешняя политика станет более эффективной. Но это их фантазии. Что нам требуется на самом деле, так это изменить способы проведения нашей политики, а не просто по-иному «преподносить себя».

Ничто, кроме промежуточной корректировки, не позволит Америке вновь утвердиться в роли признанного мирового лидера и получать не чисто символическую (что, конечно, не относится к Великобритании) помощь со стороны слабых «коалиций добровольцев», а реальную поддержку от других ведущих держав.

Мы предлагаем корректировку – речь не идет о крупномасштабном изменении курса. Администрация Буша во время первого срока продемонстрировала способность проводить реалистичную внешнюю политику, основанную на жизненно важных интересах. Взяв резкий старт на китайском и российском направлениях, команда Буша осознала важность построения партнерских отношений с этими крупными державами.

Президент Буш поступил абсолютно правильно, когда после трагедии 11 сентября 2001 года призвал к беспощадному и безжалостному преследованию террористов, где бы те ни находились. В отличие от неоконсерваторов и либеральных интервенционистов он отверг двойные стандарты в отношении террористической угрозы и не стал переименовывать определенных террористов в «борцов за свободу», даже несмотря на сильное давление со стороны некоторых заинтересованных сил. Так, Буш отказался критиковать российского президента Владимира Путина за его жесткие (хотя и не всегда эффективные) меры против террористов, выступающих от имени чеченцев. Президент Буш дал ясно понять, что группы, совершающие ужающие акты насилия против гражданского населения, являются террористами. И неважно, насколько благородно их дело и правомерно их недовольство, – никогда не следует испытывать к террористам сочувствие, поскольку оно может явиться средством поощрения и поддержки их действий.

После первого приступа эйфории, вызванного падением Багдада, администрация Буша осознала, что, учитывая занятость США проблемой Ирака, не следует применять силу для устранения других репрессивных режимов, пока они не представляют угрозу для Соединенных Штатов. С тех пор как ответственность за политические преобразования в Ираке была возложена на помощника президента по национальной безопасности (ныне госсекретарь. – Ред.) Кондолизу Райс, США, терпящие неудачи в Ираке, переключились с романтики демократического экспериментирования на работу по установлению стабильности в стране и обеспечению быстрого перехода власти к новому иракскому правительству. Эту политику лучше воспринимают не только соседи Ирака, она имеет больше шансов на успех и среди самих иракцев, уставших от беспорядка.

Конечно, в том мире, который сложился после 11 сентября, ведущая сверхдержава не имеет иной альтернативы, кроме как решительно и настойчиво добиваться своей цели; это относится и к тем редким случаям, когда Америке приходится прибегать к односторонним действиям и упреждающему применению военной силы. Вопрос в том, при каких обстоятельствах и во имя чего это нужно делать? Как признал сенатор Керри во время избирательной кампании, ни один ответственный американский президент не может отказаться от права предпринимать все необходимые меры для защиты американской безопасности, пусть и при отсутствии санкций Организации Объединенных Наций, НАТО и прочих международных организаций. Рассуждая реалистично, другие страны, даже те, кто дорожит своей способностью ограничить нашу свободу действий с помощью международного права, вряд ли могут требовать от США так много.

Что касается упреждения, то в мире ширится согласие относительно того, что традиционное сдерживание, действенное в случае с национальными государствами (которые контролировали свою территорию и не могли защититься от массированного удара, следовавшего в ответ на безответственное поведение), просто не срабатывает в век субнациональных террористических коалиций, тем более если принять во внимание катастрофические последствия применения ОМУ, которое все в большей степени становится доступно негосударственным игрокам. Вопрос не в самом упреждении, а скорее в распространенном сегодня мнении, будто США способны произвольно прибегать к упреждающим действиям, причем не против истинных врагов, угрожающих Америке, а против тех, кого американские политики дружно считут жестокими и недемократичными. Американцы, которые на протяжении своей истории не любили властвовать, если на то не было явного согласия со стороны их подданных, должны бы первыми

понять, почему остальной мир не готов предоставить широчайшие полномочия какой-либо одной нации. В конце концов, не существует такого понятия, как добрая тирания. Если одна держава действует свободно и без всяких ограничений (за исключением тех, что она сама на себя накладывает), то это будет восприниматься как тирания даже теми странами, у которых в силу их демократической ориентации нет причин опасаться наказания со стороны Америки.

Президент США гордо провозглашает себя человеком веры; людьми веры являлись американские отцы-основатели. Однако специфика американского эксперимента зиждилась на том, что великие идеалы сочетались с не менее великим pragmatismом и что твердой вере в свое дело сопутствовало глубокое уважение к чувствам других людей. Именно поэтому неоконсервативные взгляды выглядят таким явным отступлением от американской политической традиции. Президент Буш обогатит полученное им наследие и внесет большой вклад в усиление эффективности американской внешней политики, если провозгласит благородный реализм девизом своей внешней политики. Такой благородный реализм должен опираться на пять важных принципов.

Во-первых, война с терроризмом должна стать неизменным организующим принципом американской внешней политики. Это не означает, что надо уделять меньше внимания таким приоритетным направлениям нашей внешнеполитической деятельности, как экономические интересы США, вопросы экологии и права человека. Но нельзя допустить, чтобы усилия в какой-либо из указанных областей приводили к ослаблению борьбы с террором. В конце концов, успех или неудача в войне с террором способны в весьма значительной степени предопределить участь Америки.

Во-вторых, во время второго президентского срока администрации Буша следует основательно потрудиться над восстановлением американского лидерства. Речь не о том, чтобы позволить кому бы то ни было препятствовать США в реализации их могущества. Скорее, требуется серьезная оценка альтернатив в тех случаях, когда не удается выработать многостороннее решение и есть выбор между необходимостью пойти на компромисс ради получения более ощутимой поддержки в мире и стремлением сохранить свободу действий, связанную с односторонними шагами. Например, в том, что касается ядерных программ Северной Кореи и Ирана, Америке есть смысл изо всех сил работать над тем, чтобы максимально сблизить позиции других стран, имеющих отношение к данной проблеме, с позицией США (несмотря на то что такой консенсус может оказаться далеким от совершенства), вместо того чтобы принимать угрожающие позы в гордом одиночестве. В этом контексте следует четко уяснить, что упраждение – это последняя и крайняя мера, применимая лишь при наличии неопровергимых доказательств существования реальной угрозы жизненно важным интересам США.

В-третьих, имея очевидное и неоспоримое военное превосходство, мы должны следовать совету президента Теодора Рузвельта: говорить мягко, держа наготове большую дубинку. Америке не следует проявлять робость при защите и отстаивании своих интересов, но малая толика скромности в оценке наших исключительных добродетелей поможет другим примириться с американским превосходством и принять наши предпочтения. Такой подход непростодается задирам-неоконсерваторам, испытывающим, как кажется, удовлетворение от собственной барабанной дроби, но именно он наилучшим образом соответствует американским традициям и приводит к максимальным результатам.

В-четвертых, нам следует отказаться от очевидно ложного утверждения о том, что все страны и культуры в основном разделяют наши ценности. У каждой страны, каждого региона мира, каждой цивилизации свой эволюционный путь, свои условия и циклы развития. Разногласия по вопросам, связанным с ценностями и установками, возникают у Америки даже с ее демократическими европейскими союзниками, а также с соседними Канадой и Мексикой. Поэтому не следует ожидать, что народы Ближнего Востока окажутся солидарны с нами. Один из ключевых вопросов, накаляющих обстановку на Ближнем Востоке, – права палестинцев.

Может сложиться впечатление, что недемократичные лидеры арабского мира используют страсти вокруг этого сюжета в собственных целях и искусственно раздувают их. Но факт остается фактом: мусульманские элиты и массы весьма болезненно относятся к данной проблеме. Если мы стремимся к тому, чтобы исламский мир поверил в наши добрые намерения, и если мы хотим иметь возможность поддерживать в мусульманах умеренность и позитивное отношение к западной цивилизации, тогда нам необходимо с сочувствием относиться к палестинской проблеме, но, конечно же, так, чтобы это не наносило ущерба безопасности Израиля. Кончина Ясира Арафата может создать условия для новых важных шагов на пути к достижению этой цели.

Наконец, наша устремленность к демократии не должна проявляться в имперском принуждении. На протяжении многих веков наши лидеры и государственные деятели, начиная с Джона Адамса и кончая Джорджем Кеннаном и Рональдом Рейганом, советовали Америке быть для мира «сияющим городом на холме», взывающим к лучшим чувствам человечества, а не становиться военной империей, требующей от прочих рабской покорности. Разумеется, мы не стали бы возражать против того, чтобы другие страны подражали нам, но важнее иметь общие интересы и трудиться над их продвижением и соблюдением.

Итак, что же необходимо, чтобы президент Буш во время его второго срока обогатил доставшееся ему наследство и создал (к чему он, очевидно, стремится) устойчивое республиканское большинство? Соединенным Штатам нужно проводить внешнюю политику, основываясь на тщательном анализе и исходя из реальной ситуации в мире, вместо того чтобы пользоваться спорными клише, выдаваемыми за идеи. Краеугольным камнем подобной политики должна являться такая традиционная американская ценность, как благородумие, а не неотроцкистская вера в перманентную революцию (пусть даже демократическую, а не пролетарскую). Уверения неоконсерваторов в том, будто Соединенные Штаты могут чувствовать себя в безопасности, только если заставят другие нации принять американские ценности, способны спровоцировать столкновение цивилизаций, но никак не укрепить позиции Америки как мирового лидера.

Дмитрий Саймс в соавторстве с Робертом Элсуортом, 2005 год.

О внешней политике Обамы

Спустя семь месяцев после начала правления администрации Обамы можно заметить нарастающее беспокойство по поводу нерешительного старта ее внешнеполитического курса. Республиканцы, а в особенности неоконсерваторы, упрекали команду Обамы за недостаточно жесткую реакцию на угрозы со стороны опасных режимов в Иране и Северной Корее, а также за политику «умиротворения» таких крупных стран, как Китай и в особенности Россия. Консерваторы-реалисты озабочены заметной непоследовательностью и неэффективностью политики США, а рекомендации их – несколько иные.

Тем не менее во внешней политике, как и во внутренней, плохие показатели администрации помогают ее противникам объединять свои ряды. Обама позиционирует себя как специалист по международным переговорам, но личное обаяние, верный тон и выигрышная биография президента пока что привели его лишь к ограниченному успеху. В конечном итоге отношение стран мира к Америке и то, каким образом они будут вести с ней дела, определится не внешними формами, а содержанием его деятельности. Заметим при этом, что, несмотря на впечатительные речи президента, по содержанию внешняя политика США достаточно слаба.

Дело не в том, что команда Обамы не понимает важности того, что государственный секретарь Хилари Клинтон называет «умной силой» – как будто бы понимает, но ведь «умная сила» – это не стратегия, а всего лишь инструмент. Без универсальной стратегии и четко выстроенной иерархии приоритетов, которой можно было бы руководствоваться при достижении различных, зачастую противоречащих друг другу целей, делать трудный выбор почти невозможно.

Администрация Обамы унаследовала от двух предшественниц такую неприятную вещь, как неспособность делать нелегкий выбор, и теперь должна преодолеть эту проблему. Ведь даже одинокая в своем положении сверхдержава, подобная Соединенным Штатам, не может рассчитывать на реализацию абсолютно всех своих целей, в особенности когда на дворе тяжелый экономический кризис, а бюджет трещит из-за дорогостоящих военных операций. Мировая политика – дело сложное и подчас очень несправедливое, как бы неприятно ни было это признавать. Пытаться не замечать противоречий между американскими интересами и американскими ценностями или же думать, что США имеют право делать вообще все, что захотят, чего бы это ни стоило, – это приводит либо к благонамеренно-беспомощному внешнеполитическому курсу в стиле Джимми Картера, либо к опрометчивому абсолютизму в духе Джорджа Буша-младшего.

Неудивительно, что между администрацией Обамы с одной стороны и администрациями Клинтона и Буша с другой можно найти кое-что общее. С начала 1990-х эксперты по внешней политике из обеих партий исповедовали родившийся после окончания холодной войны триумфализм, заставилший им глаза и не позволявший замечать происходящее на мировой арене. Таким образом, вплоть до событий 11 сентября 2001 года власти не были способны присвоить высокий приоритет угрозе исламского экстремизма.

Менее высокопоставленные чиновники между тем занимались расширением состава и функций блока НАТО и не заметили того, что их действия стимулируют антиамериканские националистические настроения и авторитаристские тенденции в России. Несмотря на уверенность Обамы, афганская война в 2001 году была абсолютно вынужденным шагом, но теперь, спустя восемь лет, она все больше и больше превращается в войну, ведущуюся по добровольному выбору. Внешне бесконечная готовность администрации заниматься обустройством афганской нации в сочетании с неспособностью понять тот факт, что главной угрозой для безопасности Америки являются не талибы, а «Аль-Каида», вынуждает задаваться неприятными вопросами. В то же самое время каирская речь Обамы в значительной степени повысила

надежды, возлагаемые в исламском мире на подход Америки к терроризму и на миротворческий процесс на Ближнем Востоке, хотя никаких конкретных указаний на направление движения, а тем более действий, сделано не было.

Пока что администрации удалось только рассердить Израиль своими высказываниями о поселениях; при этом настоящей решительности проявлено не было, так что арабы тоже могут разочароваться. Что касается Ирана, то администрация правильно считает перспективу появления в руках теократического режима ядерного оружия глобальной угрозой стабильности в регионе и интересам Америки в мире. Все понимают, что Россия может сыграть критически важную роль в предотвращении подобного исхода событий. Но зачем тогда вице-президент Джо Байден и прочие начали свару с Россией из-за предоставления членства в НАТО Украине и Грузии? Ясно же, что ни та, ни другая к вступлению в НАТО не готова, да и НАТО не желает в обозримом будущем даже предоставлять им первую часть плана подготовки.

Зачем президент обещает наказать Иран санкциями в случае провала переговоров (санкции нельзя принять без согласия России – члена Совета безопасности ООН), а сам позволяет своей администрации без нужды раздражать Москву, да еще и по сущим пустякам? А недавние заигрывания Клинтон с Индией, в том числе предложения купить у США сложные системы вооружений, едва ли вызовут энтузиазм в Пекине, от которого США хотят помочь в работе с Северной Кореей и Ираном; у Китая в этом смысле перспективы не такие, как у Америки, но ни те, ни другие не хотят, чтобы в руках Тегерана или Пхеньяна оказалось ядерное оружие. Говоря в целом, внутренняя политика Обамы (большая роль государства, огромный дефицит бюджета) в сочетании с вялой реакцией на предсказуемые протекционистские меры в захваченном демократами конгрессе провоцируют осторожное и скептическое отношение к властям США, выводя из душевного равновесия правительства и частных инвесторов, вложившихся в американские активы в Китае, Германии и прочих ведущих экономических державах мира. Не помогает и личное усердие президента в работе с такими внутриполитическими вопросами, как, например, здравоохранение за счет вопросов внешнеполитических.

Проходит время, и в Америке, и за ее пределами администрацию Обамы все больше начинают судить не по словам, а по делам. Говорить Обама умеет, ну а что насчет конкретных дел? Республиканцы могут и должны требовать от президента ответственности, но не смогут этого добиться, если не преодолеют разногласий в своей среде и не представлят конструктивной критики и ясной, продуманной альтернативы, основанной на реалистичной оценке интересов, возможностей и имеющихся в распоряжении США вариантов.

Что касается прочувствованных, но непродуманных и нереалистичных нападок на внешнеполитический курс администрации, то они не принесут никакой пользы ни в политическом смысле, ни в практическом. Зато суровая и вдумчивая критика пойдет народу и партии на пользу, это точно.

Дмитрий Саймс в соавторстве с Ричардом Бертом, 2009 год

Нелегкий груз – «перезагрузка»

(из интервью «Парламентской газете», 20.11.2009)

– Господин Саймс, о необходимости «перезагрузки» американо-российских отношений сказано немало. Насколько, на ваш взгляд, эти высказывания соответствуют реальным целям и устремлениям нынешней администрации Соединенных Штатов?

– Вполне очевидно, что президент Обама относится к этой теме серьезно. Очевидно также, что на фоне озабоченности внутренними проблемами и проблемами, связанными с другими регионами мира, такими как нераспространение оружия массового уничтожения, напряженность в отношениях с Ираном и Северной Кореей и, естественно, сложная обстановка в Афганистане, ни ему лично, ни Соединенным Штатам не нужны дополнительные враги и лишние конфликты. Ну и, кроме того, президент Обама куда более pragматичный человек, чем его предшественник, и он гораздо меньше поддается искушению учить всех остальных, как жить, и объяснять другим странам, в чем заключаются их национальные интересы. Поэтому я думаю, что желание найти новые формы отношений с Россией – это желание серьезное и люди в нынешней администрации готовы в этом направлении работать.

– Вы считаете, что такое желание реализуемо? Ведь противников нормализации наших отношений предостаточно.

– Конечно, здесь все непросто. Именно потому, что администрация так поглощена внутренними проблемами, ей сложно идти на какие-то шаги, которые вызвали бы отторжение со стороны серьезных политических сил в стране. Более того, в самой администрации есть немало людей, не в первом эшелоне, а на вторых, но важных ролях, которые по своему мышлению очень мало отличаются от неоконсерваторов. Они открыто не говорят, что нормализация отношений с Россией не нужна, но по каждому конкретному вопросу трактуют российские намерения и последствия американских уступок таким образом, что администрации становится трудно делать те вещи, которые требуется делать, для того чтобы «перезагрузка» произошла всерьез и надолго.

– Большим камнем преткновения на пути американо-российского сближения был план размещения элементов американской противоракетной обороны в Чехии и Польше. Теперь он отложен, но тут же появились другие, не более для нас приятные. Как вы прокомментируете эти процессы?

– У прежней администрации отношение к ПРО было почти религиозным. Была угроза, не было угрозы, были необходимые технологии, не было таких технологий – все равно администрация Джорджа Буша исходила из того, что противоракетная оборона – дело святое. Эта программа – наследница программы «звездных войн», а потому правоверные консерваторы должны ее осуществлять.

Демократы были и остаются менее приверженными идеи противоракетной обороны. Они также менее склонны паниковать по поводу Ирана. И элемент pragmatизма, явственно присутствующий в действиях администрации Обамы, привел к тому, что по поводу программы ПРО был сделан вполне логичный вывод: все то же самое вполне осуществимо дешевле, надежнее и быстрее. Идея не расстраивать Россию не была принципиальным мотивом пересмотра подхода к размещению противоракетной обороны в Центральной Европе. Но, конечно, факт, что в дополнение ко всем остальным преимуществам можно было еще и снять напряженность в отношениях с Москвой, воспринимался как серьезный дополнительный бонус.

Но сейчас администрация подвергается существенному давлению со стороны ряда руководителей стран Центральной Европы и их друзей в Вашингтоне из числа этнических общин,

которые зачастую мыслят категориями холодной войны. У них есть большое желание компенсировать потерю третьего позиционного района таким образом, чтобы инфраструктура НАТО все равно переместилась еще ближе к России и непосредственно против нее, а не под предлогом ответа на иранскую угрозу.

Так появилась идея поставить в Польше на постоянное боевое дежурство ракетные комплексы «Пэтриот», разместить там и в соседней Чехии другие элементы американской военной инфраструктуры, проводить военные маневры в прибалтийских странах. Предлагается, чтобы эти страны начали срочно перевооружаться и готовиться отражать так называемую российскую агрессию. Не думаю, что, случись все это, Москва испытает чувство благодарности. Вот почему для администрации Обамы очень важно не допустить создания ситуации, когда последствия отказа от третьего позиционного района ПРО могут оказаться куда более вредными для российско-американских отношений, чем последствия осуществления планов администрации Буша.

– Вы сказали, что демократы менее склонны паниковать по поводу Ирана и использовать эту страну в качестве предлога для действий на международной арене. В то же время чуть раньше вы же назвали Иран в числе главных внешнеполитических проблем для Соединенных Штатов. Здесь нет противоречия, но все же расскажите несколько подробнее о вашем видении ситуации.

– В отношении Ирана проблема состоит в том, что администрация Обамы очень не хотела бы оказаться обвиненной в какой-то договоренности с Москвой в ущерб интересам Польши и Чехии. Поэтому, боясь утечек информации, администрация категорически не желала обсуждать эту тему с российскими партнерами. Мы могли бы сделать то-то, если бы вы уступили нам в том-то... На такой диалог Вашингтон не пошел.

Это привело к парадоксальной ситуации. Президента Медведева после встречи с президентом Обамой спрашивают, как он относится к теме санкций против Ирана. Он отвечает, что Россия в принципе не верит в эффективность санкций, но бывают ситуации, когда другого выбора нет. И администрация США стала преподносить это как большой сдвиг в российской позиции и серьезную победу американской дипломатии. Но, как говорят в таких случаях, дьявол – в деталях.

Какие конкретно могут быть применены санкции в ответ на какое-то иранское поведение – все это с Россией не обсуждалось. Президент Медведев в такой ситуации, как мне кажется, сделал заявление, которое подтвердило позицию, основанную на здравом смысле: да, в принципе, санкции – это не наш путь, но нельзя полностью исключить, что на каком-то этапе в ответ на что-то могут быть приняты меры какого-то рода. В результате администрация США не имела никаких заверений от России о том, что далеко идущие санкции будут пользоваться поддержкой Москвы.

Более того, санкции, которые администрация США считала наиболее эффективными, например запрет на ввоз в Иран продуктов нефтепереработки, в первую очередь бензина, не получили поддержки не только со стороны России и Китая, но и со стороны Германии. Поэтому теперь заговорили о мерах воздействия на Тегеран в сфере финансов, страхования и перестрахования.

– И насколько такие меры могут быть эффективны?

– Это серьезные санкции, но они не дадут такого быстрого воздействия, как те же ограничения на поставки бензина. К тому же ограничения в сфере финансов и страхования тоже довольно легко преодолеваются. Дело в том, что раньше действительно все крупнейшие страховые компании были сосредоточены в Соединенных Штатах. Сейчас компании такого масштаба появились в Гонконге, Китае и Индии. И свято место, как водится, пусто не бывает. Даже если Соединенные Штаты и Евросоюз запретят своим компаниям страховывать грузы, которые доставляются в Иран, это отнюдь не приведет к тому, что Иран не будет их получать. Полу-

чать их будет несколько сложнее, а главное дороже, но они все равно будут застрахованы азиатскими компаниями и доставлены.

Думаю, Бараку Обаме сейчас основательно повезло, поскольку Иран сделал предложения, которые включают идею доступа международных инспекторов на место строительства реактора в районе святого города Кум и концепцию обогащения иранского урана в России и во Франции. Президент Ахмадинежад сказал об этом в Нью-Йорке во время Генеральной Ассамблеи ООН. Это не было реакцией на какие-то новые американские угрозы. И это предоставляет Обаме возможность попытаться договориться с Ираном.

– *Как вы думаете, он будет предпринимать такие попытки?*

– Опять-таки проблема состоит в том, что Обама находится под очень сильным давлением внутри США, особенно со стороны сторонников Израиля, для которых любая договоренность с Ираном и возможность создания Ираном ядерного оружия представляются неприемлемыми. И чем больше Обама зацикливается на своей идее реформирования здравоохранения, тем меньше он может позволить себе тратить политический капитал на что-либо другое. Внутри его администрации существует вера, что обаяние Обамы, его неортодоксальный аналитический подход к международным проблемам поможет получить серьезные уступки со стороны других государств. Но мы уже увидели в Копенгагене на заседании Международного олимпийского комитета, как далеко может простираться обаяние президента Обамы. Интересно, что среди стран, голосовавших против Соединенных Штатов, большинство составляли африканские члены МОК. Страны руководствуются национальными интересами, а не реагируют на чью-то харизму.

Возвращаясь к началу нашего разговора, еще раз хочу сказать, что в российско-американских отношениях есть новые обнадеживающие тенденции и администрация США к их нормализации относится серьезно, но пока неясно, как далеко по этому пути она готова идти и какую готова платить за это цену. В конгрессе сторонников такого курса совсем немного. Настоящей влиятельной группы поддержки сотрудничества с Россией в Соединенных Штатах пока нет. Это достойно сожаления, но это факт.

С Китаем ситуация иная в силу огромного объема экономического сотрудничества с ним и заинтересованности крупнейших американских корпораций в его продолжении. Плюс тот факт, что Китай контролирует огромную часть внешнего долга США. В Вашингтоне надеются, что Пекин будет продолжать вкладывать деньги в американские ценные бумаги. В силу этого наезды на Китай воспринимаются здесь как довольно рискованное занятие. Россию же многие политики в конгрессе считают куда более подходящим объектом для демонстрации своего патриотизма, своей жесткости без серьезных последствий для американских интересов. И, повторю, администрации Обамы с этим придется считаться.

На что готов пойти Обама

Администрация Обамы заинтересована в том, чтобы саммит в Москве прошел успешно. Однако правительство США все еще оценивает свои возможности в этой области, и ни одного окончательного проекта для представления правительству России пока не существует. Очевидно, что сокращение стратегических вооружений – это лишь один из сюжетов, по которому президент Обама хотел бы достичь быстрого прогресса в отношениях с Москвой, и его администрация уже ясно дала понять, что для удовлетворения интересов России США готовы не только к подсчету ядерных боеголовок, но и также средств их доставки. Также американское правительство дает понять, что необходимость системы противоракетной обороны в Польше и Чешской Республике находится в стадии изучения и что прогресс в решении иранской ядерной проблемы может сделать эти объекты ненужными. Американская сторона также, вполне вероятно, может выпустить специальное заявление о том, что, если возникнет необходимость в системах противоракетной защиты в Европе, содействие России будет искренне приветствоваться. Крайне сомнительно, однако, чтобы администрация Барака Обамы стала рассматривать возможное размещение элементов ПРО в Европе как часть проблемы американо-российского стратегического равновесия. Как и в случае предшествующей администрации Буша, президент Обама и его команда утверждают, что система ПРО не имеет никакого отношения к России и не представляет никакой угрозы для российской национальной безопасности.

Что касается расширения НАТО, президент Обама, возможно, поделится со своими российскими коллегами мнением своей администрации о том, что Украина и Грузия не готовы ПДЧ (плану действий по членству в НАТО). При этом маловероятно, что Обама сделает это таким образом, чтобы правительство РФ решило, что оно теперь имеет какое-то право вето относительно решений Альянса о расширении НАТО.

Также вероятно, что администрация Обамы поддержит российское правительство в ускорении переговоров относительно членства РФ в ВТО. В том смысле, что США пообещают быстро избавиться от пресловутой поправки Джексона Вэника, если переговоры России с ВТО будут успешно завершены.

В сухом остатке это все означает, что президент Обама искренне попробует достичь прогресса во взаимоотношениях с Москвой, но не подвергнет себя критике за то, что он приносит в жертву стратегические интересы США или нарушает американские обязательства перед европейскими союзниками.

В Вашингтоне ждут, что Россия, в свою очередь, сможет достигнуть настоящего прорыва во время саммита на переговорах о сокращении стратегических вооружений. Позиции обеих сторон сейчас достаточно близки для того, чтобы это стало возможным. Также Вашингтон ждет дальнейшей разработки предложения президента Медведева по европейской безопасности. Правда, в настоящий момент времени американское правительство демонстрирует небольшой энтузиазм в отношении изменений существующих структур безопасности в Европе, таких как НАТО и ОБСЕ. Тем не менее президент Обама и его советники признают, что у России есть законные интересы, и с целью полноформатного восстановления отношений не будут отвергать предложения России прямо. США будут готовы рассмотреть с союзниками из стран НАТО на специально созванном для этого форуме предложения РФ. Российские инициативы по созданию новых международных резервных валют, альтернативных доллару, по понятным причинам не имеют для США большой привлекательности. Сомнительно, что они будут всерьез обсуждаться во время саммита. Администрация Обамы хочет улучшить отношения с Россией. Это факт. Но вряд ли это налаживание отношений имеет хоть какое-то символическое значение для президента США и его советников, для Конгресса США или для американской общественности в целом. Для поиска лучших взаимоотношений с Москвой есть вполне про-

заческие причины. Внешнеполитические стратегии Буша были дискредитированы в США. А как всякое новое правительство, команда Обамы явно заинтересована в успехе внешней политики, которая может усилить ее авторитет дома и за рубежом. Однако было бы преувеличением думать, что Россия – это некий абсолютный политический приоритет для администрации Обамы, что президент США будет готов платить огромную цену только за то, чтобы получить возможность заявить о прорыве в отношениях с Москвой.

2010 год

Отношения США с РФ могут попасть в опасную полосу

(из интервью «Независимой газете», 04.10.2010)

– Господин Саймс, каковы шансы, что новый Договор о СНВ будет ратифицирован до конца года?

– Все зависит от того, что хочет президент Барак Обама. Хочет ли он получить очередной повод обвинить республиканцев в том, что они занимаются подрывом его политики и американских внешнеполитических интересов? Или же он хочет ратифицировать договор? На самом деле добиться одобрения договора просто. Я могу сказать это с известной уверенностью, поскольку у Центра Никсона хорошие контакты с республиканцами в Сенате.

В Сенате есть те, кто голосовал бы против документа, даже если он был подписан республиканской администрацией. Причем на том основании, что в России с правами человека дело обстоит не лучшим образом. В числе других поводов отказа: Москва не полностью разделяет подходы США по основным внешнеполитическим вопросам, включая Иран, а также по-прежнему вызывает раздражение целого ряда американских союзников в Европе. Например, весьма трудно будет уговорить поддержать договор сенатора Джима Деминта. Но таких сенаторов меньшинство.

Большинство же хотят проголосовать «за». В первую очередь потому, что они не хотят, чтобы у США были сложные отношения с основными великими державами. Сенаторы понимают пользу партнерских отношений с Россией. Согласно традиции, если международный договор уже подписан президентом, то вопрос стоит так: на каких основаниях его следует отвергнуть, а не почему его нужно ратифицировать. Создавать практику, при которой международные договоры отвергаются из-за каприза, нецелесообразно, ведь сегодня это договор, подписанный демократом, а завтра это может быть документ, подписанный республиканцем.

Большинство республиканцев готовы проголосовать «за». От администрации Обамы требуется очень мало, чтобы это произошло. Она попробовала кавалерийскую атаку в сенатском комитете по международным делам, когда в типичной манере Обамы, поддержанной сенатором Джоном Керри, республиканцам сказали: мы подписали замечательный договор, и давайте, ребята, ратифицируйте его в той форме, в какой он есть, а в резолюцию о ратификации не вставляйте своих никому не нужных мыслей. Этот подход явно не прошел. В итоге в основе резолюции, которая была принята в сенатском комитете по международным делам, был не внесенный первоначально проект Керри, а проект старшего республиканца в комитете Ричарда Лугара. В результате «за», помимо входящих в комитет демократов, высказались и трое республиканцев.

– Достаточно ли этого, чтобы договор теперь поддержали две трети всего Сената – 67 сенаторов?

– Демократы близки к цели. Но я не уверен. Кроме того, хочется, чтобы договор был ратифицирован не 67 голосами, что будет означать, что республиканцев за него проголосовало очень мало, а чтобы его поддержало значительное большинство. Нужно еще чуть-чуть поправить согласно республиканским пожеланиям резолюцию о ратификации. Напоминаю, что резолюция о ратификации – это не договор. В ней нет ничего, что было бы обязательным для российской стороны. Сенатор Деминт пытался вставить в резолюцию положения, которые могли бы интерпретироваться Россией как изменение подхода к ПРО. Это было отвергнуто сенатским комитетом по международным делам, и на этом не настаивают ни, пожалуй, самый влиятельный критик договора в Сенате сенатор Джон Кайл, ни сенатор Джон Маккейн. Но эти ведущие республиканцы настаивают на четком положении, согласно которому консультатив-

ная комиссия, которая создается в рамках договора, не будет иметь прав интерпретировать содержание документа таким образом, который бы накладывал ограничение на американские программы противоракетной обороны. Мне кажется, что администрация может этот пункт несколько усилить, что устроит значительное большинство республиканцев.

– *Какую роль в процессе ратификации договора играет проблема модернизации американского ядерного арсенала?*

– Конгресс США работает так, что сплошь и рядом законодатели добавляют связанный и несвязанный вопрос к другим резолюциям – будь то резолюция о ратификации договора или американский военный бюджет. Администрация Обамы торжественно поклялась, что собирается тратить деньги на модернизацию ядерного арсенала. Республиканцы говорят: чем больше мы сокращаем свои вооружения, тем нам важнее, чтобы то оружие, которое остается, было современным и надежным. Администрация принимает этот аргумент, хотя она не готова дать обязательства по конкретным цифрам затрат на модернизацию и сказать, в чем она, по крайней мере в первые годы, будет заключаться. Требования республиканцев минимальны. Если Обама считает, что это важный договор, он должен договориться с республиканцами по данным вопросам, никак не меняющим содержания договора и не затрагивающим российские интересы.

В противном случае договор, возможно, и будет ратифицирован, но с минимальным перевесом. Сейчас шансы на ратификацию на основе резолюции, одобренной в сенатском комитете по международным делам, 6:4.

– *Как в целом могут развиваться российско-американские отношения в случае потери демократами значительной части мест в Конгрессе в результате промежуточных выборов 2 ноября?*

– Основная полемика между республиканцами и демократами касается внутренней политики. Российская тема минимально присутствует в нынешней избирательной кампании.

По основным, важным для американского избирателя вопросам Россия не полностью согласна с США, но явно не ведет себя как противник.

Опасность в другом. Я никогда не видел в Америке такой степени поляризации избирателей, как сейчас. У обычных людей, которые, как правило, не слишком увлечены политикой, особенно с республиканской стороны, полное неприятие нынешней администрации. Когда значительная часть избирателей воспринимает Обаму как мусульманина, это показатель того, что для многих людей президент выглядит как чуждый им человек.

При этом эмоциональном накале оппозиции Обаме любая инициатива президента, особенно если он после выборов пойдет на дальнейшую поляризацию, может вызвать неприятие и оказаться на внешней политике. Республиканцы будут атаковать по каким-то вопросам только потому, что они ни в чем не хотят помогать Обаме. Кому-то это может показаться мелким политиканством. Но вдумайтесь: большинство республиканцев считают, что Обама пытается кардинально поменять Америку, причем так, что обратить эти изменения вспять будет трудно.

Миллионы нелегальных иммигрантов будут получать гражданство. Это изменит демографическую картину американского избирателя на годы вперед. Обама пытается выделить из системы налогообложения низший средний класс и возложить основное налоговое бремя на высший средний класс. В Америке уже сейчас 45 % избирателей не платят подоходный налог. Президент хочет, чтобы не платили больше половины населения. Тогда вести классовую борьбу против наиболее преуспевающих американцев станет легко. Все большая социализация здравоохранения, финансовой системы вызывают негативные эмоции: мы знаем по опыту, что, когда государство начинает все контролировать, все большее число людей приучаются к мысли, что они зависят от государства, а не от частной инициативы.

Если считать, что Обама хочет вести Америку по неверному пути, который станет неизменным, то на все его инициативы начинаешь смотреть под негативным углом – хотите ли

вы помогать этому опасному президенту, который никак не заинтересован в диалоге с оппозицией? Такой подход к двухпартийности неизбежно порождает контрапекцию, которая распространяется на внешнюю политику. Отношения с Россией могут попасть в опасную полосу. Билл Клинтон после выборов в Конгресс 1994 года, когда демократы потеряли большинство, резко изменил курс и сказал, что время «большого правительства» прошло. Он стал ориентироваться по многим важным экономическим вопросам на договоренности с республиканцами. Если Обама поступит, как Клинтон, думаю, двухпартийность во внешней политике удастся поддерживать.

– *Как вы оцениваете перспективы сотрудничества России и США в сфере противоракетной обороны?*

– В принципе возможности есть. Это в интересах двух держав. Я искренне убежден, что администрация президента США не видит ПРО как систему, направленную против России. Я много разговаривал по этому поводу с высокопоставленными представителями Пентагона и рядовыми чиновниками Минобороны и ни разу ни от кого не слышал, что это делается против России. Специалисты вне администрации также в один голос говорят, что против России ПРО не направлена. Конечно, когда что-то строишь и международная обстановка меняется так, что партнер становится противником, начинаешь применяться к новым угрозам. Но пока таких намерений у США нет. С другой стороны, Россия находится в регионе, где она может быть очень полезна как партнер при создании ПРО. Мне кажется, что есть достаточно возможностей, чтобы сделать ПРО каналом партнерства, а не очагом разжигания противоречий. На эти вещи нужно смотреть максимально конкретно: какие угрозы существуют, какие системы и где можно построить для их отражения и что можно сделать, чтобы никто не считал, что это делается против него.

– *Кстати, о том, против кого разворачивается ПРО. Понимают ли в администрации Обамы мотивацию осторожного поведения России в отношении Ирана? Может ли Вашингтон помочь Москве компенсировать потенциальные негативные последствия от обострения отношений с Ираном на Северном Кавказе и в Центральной Азии?*

– Во-первых, Соглашение 123 (по мирному атому) – это непрямая, но очевидная компенсация за экономические потери России в результате отказа Москвы поставлять Ирану комплексы С-300. Во-вторых, Россия пытается присоединиться к Всемирной торговой организации. Опять-таки никто прямо не говорит: пусть Москва поддержит нас по Ирану, а мы поможем ей вступить в ВТО. Но все понимают, что если Россия идет на рискованные варианты с Ираном, то важно, чтобы российское руководство и общество видели, что это делается в контексте партнерских отношений с США. Вступление в ВТО – очень важный компонент процесса. Я не очень уверен, что могут сделать США, чтобы помочь России по иннограду Сколково и превращению столицы в международный финансовый центр, но готовность со стороны администрации Обамы в рамках ее ограниченных возможностей идти навстречу тоже есть.

Надо понимать, что для США – правильно или неправильно – проблема Ирана стала чуть ли не апокалипсической. Есть люди, которые считают, что иранская угроза преувеличивается, а диалог с Тегераном мог бы привести к лучшим результатам, но это не подход администрации и не подход Конгресса. Администрация считает, что Иран – это вызов США № 1. Она между молотом и наковальней: с одной стороны, создание иранского ядерного оружия было бы для нее большим политическим и стратегическим поражением. С другой стороны, израильская атака против Ирана могла бы иметь для США тяжелые последствия. Администрация Обамы поглощена темой Ирана и ставит ее во главу угла, строя отношения со всеми другими странами. Когда другие державы ведут себя как партнеры, разумные люди в администрации и Конгрессе готовы идти этим странам навстречу.

– *Воспринимается ли сейчас рост Китая в Америке как угроза? Возможна ли конкуренция между Вашингтоном и Пекином за Москву?*

– Пока КНР не воспринимается как военная угроза. Надо отдать должное китайцам: они ведут себя достаточно осторожно, в том числе и в военном строительстве, чтобы не создавать впечатление, что у них есть агрессивные намерения. Определенная нормализация между материковым Китаем и Тайванем тоже сыграла конструктивную роль. С другой стороны, Китай постепенно становится экономическим вызовом Америке. Это создает новую внутриполитическую динамику в США. Если раньше в основном американские деловые круги амортизировали любые американо-китайские разногласия, то сейчас в американском деловом мире проходит размежевание и определенные группы занимают совсем другие позиции.

В недавно вышедшей книге Стефена Хэлпера отражена другая озабоченность: пусть у Китая нет агрессивных военных намерений, но он представляет альтернативную политico-экономическую модель, которая может оказаться популярной во многих развивающихся странах и подорвать американские лидирующие позиции. В том числе и экономические: у Хэлпера, например, есть ощущение, что США проявляют разборчивость в том, как и с кем они торгуют, как и кому они помогают, а Китай готов делать все что угодно, если это приносит ему немедленную экономическую и политическую пользу. Наконец, китайцы все более уверены в себе. Это пока проявляется в первую очередь в отношениях КНР с соседями. Например, в последнее время у Пекина стали несколько более напряженные отношения с Японией. В Юго-Восточной Азии опасения относительно Китая нарастают. Всего несколько лет назад мы говорили о разнице в подходах соседей к КНР и к России. Большинство российских соседей были, объективно говоря, противниками Москвы. А китайские соседи тогда говорили США, что китайцы не белые и не пушистые, но по крайней мере они ни на чьи любимые мозоли не наступают и не надо создавать с Пекином ненужных проблем. Сейчас китайские соседи начинают просить стратегического присутствия США и американских гарантий безопасности и говорят, что опасаются усиления КНР. Это становится новым фактором в американо-китайских отношениях. По мере того как Китай становится сверхдержавой, элементы соревновательности и связанной с ними напряженности в отношениях с США будут нарастать. Они далеки пока от кризиса. Сейчас здравый смысл и сотрудничество преобладают в обеих странах. Если надо похвалить администрацию Обамы, то именно за то, что в отношениях с КНР она в основном проявляла разумнуюдержанность. Пока я не вижу конфликта между США и Китаем, который побуждал бы Вашингтон отчаянно искать союзников против Пекина. Но, конечно, когда США строят новые отношения с Индией, то отчасти в уме держат Китай. Когда госсекретарь Хиллари Clinton предлагает гарантии безопасного судоходства в проливах, прилегающих к КНР и ЮВА, понятно, что имеется в виду. Поэтому когда в этом контексте США смотрят на РФ, то в стратегическом плане Россия вписывается в американское представление о создании факторов сдерживания КНР. Но дело в том, что американская внешняя политика редко отличается долгосрочным стратегическим планированием. Как правило, все ориентировано на то, что работает сегодня, самое большое – следующие два-три года. Поэтому стратегические соображения в отношениях с КНР не являются доминирующими в американском подходе к России.

Российская политика не всегда понятна американцам

Москва и Вашингтон пытаются стабилизировать двусторонние отношения. Во многом этому был посвящен визит в США министра иностранных дел Сергея Лаврова. Однако существенным тормозом этого процесса является отсутствие политического баланса в России, что отражается и на ее отношениях с другими странами.

Например, соглашение по усыновлению детей – это не центральный вопрос в отношениях между двумя государствами, но тем не менее для людей это весьма важный вопрос, затрагивающий человеческие судьбы, и политически тоже в России достаточно важный. Поэтому, конечно, это успех российского министра иностранных дел, и хочется надеяться, что этот раздражитель из российско-американских отношений теперь будет устранен.

Но продвижение по соглашению о визах – это тоже очень важно. Это опять-таки затрагивает судьбы людей. И особенно учитывая, как работают оба консульства – американское в Москве, российское в Вашингтоне, – совершенно очевидно, что, прямо скажем, возможности для улучшения там немалые. И надеюсь, что это соглашение тоже принесет конкретные результаты.

То, что будут продолжать разговор об обычных вооружениях в Европе, это, конечно, тоже обнадеживает. Хотя продолжать разговор – это не то же самое, что добиться результата...

Отдельно следует сказать об американской противоракетной обороне в Европе. Подход Соединенных Штатов состоит в том, что США сталкиваются с потенциальной, но смертельной угрозой: это ракетные атаки из так называемых «государств-изгоев». И поэтому Соединенные Штаты должны создавать систему противоракетной обороны, которая была бы оптимальна, для того чтобы отразить эту угрозу. То есть любые договоренности с кем угодно, включая Россию, не должны мешать созданию эффективной противоракетной системы по максимально ускоренному графику. Это подход США.

Подход России состоит в том, что не должно быть создано никакой системы противоракетной обороны, которая хотя бы теоретически, потенциально могла бы приносить ущерб российскому потенциальному сдерживания.

Это максималистские позиции, и между ними есть определенная несовместимость. Причем в дополнение к объективному несовпадению подходов есть еще политические расклады и в той, и в другой стране. Администрации Обамы приходится считаться с настроениями в Конгрессе, где для многих республиканцев противоракетная оборона – ну, это в какой-то мере даже уже стало чуть ли не религиозным символом патриотизма. Ну а в России тоже очень многие, я бы сказал, прямо нагнетают обстановку вокруг этих американских систем, пытаясь создать впечатление, что не только они теоретически на каком-то этапе могут быть использованы против России, но, скорее всего, уже есть в Америке такой замысел. Это, конечно, очень затрудняет договоренность.

Кроме того, в России происходят вещи, которые в Америке представляются не просто малоаппетитными, но и реальной угрозой американским интересам. Я говорю в первую очередь о сужении политического поля, об ограничении каких-то демократических норм, о коррупции и правовом беспределе, про которые, кстати, говорят и президент России, и неоднократно говорил премьер-министр России. В Америке это воспринимается достаточно серьезно, потому что это затрагивает работу американских компаний, это затрагивает безопасность американских граждан. Это то, что в Америке, как государстве, построенном на законе, воспринимают особенно остро.

Конечно, в России сегодня больше политических свобод, чем когда бы то ни было на протяжении российской истории. Может быть, за исключением короткого периода между Февральской и Октябрьской революцией. Но те свободы, которые есть в России сегодня, это все-

таки личные свободы граждан, которые позволяют им жить относительно свободно и независимо от государства: выбирать место работы, выбирать место проживания, пользоваться Интернетом.

Это все очень важно, но это не те свободы, которые ограничивают возможность власти принимать какие угодно решения внутри и вовне страны. Поэтому с американской точки зрения нет того политического баланса в российской политике, которая бы создавала уверенность в направлении российской внешней политики в сколько-нибудь долгосрочной перспективе. И это объективно является сдерживающим фактором в развитии российско-американских отношений...

О «перезагрузке». Что точно «перезагрузка» означает, я не знаю. Мне это немножко напоминает историю с «разрядкой», как в Америке называли ее *détente*. И я помню долгие споры: чем эта вот «разрядка» должна была быть и какие у нее были объективные пределы. И никакой четкой концепции в Вашингтоне по этому поводу не было, в Москве, по-моему, тоже. Но было очевидно, что эти концепции в Москве и Вашингтоне не совпадали. И мне кажется, это тоже происходит сегодня.

Есть, кстати, еще одна опасность, как с этим *détente* – «разрядкой» – много лет назад, в 70-е годы. Опасность, что люди в этом видят слишком много, что у них есть нереалистические ожидания. И очень часто это делается по политическим соображениям американскими лидерами, которым хочется показать, что происходит какой-то важный внешнеполитический прорыв.

У президента Обамы много критиков и, конечно, администрации хочется продемонстрировать какой-то прорыв в российско-американских отношениях. Но беда в том, что чем больше администрация пытается продемонстрировать большие достижения «перезагрузки», чем больше эта администрация делает, тем больше возникает желание у республиканцев сказать: «Одну минуту! А так ли это на самом деле? И что представляет собой российское руководство? Что представляет собой президент Медведев, которого представляет президент Обама и госсекретарь Клинтон как президента-реформатора?»

То есть когда ты начинаешь преувеличивать, чего тебе удалось добиться во внешней политике, то это может иметь результат бумеранга. И с этим в российско-американских отношениях в какой-то мере сталкивается сегодня администрация Обамы.

О вступлении России в ВТО. Россия – большая и уверенная в себе страна. И в вопросе ВТО в России неоднозначные подходы. Китай – тоже большая и уверенная в себе страна. Но они проявили большую готовность соблюдать требования ВТО, чем Россия. У России это не только заняло максимальное количество времени, но и Россия требовала от ВТО максимального количества компромиссов как условия российского вступления. Это, может быть, оправдано, но это ведет к каким-то задержкам.

Кроме того, у России есть, что называется, заклятые «друзья» на бывшем советском пространстве. И это тоже сужает диапазон маневрирования для администрации Обамы: до какой степени они готовы пойти навстречу Москве, если это может привести к внутриполитическому скандалу в Соединенных Штатах.

И поэтому эти сложные дискуссии продолжаются по принципу «два шага вперед, один шаг назад». Но мне кажется, что мы движемся в правильном направлении. Но я боюсь, что частью цены за принятие России в ВТО может оказаться « поправка Магнитского».

2011 год

Будет ли «Перезагрузка-2»

(из интервью программе «Постскриптуm», 21.01.2012)

21 января состоялась инаугурация нового старого президента США Барака Обамы. Многие политологи уверяют, что в течение второго срока ему все-таки удастся осуществить pragmatичную революцию во внешней политике и в том числе «перезагрузить» отношения с Россией. О перспективах «перезагрузки-2» рассказал президент Центра национальных интересов Дмитрий Саймс.

– Барак Обама любит писать письма. В 2009 году он отправил своего эмиссара с посланием к российским властям, и именно этот эпизод принято считать началом «перезагрузки». И вот очередное послание, в котором хозяин Белого дома, по слухам, вновь пытается навести мосты с Москвой. Учитывая далеко не самый лучший фон, который существует сейчас в российско-американских отношениях, возможна ли, на ваш взгляд, вторая серия «перезагрузочной мелодрамы»?

– Действительно, в Вашингтоне обсуждается предстоящий визит в Москву помощника президента США по национальной безопасности Тома Донилона, который должен вручить Владимиру Путину послание от Барака Обамы. Пока сложно сказать, что будет в этом документе, но, думаю, погоды он не сделает. В свое время, как вы упомянули, Обама отправил со своим эмиссаром письмо Владимиру Путину – просторный документ на восьми страницах, российские дипломаты ответили посланием примерно такой же длины. Ни в коем случае не умаляя значение данной переписки, следует признать, что, если вы хотите дать импульс российско-американским отношениям, ничего не может быть лучше личной встречи президентов, откровенного диалога, в ходе которого они признают, что отношения зашли в тупик, и попробуют найти взаимоприемлемую формулу для прорыва. Ведь это как катание на велосипеде: кататься на месте не получится. И, если не двигаться вперед, кризис практически неминуем. Для этого есть все предпосылки. Следовательно, нужны новые идеи и, конечно, заверения обеих сторон, что эти идеи не останутся на бумаге. Сказано – сделано, даже если потребует серьезных усилий и не понравится некоторым политикам в Москве и Вашингтоне. Безусловно, у Обамы есть реальная возможность изменить не только тон, но и существо российско-американских отношений. Но для этого ему придется выдержать не одно сражение. До сих пор, как мне кажется, главным приоритетом для президента была внутренняя политика: перераспределение доходов, смягчение иммиграционного законодательства… Сейчас он борется за ограничение прав американцев на ношение оружия. И я не знаю, сколько политических битв Обама готов вести одновременно. Очевидно одно: у него очень развиты внутриполитические инстинкты. Во внутренней политике он четко знает, за что сражается. Что же касается политики внешней, президент часто отстаивает разумные и взвешенные идеи, но когда выясняется, что реализовать их не так просто, он отступает, не желая тратить на это свой политический капитал. Конечно, очень важно, каким будет российский ответ, ведь если президент Путин отзовется на предложения Обамы и сумеет построить с ним взвешенные pragmatичные отношения, думаю, у американского лидера появится мотивация для внутриполитической борьбы. Если же ни одна из сторон не решится на трудные шаги, самые лучшие послания не будут иметь никакой ценности.

– В декабре госсекретарь Хиллари Клинтон пообещала активно сопротивляться «рессетизации Восточной Европы и Центральной Азии», что было воспринято в Москве в штыки. Новые руководители внешнеполитического блока – pragmatики, которые понимают, что для

Вашингтона постсоветское пространство находится далеко не на первом месте в списке приоритетов. Смогут ли они наладить отношения с Россией?

– Да, Хиллари Клинтон уходит с поста госсекретаря, и Белый дом уже откrestился от ее высказываний о постсоветском пространстве, заявив, что они не отражают точки зрения демократической администрации. Тем временем в команде Обамы грядут серьезные изменения: Госдепартамент возглавит глава сенатской комиссии по международным делам Джон Керри, а Пентагон – бывший сенатор от Небраски Чак Хэйгел. Это прагматичные, осторожные и умеренные политики, которые никогда не делали антироссийских заявлений. Если говорить о Хэйгеле, следует вспомнить, что в 2008-2009 годах он был сопредседателем неофициальной межпартийной комиссии по отношениям с Россией. Я был директором этой комиссии и могу засвидетельствовать, что Хэйгел убежденно и последовательно выступал за диалог с российским руководством и настаивал на том, что партнерство с Москвой – в американских интересах. (Кстати, очень показательно, что сейчас, когда Хэйгела критикуют за его якобы лояльное отношение к Ирану и некоторые антиизраильские высказывания, никто не вспоминает даже о позиции будущего министра обороны по российскому вопросу.) В общем, дело не в том, войдут ли в новую администрацию разумные люди, способные «перезагрузить» отношения с Москвой, а в том, будет ли президент к этим людям прислушиваться и воплощать в жизнь их рекомендации.

– *Но разве назначение таких людей не свидетельствует о том, что Обама вновь призывает Россию к разрядке?*

– Нельзя забывать о том, что изначально на пост госсекретаря Обама планировал назначить американского посла в ООН Сьюзан Райс. А она, как известно, принадлежит к тому крылу администрации, которое жестко критикует действия России. (После того как Москва отказалась поддержать резолюцию против режима Асада в Совбезе ООН, она утверждала, что «у России руки в крови»). Когда конгрессмены дали понять Обаме, что не поддержат кандидатуру Райс, он был вынужден выдвинуть Керри. Так что появление на посту госсекретаря политика, который не разделяет жесткого подхода к России, отчасти случайность. О том, что перезагрузка отношений с Москвой не является приоритетом для президента США, свидетельствует и история с принятием «акта Магнитского». Ни для кого не секрет, что существовало два законопроекта: один – радикальный, подготовленный палатой представителей, другой – умеренный, разработанный в сенате. Вариант, предложенный сенаторами, нельзя было назвать антироссийским. Действие законопроекта, по их замыслу, распространялось на все страны мира, разбирательства должны были проходить в частном порядке, и никто не пытался бы пригвоздить к позорному столбу иностранных чиновников, судей и журналистов, до того как собраны доказательства их вины. Сенат, как известно, контролирует демократическая партия, и автором сенатской версии «акта Магнитского» был либеральный сенатор от штата Мэриленд, глава Американской Хельсинкской комиссии Бенджамин Кардин, который считается политиком, близким к команде Обамы. Предполагалось, что, как это принято в Соединенных Штатах, в ближайшее время будет создана согласительная комиссия и сенат и палата попытаются найти компромисс. И вдруг представители администрации заявили, что президент не возражает против радикального законопроекта, подготовленного республиканцами в палате представителей, и готов подписать его без дальнейшего обсуждения. Почему Обама принял такое решение?

Мое впечатление, основанное на разговорах с чиновниками Белого дома и Госдепа, состоит в том, что президент не разделял версию палаты, но счел, что легче согласится с оппонентами, чем вести с ними изнурительную борьбу.

– *Прошлой весной на саммите по ядерной безопасности в Сеуле Обама обещал Медведеву после переизбрания проявить большую гибкость в военно-стратегических вопросах. Может ли он в своем письме предложить вариант европейской ПРО, который устроит Москву? Ведь рассказывают, что президент США рассчитывает заключить с Россией очередное «эпохальное*

ное» соглашение о ядерном разоружении и в связи с этим готов на уступки по вопросу о противоракетной обороне...

– Обама не имеет возможности идти на такие уступки. Ведь в 2010 году он подписал Акт о ратификации соглашения о стратегических наступательных вооружениях, который категорически запрещает ему это делать. Вспомним то время. Это было сразу после того, как демократы потеряли контроль над палатой и сократили свое представительство в сенате. Обама очень торопился: ему хотелось продемонстрировать, что он по-прежнему сильный лидер. Именно поэтому президент отказался подождать с ратификацией договора до того, как будет созван новый состав сената. Десять новых сенаторов просили, чтобы их допустили к обсуждению акта о ратификации, и, по заверениям республиканских лидеров, в этом случае он мог быть принят подавляющим большинством голосов, как и предыдущие договоры по ограничению стратегических вооружений. Однако Обама требовал, чтобы решение было принято немедленно. объяснялось это тем, что нужно иметь возможность верификации, наблюдения за российскими системами. Хотя одновременно говорилось, что Россия не представляет больше угрозы для Америки и при любом раскладе сокращает свой стратегический арсенал. До сих пор никто не может толком объяснить, почему нельзя было подождать с этим вопросом три месяца. Ведь был вариант акта о ратификации, подготовленный Джоном Керри, который не выходил за рамки договора. Но, поскольку ратификация требовала двух третей голосов в сенате, Обаме нужно было переманить на свою сторону часть республиканцев. И он заручился поддержкой сенатора Лугара – очень уважаемого сенатора, которого, к сожалению, нет в новом составе конгресса (в прошлом году он проиграл первичные выборы в своем штате). Лугар подготовил компромиссный текст акта о ратификации, который включал полный запрет на уступки по ПРО на будущих переговорах с Россией о стратегических наступательных вооружениях. Именно законопроект Лугара был принят сенатом и подписан Бараком Хуссейном Обамой. И о каких после этого уступках можно говорить? У демократов по-прежнему нет двух третей голосов в верхней палате конгресса, и внести поправки к закону они не в состоянии. Поэтому мне не совсем понятно, в чем заключается та гибкость, о которой господин Обама говорил господину Медведеву. Конечно, американский президент в одностороннем порядке может отказаться от строительства некоторых элементов ПРО на том основании, что это слишком дорого или просто не нужно Соединенным Штатам. Но дать юридически значимые гарантии, о которых постоянно говорят российские руководители, он не имеет права. Если бы Москва согласилась на неформальные заверения, что те или иные системы не будут строиться, это – во власти Обамы.

– Существует расхожее мнение, что с республиканцами Кремлю всегда было проще вести дела, чем с демократами. Единственное исключение – неоконсервативная администрация Буша, которая была зациклена на правах человека не меньшие демократических правительств. И в этом смысле интересно, почему на прошедших президентских выборах Москва ставила на Обаму, а не на его республиканского соперника?

– Когда в Соединенных Штатах велась предвыборная кампания, российские специалисты уверяли, что для Москвы Обама – куда более приемлемый кандидат, чем экс-губернатор Массачусетса Митт Ромни. Но, как говорят американцы, это все равно что сравнивать яблоки и апельсины. С одной стороны – действующий президент США, которому доступна любая, даже самая секретная информация по международной политике, с другой – кандидат от оппозиции, не имеющий никакого внешнеполитического опыта и вынужденный к тому же подстраиваться под свой избирательный избирательный блок, обвиняющий его в умеренности и отсутствии принципов. То есть сравнивали президентские ответственные действия Обамы с безответственной политической риторикой кандидата Ромни. И, разумеется, Обама казался более вменяемым. Но разве можно было делать выводы о внешнеполитических предпочтениях республиканца на основании предвыборных лозунгов? В 2008 году я входил в команду Ромни и считался его старшим советником по внешней политике. Однако это была абсолютно формальная должность,

поскольку экс-губернатор Массачусетса совершенно не интересовался нашими взглядами и даже ни разу не собрал свою внешнеполитическую группу. По словам некоторых моих коллег, работавших с Ромни на прошедших выборах, в 2012 году ситуация фактически повторилась: республиканский кандидат в основном занимался внутриполитическими и внутриэкономическими вопросами, а международные проблемы интересовали его лишь как возможность набрать очки и подвергнуть критике своего соперника. Разумеется, неоконсерваторы с их радикализмом, чеканными и простыми формулировками лучше всего подходили для этой цели. Но кто сказал, что, завоевав Белый дом, он возложил бы на них ответственность за принятие внешнеполитических решений? Я, например, в этом абсолютно не уверен.

– *Что вы думаете об экономических отношениях России и США? Как они будут развиваться после отмены пресловутой поправки Джексона – Вэника?*

– Думаю, отмена поправки ничего не изменит, ведь она играла чисто символическую роль. Начиная с Никсона, все президенты США находили предлог, для того чтобы обойти ее. «Акт Магнитского», на мой взгляд, также не нанесет серьезного ущерба российско-американским экономическим отношениям. Но, конечно, нужно следить за тем, чтобы избежать эскалации, которая подогреет конфронтационные инстинкты горячих голов в России и Америке. Кроме того, меня беспокоит так называемое дело Шнеерсона. Как известно, Вашингтонский суд обязал Россию ежедневно выплачивать 50 тыс. долларов в качестве штрафа за отказ вернуть рукописи американских хасидов. И если на основе этого судебного решения американцы предпримут попытки конфисковать российскую государственную собственность, которая не защищена дипломатическим иммунитетом, Москва окажется в сложной ситуации. Ведь такой собственности в США довольно много (есть даже банки, контролируемые российским государством), в России же фактически нет американской государственной собственности. Ситуация отнюдь не зеркальна. И, если Россия захочет дать решительный ответ, она, скорее всего, конфискует собственность американских корпораций, а это отпугнет многих потенциальных инвесторов. Надеюсь, что данную ситуацию удастся как-то разрешить. Может быть, как раз помогла бы личная встреча президентов. Поезд еще не ушел, но он уже стоит под парами...

Что роднит США и Россию

Недавнее заявление президента Владимира Путина о преимуществе российской Конституции перед международным правом, которое довольно противоречиво принято европейскими политиками, полностью соответствует американской правовой традиции.

Конституция США четко гласит, что является верховным законом страны. И хотя она подчиняет законы штатов обязательствам по международным договорам – одна из причин важности Конституции в том, что она не предоставляет договорам преимущества перед федеральным законом. На практике, давая свой «совет и согласие», сенат США часто тщательно проверяет обязательства по договорам на возможные противоречия Конституции или федеральными законами США.

Для того чтобы договор был ратифицирован, за него должны проголосовать две трети из ста членов сената США, однако зачастую сложно предсказать результат этого процесса. Администрации нескольких президентов США от обеих партий не раз пытались убедить сенат ратифицировать Конвенцию ООН по морскому праву – и безуспешно, даже несмотря на поддержку председателя сенатского комитета по международным отношениям. А недавно против Международного договора о торговле оружием выступило достаточное количество сенаторов, чтобы сделать его ратификацию крайне маловероятной. Договор был подписан администрацией Обамы, но был раскритикован оппозицией изнутри: от производителей до отдельных владельцев оружия, настаивающих, что договор нарушает их право на владение оружием, гарантированное второй поправкой к Конституции.

Очевидно, что ситуация становится более сложной, когда возникает противоречие между какими-либо международными обязательствами США и американским законом. Один недавний спор заставил Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) противостоять правительству штата Техас, когда ОБСЕ послала делегацию наблюдателей на выборы 2012 года в Техасе. Россия знает по собственному опыту, что ОБСЕ предпочитает проводить мониторинг выборов на собственных условиях. Однако в Техасе этот номер не прошел: генеральный прокурор штата Техас Грэг Эббот предупредил, что, если наблюдатели попытаются диктовать процедуры на выборах или даже начнут опрашивать избирателей на участках, они нарушают техасский закон и могут подвергнуться уголовному преследованию.

Госдепартамент США выразил поддержку требованиям ОБСЕ. Но четко дал понять, что не может отменить решение техасских властей без длительного судебного разбирательства, которое может завершиться гораздо позже даты выборов. После нескольких широковещательных заявлений наблюдатели согласились играть по правилам Техаса без какой-либо публичной критики американских избирательных процедур.

Еще один более показательный случай, также затрагивающий Техас, связан с гражданином Мексики, осужденным и приговоренным к смертной казни за убийство двух техасских девушек в 1993 году. Правительство Мексики протестовало, настаивая на том, что осужденному насильнику и убийце не была предоставлена возможность встретиться с представителями консульства, как того требует Венская конвенция о консульских сношениях 1963 года. Международный суд ООН в Гааге поддержал мексиканское правительство и постановил отложить исполнение наказания. Но губернатор Техаса, республиканец Рик Перри, заявил, что «Международный суд в Техасе неправоспособен». Верховный суд США отказался отложить приведение приговора в исполнение, и преступник был казнен в августе 2008-го без каких-либо длительных негативных последствий для американо-мексиканских отношений или серьезного ущерба репутации США как демократии.

Большая часть критики в адрес российской юридической практики вытекает из российских обязательств в рамках Европейской конвенции по правам человека, ратифицированной

в 1998-м как часть процесса вхождения России в Совет Европы. С тех пор Парламентская ассамблея Совета Европы и Европейский суд по правам человека не раз обязывали российское правительство не только изменять политический вектор, но и отменять вердикты российских судов. Никакое другое государство в Европе не подвергалось столь жесткому обращению в этой области.

Ирония ситуации заключается в том, что, когда Россия присоединилась к Совету Европы и ратифицировала Европейскую конвенцию по правам человека, в Москве многие поверили, что Российской Федерации находится на пути к интеграции в Европу и что членство в Совете Европы стало одним из первых шагов в этом процессе. Сейчас очевидно, что Россию в обозримом будущем не пригласят в самые важные европейские институты – НАТО или Европейский союз. Более того, общеевропейские институты и отдельные европейские правительства, кажется, не применяют к России те стандарты, что используют в отношении стран Балтии, которые лишили гражданских прав сотни тысяч своих русскоговорящих жителей, многие из которых родились на территориях этих стран.

Развитие независимых судов для противостояния коррупции (в особенности среди правоохранительных органов) и чувствительность к правам меньшинств должны находиться в сфере национальных интересов самой России. Но вся эта политика должна быть разработана самими русскими. Для великой державы, такой как Россия, с ее собственными традициями и обстоятельствами, попытка копировать чей-то опыт вряд ли окажется удачной. И это совет не от какого-либо славянофила или сторонника президента Путина. Не кто иной, как президент Ричард Никсон, настаивал на этом двадцать лет назад в своих письмах и выступлениях как в Москве, так и в Вашингтоне. Он сказал, что отношение к России как к побежденной державе, от которой ждут, что она примет навязчивый зарубежный надзор, привело бы лишь к возникновению мощной националистической обратной реакции и в конце концов противоречило бы национальным интересам США.

Очевидно, что сделанное часто очень сложно отменить. Соединенные Штаты действительно вышли из Договора по ПРО с Россией в 2002 году, но это повлияло на отношения США только с одной страной. Выход из Европейской конвенции по правам человека означал бы и выход из Совета Европы, а это, очевидно, может привести к целому спектру негативных последствий – от перспектив визового соглашения с Европейским союзом до изменения динамики западных инвестиций в российскую экономику. Однако у правительства РФ есть полное право заявить западным странам, что оно не будет следовать требованиям навязывать решения российской судебной системе, которая, как говорят те же западные правительства, должна оставаться свободной от влияния исполнительной власти.

На практике европейцам, скорее всего, не стоит ждать, что Россия будет вечно играть по правилам Европы, будучи при этом не принятой в клуб. Как Иосиф Сталин показал Великобритании и Франции в 1939-м, всегда есть другой клуб, к которому можно присоединиться.

2013 год

Украина, Россия и США

Путин не имел агрессивных планов в отношении Украины

Говоря об украинской проблеме, прежде всего следует сказать, что именно администрация Обамы способствовала обострению кризиса на Украине. В Киеве было легитимное правительство, возглавляемое президентом Виктором Януковичем. Он – жалкий персонаж. К тому же бездарный. Он стал главным архитектором собственного свержения. Однако же он был законно избран.

Но США и Евросоюз решили встать на сторону протестующих. Если бы эти люди применяли подобное насилие и приемы против дружественного нам правительства, мы называли бы их не протестующими, а повстанцами.

США использовали Майдан, чтобы надавить на Януковича и заставить его подписать соглашение, протестующие воспользовались моментом и свергли президента, а США приняли это так, словно силовое свержение законно избранного правительства – в порядке вещей. Более 100 депутатов из бывшей правящей «Партии регионов» не пришли в Раду, некоторые из членов «Партии регионов», проголосовавших за оппозицию, очевидно, были запуганы, а других контролировали украинские олигархи, которым позволили вмешиваться в политику. Вот что привело к формированию в Киеве нового правительства – нельзя забывать об этом, если вы хотите понять, почему русские решили вмешаться.

Оказывая давление на политический процесс, США раскачали политическую лодку Украины. Именно процесс раскачивания лодки привел к результатам, которые мы наблюдаем. Это не оправдывает действия Путина, это не значит, что русские имеют право вводить войска на территорию другого государства. Я лишь хочу сказать, что любые проступки России не должны использоваться как алиби для некомпетентности администрации Обамы.

Я не верю слухам о том, что Путин долгое время вынашивал планы агрессии на Украине. По моей информации, российский президент принял это решение уже после Олимпиады под действием двух факторов: во-первых, сильное давление побуждало его сделать хоть что-то, во-вторых, по мнению россиян, Крым изначально не должен был принадлежать Украине.

США тоже оказались в очень непростой ситуации. Если отдать Крым России, то это пошлет отрезвляющий сигнал всем странам региона и нанесет серьезный ущерб геополитическому авторитету США. Мы не горели желанием делать что-то в Сирии или с Ираном, а теперь создается впечатление, что мы не прочь проглотить политическое унижение в Крыму и Восточной Украине.

Однако попытки Обамы надавить на Россию, в частности его выступление от 28 февраля, никак нельзя назвать удачными. Говорить русским, в чем заключаются их интересы... Стоило бы знать, что это бесполезное занятие. Говорить им, что они за это заплатят, ну так они, конечно, и сами знают, что заплатят. Это попросту несерьезно.

А если мы хотим быть серьезными, мы должны спросить себя не только о том, что мы можем сделать с Россией – конечно, мы можем ее наказать, – но и что Россия сделает в ответ. Мы можем нанести России серьезный экономический ущерб. Мы можем предпринять шаги, которые будут способствовать ее международной изоляции. Но тогда мы не должны удивляться, если Россия, желая компенсировать экономические потери или потерю лица, подпишет соглашение о безопасности с Ираном и поставит ему ракетные комплексы С-300, а может быть, и С-400. Не следует удивляться, если Россия станет гораздо активнее поддерживать президента Асада. И главное, не следует удивляться, если Россия введет новый элемент мировой

нестабильности, подписав соглашение о безопасности с Пекином, а у Пекина есть серьезные основания для укрепления оборонительных связей с Россией.

Сложившаяся в результате ситуация может по многим параметрам быть хуже, чем все, что мы видели во времена холодной войны...

В Соединенных Штатах призывают бороться с некоей агрессией со стороны России. Американские власти разрабатывают документ, который так и называется – «Акт о предотвращении агрессии со стороны России 2014».

«Предотвратить дальнейшую российскую агрессию по отношению к Украине и другим суверенным государствам в Европе и Евразии» – вот цель билля номер 2277. Этот документ – еще не объявление войны, но уже подготовка к ней. Ополченцев американские конгрессмены именуют «агентами Российской Федерации в Восточной Украине, которые стремятся разжечь гражданские беспорядки». Бороться с российской агрессией на Украине авторы документа предлагают по всем фронтам: дипломатическими, экономическими и – главное – военными мерами.

Украинскую армию предлагается обеспечить всем необходимым – от транспорта и средств связи до огнестрельного и зенитного оружия. Общая сумма поставок – 100 миллионов долларов. Но не факт, что их выделят. Конгресс не готов тратить деньги. Он не возражает против санкций, если не нужно рисковать. Украина может обнаружить, что много людей в Конгрессе, готовых ей аплодировать, и мало – готовых поддержать.

О том, что украинской армии нужно помогать не словами, а делом заявил недавно Збигнев Бжезинский. По его оценке, еще до гипотетического вторжения России на Украину нужно Киеву дать оружие, причем для боев в городских условиях.

В числе других статей – делиться с Украиной разведанными, ускорить внедрение системы ПРО в Европе, поддерживать долларом демократию в странах, входивших в Советский Союз. Отдельный пункт – расширить на территории бывшего СССР телевидение и радиовещание на русском языке. То есть вести информационную войну. Реализация акта обошлась бы американскому бюджету в двести миллионов долларов в год, что немного, учитывая масштабы борьбы.

Много воинственной музыки в этом проекте, но мало денег. Положений много, а 200 миллионов долларов в год – незначительная сумма. К тому же документ не имеет шансов пройти, администрация будет возражать. Это скорее выражение настроения.

Автор законопроекта – сенатор от штата Теннесси Боб Коркер. Репутация его небезупречна. Как говорят в политических кругах штата, Коркер, будучи мэром города Чаттануга, мог иметь деловые контакты с Виктором Пинчуком. А украинский миллиардер, по утверждениям экс-главы Службы безопасности Украины Александра Якименко, был одним из спонсоров Майдана. Еще в числе сторонников билля – сенатор Джон Маккейн, проигравший Обаме на выборах в 2008 году. За документ выступает и целый список республиканцев-неоконсерваторов. Их никак нельзя охарактеризовать, кроме как самым негативным образом...

Основной приоритет Обамы – внутренняя политика, но Украина его отвлекает. Ему нужно показать себя сильным, показать, что российские танки границу не пересекают из-за санкций. Но, по американскому выражению, лай администрации – это еще не укус.

2014 год

Ошибки украинской оппозиции

Украинская оппозиция могла бы извлечь очень полезный урок из общения с Михаилом Саакашвили. Причем не из пламенной речи, которую экс-президент Грузии произнес на майдане 7 декабря 2003 года, а скорее из его впечатляющего политического взлета и не менее впечатляющего падения.

В феврале 2004 года, вскоре после избрания президентом Грузии, Саакашвили приехал в Вашингтон. Во время этого визита он оказался на ужине, устроенном Центром национальных интересов, где я также присутствовал. Саакашвили пребывал в состоянии эйфории, и не только потому, что ему с успехом удалось сбросить правительство Эдуарда Шеварднадзе, но также из-за теплого приема, который ему оказали в Вашингтоне, включая встречу с президентом Джорджем Бушем-младшим.

Тем вечером, слушая выступление Саакашвили, я с беспокойством отметил, что грузинский лидер слишком буквально принимал похвалы американских чиновников. Поэтому так вежливо, как требовала того моя роль модератора и хозяина вечера, я пересказал Саакашвили и остальным собравшимся разговор президента Ричарда Никсона и первого президента Грузии Звиада Гамсахурдия, который состоялся в 1991 году в Тбилиси. Гамсахурдия в моем присутствии хвастал Никону, что Россия стояла на коленях и одного существенного усилия хватило бы, чтобы нанести ей смертельный удар. И, казалось, Гамсахурдия вызвался исполнить эту роль. Никсон немного подождал и ответил пророческой мудростью: «Господин президент, вы сейчас очень важный человек, и многие будут говорить вам то, что, по их мнению, вы хотели бы услышать. Я же скажу вам то, что вам действительно необходимо знать. Соединенные Штаты не пойдут на конфронтацию с Россией из-за Грузии, и если вы этого не поймете, то вы и ваша страна можете заплатить за это очень высокую цену».

Саакашвили был явно раздражен этим рассказом, но быстро ответил, что он не Гамсахурдия и не пытается спровоцировать Россию. Несмотря на это, некоторые из собравшихся впоследствии отмечали, что его жестикуляция свидетельствовала об ином. Он неудержимо хотел поставить Москву на место. Это желание внесло свою лепту в разрушительную войну с Россией спустя четыре года и его политическое поражение спустя пять лет после того вечера. Как сказал мне один высокопоставленный чиновник вскоре после вооруженного конфликта 2008 года, проблема Саакашвили заключалась в том, что он ошибочно принимал готовность людей, занимающих высокие посты, поговорить с ним по телефону за реальное намерение поддержать его безрассудное поведение.

Со стороны украинской оппозиции было бы мудро избежать этой ошибки. Опыт последних 20 лет показывает, что слова поддержки со стороны политиков из США и ЕС вряд ли превратятся в конкретные действия – как минимум того уровня, который потребовался бы экономике Украины в отсутствии российских субсидий. Более того, украинской оппозиции стоит очень внимательно прислушаться к тому, что именно говорят чиновники из США и ЕС. В случае с Соединенными Штатами сигнал ясен: Вашингтон разочарован президентом Виктором Януковичем, но не поддерживает его насильтвенное свержение. Заместитель госсекретаря США Виктория Нуланд, по данным СМИ, высказала эту мысль на встрече с лидерами оппозиции. Любой, кому знаком послужной список госпожи Нуланд, включающий в себя службу на постах постоянного представителя США при НАТО, советника вице-президента Дика Чейни по национальной безопасности, спикера госсекретаря Хиллари Клинтон и, между прочим, супруги публициста – неоконсерватора Роберта Кагана, знает, что это предостережение продиктовано отнюдь не недостатком симпатии к украинским протестующим.

Американская политика в отношении Украины, поддерживаемая обеими политическими партиями, благоволит ее постепенной интеграции в Евросоюз и в конечном счете в НАТО. Но

Соединенные Штаты никогда не собирались предоставлять ей многомиллиардовую финансовую помощь, предпочитая вместо этого положиться на займы МВФ, которые обычно выдаются на весьма строгих условиях. Это та территория, на которой Вашингтон мог бы помочь организовать более благоприятные условия для Киева, если тот захочет двигаться в сторону заключения соглашения с Евросоюзом. При этом ни администрация Обамы, ни американский народ не имеют никакого желания вступать в конфронтацию с Россией из-за Украины. На сегодняшний день администрация Обамы заинтересована в сотрудничестве с РФ по безотлагательным международным вопросам, как то: Иран и Сирия. Нарастающая напряженность между США и Пекином также не способствует желанию конфликтовать еще и с Москвой.

Европейский Союз искренне более заинтересован взять Украину под свое крыло. Некоторые страны – члены ЕС, а именно Литва и Польша, считают, что забрать Украину от России требуют соображения безопасности. Такая политика – еще и часть многовекового соперничества с Россией за доминирование в Восточной и Центральной Европе. Для многих других в Евросоюзе соображения безопасности, возможно, менее важны, но поощрение движения Украины в сторону Запада представляется символическим проявлением присущей европейскому проекту добродетели и мудрости, во времена когда евроскептики получают все большую поддержку на выборах.

Если не брать в расчет успешную территориальную экспансию, в большинстве вопросов Евросоюзу особенно нечем похвастать. Экономическая ситуация в ЕС весьма трудна, в особенности в средиземноморских странах. ЕС не смог эффективно справиться с проблемами массовой миграции и не нашел способа абсорбировать большие потоки новоприбывших. К тому же вряд ли можно назвать успехом европейские интервенции во время «арабской весны». Энтузиазм Лондона и Парижа по поводу вторжения в Сирию осадил поворот сначала британского парламента, а потом и администрации Обамы к согласию с Россией, убедившей перейти к уничтожению сирийского арсенала химического оружия.

В такой ситуации вхождение постсоветских стран и прежде всего Украины в орбиту Европейского Союза могло бы дать европейским политикам право утверждать, что они все еще находятся «на правильной стороне истории».

Несмотря на это, и Евросоюз, и господин Янукович на собственном непростом опыте поняли, что ЕС не готов поддержать свою риторику деньгами. В отсутствии сильной поддержки со стороны США Евросоюз с его слабыми военными ресурсами не готов взять на себя ответственность и за обеспечение стабильности в Украине, особенно в случае новой «оранжевой революции». Принимая во внимание тот факт, что снять с должности слабеющего украинского президента может оказаться проще, чем заменить его эффективным и легитимным преемником, лидеры украинской оппозиции должны подумать дважды, прежде чем стараться свергнуть результаты свободных и справедливых выборов или еще больше дестабилизировать страну, которой, как оказалось, непросто управлять даже при самых благоприятных обстоятельствах.

Не стоит обманываться, среди европейских лидеров сегодня нет дерзких визионеров вроде Черчилля или Де Голля. Нет среди них даже политиков уровня Тэтчер или Коля. Нынешние европейские президенты и премьеры – это в лучшем случае прагматичные, приземленные политики, плывущие по течению. Для них абсолютно естественно требовать от России невмешательства в украинские дела и одновременно изо всех сил подталкивать Украину к подписанию договора с Европейским Союзом. Кто заплатит за приближение Украины к Европе и в особенности кто обеспечит безопасность страны – совершенно другие вопросы. Опыт показывает, что улыбки лидеров Польши и Литвы во время официальных фотосессий с Саакашвили в августе 2008-го мало что означают и символические объятия – это не реальная поддержка. Об этом стоило бы задуматься лидерам украинской оппозиции.

2013 год

Киев должен избавиться от иллюзий в отношении России

Я очень боюсь, чтобы на Украине и у нового президента, и украинской политической элиты не возникло то, что я называю синдромом Саакашвили.

В 2006-2008 годах в США и в европейских столицах в частном порядке президента Грузии Михаила Саакашвили неоднократно призывали не конфликтовать с Москвой. В Вашингтоне говорили: Миша, мы тебя любим и уважаем, но ты не слишком зарывайся с Москвой и не иди на конфликт, потому что это может закончиться плохо. Но он был настолько опьянен тем, на каком уровне его принимали, и тем, кто из больших людей отвечал на его телефонные звонки, кто был готов посетить Тбилиси и стоять рядом с ним и фотографироваться перед толпой, что у него возникло ощущение вседозволенности и эйфории. Михаил Саакашвили решил, что в западных столицах подход к нему будет по принципу «победителей не судят».

Я надеюсь, что в Киеве не решат, что, если Россия отвела войска и если Москва говорит о деэскалации, это означает, что происходит переориентация российской политики от решительности к умиротворению и теперь можно делать все, что захочется.

Граница между Россией и Украиной, хочу напомнить, расположена недалеко от центральной России, от Ростова, Белгорода и Смоленска. Поэтому, конечно, если на Украине возникнет новое серьезное нарастание напряженности, если будет в большом количестве литься кровь местных жителей, я бы не рассматривал отвод российских войск от границы как гарантию Киеву, что он может делать что угодно и Россия не ответит. Думаю, что в нынешних условиях такая гарантия нереальна и была бы иллюзией со стороны Киева, я надеюсь, у них не возникнет головокружения от успехов.

2014 год

Украина, Россия и США

Администрация Обамы очень позитивно оценивает избрание Петра Порошенко президентом Украины. В конце концов, хотя Соединенные Штаты симпатизировали Юлии Тимошенко, фаворитом у них был Порошенко: он отчетливо демонстрировал, что намеревается решительно продвигать Украину в сторону Америки и ЕС. Порошенко, ранее занимавший несколько высоких должностей в правительстве Украины, хорошо известен в Вашингтоне как прагматик, желающий работать с США; кроме того, его не считают фанатичным националистом, который стал бы создавать ненужные проблемы в отношениях с Россией и по этой причине оттолкнул бы влиятельных членов конгресса. С этой точки зрения даже лучше, что Порошенко победил в первом туре, поскольку это позволило избежать ожесточенного второго тура выборов, соперником Порошенко на которых стала бы Юлия Тимошенко. Порошенко теперь уже может занять кресло президента и в ближайшее время начать работать.

В то же время кажется, что и администрация Обамы, и многие в конгрессе довольны усилением после выборов боевых действий в Восточной Украине. Они, вероятно, исходят из предположения, что президент Владимир Путин решил не послать войска на Украину, по крайней мере в настоящий момент, и что широкомасштабная, но быстрая операция может предотвратить длительные боевые действия и увеличение количества жертв среди мирного населения, которое могло бы заставить президента Путина пересмотреть свое решение. Конечно, американские лидеры хорошо понимают, что у России есть множество экономических и политических инструментов, а также скрытых ресурсов, способных повлиять на ситуацию на Украине даже и без введения войск в это государство. Никто в Вашингтоне и не думает, что Соединенные Штаты и их союзники уже выиграли Украину.

Никто из политиков США не ставит всерьез под сомнение легитимность итогов голосования. На американском телевидении выборы были представлены как довольно мирные и организованные, а результаты выборов совпали с опросами общественного мнения. Большинство репортажей возлагает вину за низкую явку в Восточной Украине на сепаратистов и тем самым оправдывает большинство нарушений, зафиксированных международными наблюдателями. Чиновники и политики полагают, что ОБСЕ признает выборы по двум причинам: во-первых, потому, что посчитает выборы неплохо проведенными в данных обстоятельствах, а во-вторых, потому, что обычно, когда США и Европейский союз сходятся во мнении по какому-то вопросу, ОБСЕ соглашается с их позицией.

Если же взглянуть на ситуацию еще шире, то можно вспомнить, что США и Европа не ставят под сомнение легитимность выборов в истерзанном войной Афганистане, где в одних районах было просто невозможно провести голосование, а в других его честность и справедливость вызывали сомнение. И, если следовать этой логике, трудно понять, почему страны, которых результаты выборов на Украине удовлетворяют, должны вдаваться в детали, как эти результаты были получены? В конце концов, если бы легитимными признавались только те правительства, которые пришли к власти в ходе безупречных выборов, то США и Россия лишились бы многих своих ключевых союзников. Иностранные правительства часто щедро дарят легитимность выборам, когда им нравятся их итоги и ожидаемая после них политика, вне зависимости от того, как эти выборы проводились. Даже российское правительство дало ясно понять, что его позиция относительно избрания президентом Петра Порошенко будет зависеть от действий нового главы Украины в диалоге с восточными и южными регионами Украины, а также от его поведения в отношениях с Москвой.

Но главной проблемой для Соединенных Штатов, однако, остается совсем не то, что именно происходит в осложненной противоречиями и расколотой стране. Многих американских экспертов более всего тревожит то, что у администрации Обамы нет внятной стратегии в

отношении Украины, осознания приоритетов, отражающих национальные интересы Америки, и у этой администрации нет какого-то более осмысленного понимания истории, чего-то, кроме представления о том, что твой клиент всегда занимает в ней правильную сторону. Администрация Обамы может добиться успеха в продвижении Украины в евроатлантическом направлении, но зачем ей нужен такой успех? И какую цену заплатят за это Украина, Европа, Россия и США? Президент Обама и его советники на самом деле не говорят об этом, ограничиваясь предсказуемыми заявлениями о предоставлении украинскому народу права сделать собственный выбор. Конечно, в данном случае решающим мотивом для администрации Обамы является недопущение усиления влияния России на Украину.

Очевидно, Украина представляет для России свой набор вызовов. Президент Путин оказался перед сложной дилеммой, которая напоминает ту, с которой столкнулся президент Дуайт Эйзенхауэр во время революции в Венгрии 1956 года, когда венгерские восставшие пытались захватить власть в убеждении, будто Соединенные Штаты их к этому и призывают и потому поддержат их в борьбе с собственным правительством и Советским Союзом. Эйзенхауэр симпатизировал венгерским борцам, но в конце концов отказался их поддержать, чтобы избежать опасной конфронтации с Советским Союзом. Так как международная политика является искусством возможного, полагаю, что сейчас не в российских интересах поощрять ложные надежды среди тех, кого поддерживает Россия, и также не в ее интересах, идя на лишние движения, дарить ненужное и, возможно, опасное оружие своим критикам, противникам или даже партнерам.

Поскольку география неизменна, а украинское благополучие и, более того, стабильность в регионе зависят от нормальных отношений между Киевом и Москвой, и Соединенные Штаты, и Россия выигрывают, если примут по Украине решение, которое бы устроило всех. Недостаточную заинтересованность администрации Обамы в выборе этого варианта трудно понять, по крайней мере, если исходить из перспективы стратегических интересов США, соблюдение которых требует продолжения работы с Россией по многим международным вопросам, существенным для национальной безопасности США. Еще важнее то, что администрации Обамы следовало бы действовать так, чтобы не подталкивать Россию и Китай навстречу друг другу, и тем самым ускоряя геополитическую перегруппировку, при которой готовность Пекина и Москвы к взаимной поддержке против американских требований будет только увеличиваться. Проблема на самом деле состоит, как полагают многие американские наблюдатели, в том, что администрация Обамы меньше думает о стратегических интересах США, а больше – о том, чтобы не дать политических аргументов критикам президента, которые обвиняют его в слабости и нерешительности. Одержать победу на родине в сфере общественного мнения слишком часто более важно для Барака Обамы, чем добиться успеха в международных делах. Например, некоторые критики считали, что его речь в Военной академии США в Вест-Пойнте скорее представляла собой ход в избирательной кампании, нежели продуманное политическое заявление.

Соединенные Штаты и Россия испытывают взаимное раздражение в связи с кризисом на Украине. У обеих стран очень разные представления о том, что там происходит, и о том, что определяет действия противоположной стороны. Каждая сторона поэтому испытывает искушение вести себя так, чтобы иметь возможность провозглашать победу, даже если победа, которую они надеются одержать, обернется в большей степени моральным удовлетворением сегодня, чем политическим успехом завтра. Однако, когда кризис будет преодолен, Россия и Соединенные Штаты станут великими державами со множеством сложных интересов. Некоторые из этих интересов предполагают высокую степень соперничества, но другие требуют сотрудничества и взаимодействия; хотя не исключено, что альянс Китай – Россия и станет кошмаром для Америки, неспособность работать с Вашингтоном может поставить Москву в

чрезмерную зависимость от Китая. Кстати, вероятно, понимание этого – одна из причин сдержанности Владимира Путина в конфронтации по поводу Украины.

2014 год

Сбитый «Боинг» и российско-американский конфликт

Как гласит известная пословица, разница между оптимистом и пессимистом заключается в том, что оптимист считает, что дела хуже быть уже не могут, а пессимист верит, что они могут и, вероятно, будут еще хуже. История со сбитым «Боингом» демонстрирует нам, что в этом отношении на сегодня более правыми выглядят пессимисты. Крушение авиалайнера – ужасный инцидент, но это также трагедия, которая отражает всю конфликтную природу американо-российских отношений и в более широком контексте – отношений России с Западом.

Помимо общей враждебности к политике России и фактам, представленных Вашингтоном и Киевом, одна из причин, почему США и ЕС возлагают вину на ополченцев за сбитый самолет, заключается в логичности самого допущения, что сбила авиалайнер над своей территорией, вероятнее всего, та сторона конфликта, которая подвергалась регулярным бомбардировкам с воздуха и уже к этому времени уничтожила несколько самолетов противника, а не та, которая не сталкивалась с воздушными атаками и, соответственно, не имела в своем послужном списке подбитых аэропланов. Точно так же легче было предположить, что восставшие ополченцы, обладающие сравнительно слабыми средствами разведки и несовершенной системой контроля над выполнением приказов, с большей вероятностью могли бы выстрелить в пассажирский авиалайнер по ошибке, чем лучше организованные правительственные войска Украины. И поскольку меньше оснований думать, что украинские войска могли выстрелить именно по ошибке, в таком случае если бы выяснилось, что выстрел с их стороны оказался роковым, то отсюда закономерно следовал бы вывод, что они это сделали сознательно, в ходе реализации чудовищной провокации с целью поймать в ловушку ополченцев и Россию. Но, если бы за таким ужасным преступлением стоял Киев, Америка и Европа вынуждены были бы задуматься о своей поддержке президента Порошенко. Нынешнее правительство в Киеве пришло к власти, опираясь на сильную поддержку со стороны Вашингтона и Брюсселя, и само это новое руководство обычно воспринимается как друг Запада, поэтому отказ от его поддержки потребовал бы безусловных доказательств подобного преступления, притом что некоторые и в США, и в Европе все равно не поверят никаким доказательствам вообще.

Для Соединенных Штатов, как и для Европейского союза, на кону сейчас лежит больше, чем сама Украина. Россия под управлением Владимира Путина все в большей степени рассматривается как возрождающаяся великая держава, бросающая прямой вызов мировому порядку, как он сложился после холодной войны, и отвергающая западные представления о том, как международная политика должна функционировать и как отдельные государства должны вести дела у себя дома. Жесткие действия России на Украине послужили подтверждением на Западе худших подозрений относительно намерений Москвы.

Россия сейчас находится перед трудной дилеммой. Если она продолжит поддерживать повстанцев, столкнется с новыми санкциями и возможным продвижением инфраструктуры НАТО ближе к границам России, и, пока Москва не вступила в новые союзы, Россия может оказаться один на один с альянсом, превосходящим ее по экономическому могуществу, по численности населения и, по крайней мере в некоторых отраслях, обладающим гораздо более совершенной военной технологией. Нежелание Европы разрывать экономические связи с Россией, видимо, объясняет более мягкие санкции с ее стороны, чем те, что вводит Америка, однако при давлении США и сильном поощрении со стороны прибалтийских государств, Польши и Швеции более жесткие санкции почти наверняка будут введены и Европой. Неудивительно, что те, кто отвечают за состояние российской экономики, склоняются к точке зрения о необходимости для Москвы искать выход из конфликта и отказаться от поддержки ополченцев.

Подобным экономическим резонам бросают вызов те в российской политике, кто помимо чувства моральной ответственности перед населением Восточной Украины исполнены также

скепсиса в отношении предположения, что своим отступлением Россия сможет восстановить партнерство с Западом. И на самом деле история санкций показывает, что их намного легче ввести, чем снять. Учитывая нынешнее неприятие курса России и лично президента Путина во многих частях Европы и еще в большей мере в США, не исключено, что уступки по Украине рассматривались бы как признак слабости, а недержанности. Вполне вероятно, что за ними последовали бы новые требования к России – отказаться от Крыма, стать более гговорчивой в международной политике, а внутри страны – допустить большие свободы в западном духе.

Администрация Обамы и многие в конгрессе, по-видимому, верят, что санкции работают и, если Соединенные Штаты и Европейский союз будут действовать совместно, столкнувшись с перспективой вероятной экономической катастрофы, Россия сделает серьезные уступки и может даже сменить руководство. Такие надежды основываются на способности США вводить новые и новые санкции против России, не наталкиваясь на какой-либо ответ, который мог бы обеспокоить американскую администрацию. Сейчас в Вашингтоне преобладает восприятие, что Соединенные Штаты в состоянии ввести все более жесткие санкции и при этом какой-либо значимой ответной реакции со стороны России не последует.

Опасность этой логики для Америки состоит в том, что она основывается на ожидании какой-либо симметричной реакции со стороны России. А что, если Россия, когда санкции начнут наносить большой экономический ущерб, воспримет их как элемент полноценной экономической войны и перед лицом серьезнейшей угрозы своей экономике решит, что настал ее черед играть в эскалацию и прекратить или резко сократить энергетическое обеспечение Европейского союза? Да, это будет крайне болезненно для российских финансов, но, по мнению авторитетных американских экспертов, Россия способна прожить на свои финансовые резервы дольше, чем Европа способна прожить без российского газа. Россия также может ответить крайними мерами – дестабилизацией тех стран НАТО, где существует значительная русская диаспора, поддержкой многочисленных движений на планете, враждебных Соединенным Штатам, поиском союзов с новыми партнерами, включая Китай, и даже использованием военной силы. Следует помнить, что, согласно распространенной точке зрения, именно американские экономические санкции содействовали решению Японии атаковать Перл-Харбор в 1941 году. Хотя НАТО в военном отношении сильнее, чем Россия, обновленная Российская армия довольно сильна там, где наиболее вероятно ее применение – в Восточной Европе, и при этом она имеет превосходство 10 к 1 в тактическом ядерном оружии над НАТО. Американское общественное мнение не возражает против наказания России с помощью санкций, пока американской экономике не приходится за это расплачиваться. Но общественное мнение США подавляющим большинством выступает против использования военной силы в Украине (и только 9 % поддерживает военную акцию Америки), тогда как готовность европейцев проливать кровь и тратить деньги для защиты новых членов НАТО остается в лучшем случае не проверенной.

Я убежден, что президент Обама не заинтересован в конфронтации с Россией, но он продолжает требовать от российского руководства изменения его политического курса. Он и большинство в конгрессе верят, что этого можно добиться без войны, глобальной дестабилизации и значительного ущерба экономике США. Но насколько это реально? Путина всё чаще сравнивают со Сталиным. Однако те же самые люди, кто делают такие сравнения, в какой-то мере ожидают, что в конфликте с Западом российский лидер будет вести себя как благородный и предсказуемый Чемберлен. Это, очевидно, очень удобное, но рискованное допущение, когда имеешь дело с Россией.

2014 год

Трудная дорога к миру на Украине

Прекращение огня на Восточной Украине – это хорошие новости для многострадального местного населения, однако перемирие остается крайне неустойчивым и порождает разные ожидания как у обеих сторон этого конфликта, так и среди тех сил, которые поддерживают их из-за границы.

Что касается Запада, то первый очевидный момент состоит в том, что, хотя кризис на Украине значительно усилил враждебность по отношению к России, эта враждебность начала проявляться несколько лет назад, и она была вызвана растущим впечатлением, что Россия под властью президента Владимира Путина отказывается действовать в согласии с тем мировым порядком, что был установлен после холодной войны. Сопротивление России плану США нанести воздушный удар по режиму Асада в Сирии, сильная оппозиция против расширения НАТО и размещения элементов ПРО в Европе, ограничения против субсидируемых западными фондами неправительственных организаций в России и отсутствие интереса к строительству демократии западного образца послужили, наверное, последними сигналами Вашингтону и Брюсселю, что путинская Россия весьма отличается от других постсоветских стран. Исходя из этой перспективы, Россия упорно отказывалась принять западные нормы поведения решительно во всех аспектах.

Будет преувеличением утверждение, что Запад просто искал возможность наказать Россию. Но все же, безусловно, имелась предрасположенность видеть в конфликте между Москвой и Киевом Россию – неповинующимся агрессором, а Украину – дружественной жертвой. Эта предрасположенность была той призмой, сквозь которую действия России на Украине воспринимались не только правительствами США и стран ЕС, но и большинством западных СМИ, и внешнеполитической элитой, и широким общественным мнением.

Второй момент состоит в том, что положение о наличии особых отношений России с Украиной и особенно признание того обстоятельства, что в силу этих отношений Россия имеет в этом государстве некоторые особые права, повсеместно отвергались на Западе и, в частности, в США. Неоконсерваторы и либеральные интервенционисты, которые во многом определяли внешнюю политику Америки после конца холодной войны, похвалялись тем, что именно курс Америки привел к поражению СССР. Прагматические реалисты возражали против преувеличения роли США в коллапсе Советского Союза и напоминали, что в августе 1991 года президент Джордж Буш-старший предостерегал против национализма на Украине и везде в СССР, очевидным образом предпочтя сценарий, по которому Украина оставалась бы в составе реформированного Советского Союза. С этой точки зрения ельцинская Россия, объявившая при поддержке подавляющего большинства в парламенте о суверенитете РСФСР, намного более, чем США, несет ответственность за запуск той цепи событий, которая привела к распаду СССР. Именно президент Ельцин призвал российских солдат не подчиняться приказам советского руководства в конфликте с балтийскими сепаратистами. И, конечно, именно Ельцин подписал соглашение с Украиной и Белоруссией, вбив последний гвоздь в гроб советского государства.

Несмотря на это, неоконсерваторы и реалисты сходятся в том, что Украина сегодня представляет собой суверенное государство, и, подобно любому другому государству, оно имеет право защищать свою территориальную целостность. На Западе говорят, что с конца Второй мировой войны еще ни разу часть одного европейского государства не была аннексирована другим государством. С технической точки зрения это так. Косово было насилиственно отторгнуто от Югославии и включено в европейскую орбиту с потенциальной перспективой обретения статуса члена НАТО, однако оно не стало частью Албании. Есть ли какая-то разница с точки зрения geopolитики между аннексией и такого рода отторжением – вопрос более слож-

ный. Но само это различие позволило Вашингтону и Брюсселю утверждать, что их позиция имеет моральное превосходство.

Тот факт, что Соединенные Штаты и их союзники осуществили открытое вторжение в целый ряд государств в последние два десятилетия, не рассматривается как прецедент. Схожим образом тот факт, что администрация Обамы предоставляла помочь сирийским повстанцам и планировала нанести воздушный удар по режиму Асада перед лицом все более отчетливой оппозиции этим планам в конгрессе, не рассматривается в качестве релевантного аналога по отношению к Украине. Некоторые могут сказать, что существует большая разница между противостоянием сирийскому диктатору и поддержкой западного, ориентированного в сторону демократии украинского правительства. Другие, как и многие в Москве, укажут на лицемерие и двойные стандарты. Историк, может быть, укажет на то, что и Рим считал позорительным для себя то, что никогда не мог бы признать допустимым для Парфии, и что государства редко требуют от своих союзников соблюдения тех же стандартов поведения, что и от своих соперников. Как бы то ни было, но ко времени украинского кризиса Россия большинством на Западе воспринималась уже не как партнер, если только уже не как противник.

2014 год

Федерализация – оптимальный способ сохранения единства Украины

Мне кажется, что сама идея Киева о том, что федерализация означает распад страны, в корне неправильна. Напротив, разумная и осторожно введенная формула федерализации, мне кажется, – единственный способ удержать Украину вместе, если только не превратить ее в какую-то тоталитарную диктатуру.

Если мы хотим видеть Украину современной, стабильной, существующей в ее нынешних границах, то децентрализация власти неизбежна, потому что альтернатива – это постоянно тлеющее напряжение, и в этих условиях достаточно искры, чтобы это напряжение привело к какому-то взрыву. На бумаге в теории все это признают, но в том, что это означает на практике, согласия нет. То, о чем говорят ополченцы на юго-востоке, фактически является конфедерацией, члены которой обладают очень высоким уровнем автономии. Вместе с тем то, о чем говорят власти Киева, не напоминает даже федерацию. Это скорее права, предоставленные местному самоуправлению, права достаточно ограниченные и которые даются центральной властью, которая может сегодня их предоставить, а завтра может их ликвидировать.

Однако при наличии здравого смысла и доброй воли можно, хотя и с трудом, найти взаимоприемлемую формулу. Когда я думаю о том, что могло бы работать на Украине, в числе прочего я смотрю на американскую модель. Если бы такая форма была приемлема для Украины, это был бы очень большой шаг вперед.

2014 год

Когда будут отменены санкции против России

(*интервью для Business FM, 24.09.2014*)

США могут снять санкции против России. Об этом на открытии 69-й Генассамблеи ООН заявил президент Барак Обама. Требование – соблюдение ранее достигнутых договоренностей о прекращении огня на востоке Украины.

Барак Обама: «Америка будет поддерживать народ Украины, который совершенствует свою демократию и развивает экономику. Наших союзников по НАТО в том, что касается обеспечения коллективной самообороны, мы тоже будем поддерживать. Мы сделаем так, что России придется расплатиться за агрессию. Мы делаем правду общедоступной. Приываем другие страны присоединяться к нам, так как мы в историческом контексте находимся на правой стороне. Но перед нами лежит сложный путь. Это путь дипломатии и мира – основ Организации Объединенных наций. Недавнее прекращение огня на Украине дает возможность достижения этой цели. Если Россия пойдет по этому пути, пути, который был проложен в период после окончания холодной войны и который принес народу России процветание, мы отменим наши санкции и поддержим Россию в этой нелегкой совместной задаче».

Высказывания Обамы в интервью прокомментировал американский политолог Дмитрий Саймс.

– Чего хочет Обама?

Дмитрий Саймс: Очень просто. В начале ноября состоятся выборы в США. Не президентские, а выборы в Конгресс и выборы многих губернаторов. И до последнего момента политические аналитики исходили из того, что партия Обамы потеряет контроль над Сенатом. Республиканцы уже контролируют Палату представителей. Если бы они захватили Сенат, то Обаме было бы очень трудно проводить свою программу. Обама приходит в ООН, его речь звучит совсем по-другому, чем год назад. Он теперь выглядит как президент военного времени. Я не могу отделить его сегодняшнюю риторику от предстоящих выборов.

– Возвращаясь к вопросу санкций. Где конкретика? Обама мог бы сказать: если Россия изменит свой курс в отношении Украины и вернет Крым, тогда мы отменим санкции. Что-то такое, что мы могли бы понять. Почему этого не произвучало?

Дмитрий Саймс: У администрации Обамы нет политики в отношении России, если речь идет о серьезной дипломатии и особенно о какой-то долгосрочной стратегии, которую можно было бы ожидать, имея дело с такой великой державой, как Россия. Россию можно любить или не любить. С ее действиями можно соглашаться или не соглашаться. Но нормально было бы иметь стратегию в отношениях с Россией. У администрации нет такой стратегии. У нее есть стратегия, как иметь дело с проблемами, возникшими в Ираке и Сирии, как что-то сделать на Украине и таким образом, чтобы президент не выглядел слабаком. Обратите внимание, что восприятие санкций Обамы в России и у многих в Америке очень разное. В России говорят о том, как Обама пытается наказать Россию. А в Америке многие критики Обамы говорят, что он использует санкции как алиби, чтобы не оказывать серьезную помощь режиму Порошенко, чтобы не оказывать никакого военного содействия.

– Как все-таки здесь, в Москве, трактовать слова Обамы: как замораживание санкций или как путь к их отмене?

Дмитрий Саймс: Думаю, что об отмене санкций речь четко не идет. Какие-то санкции могут быть при определенных обстоятельствах сняты, какие-то ослаблены. Но об изменении

фундаментальной политики в отношении России на данном этапе со стороны Обамы, мне кажется, говорить трудно.

Возможен ли заговор против Путина?

Можно ли ожидать усиления роли спецслужб в России?

(из интервью «Новой газете, 31.10.2002)

– Господин Саймс, как вы расцениваете действия российских спецслужб в «Норд-Осте» по освобождению заложников?

– Во-первых, я не знаю никого в Америке, за исключением каких-нибудь маргиналов-пацифистов, кто быставил под сомнение правомерность применения силы в такой ситуации. Второе: те люди, которые захватили заложников, вели себя как профессиональные террористы, готовые пожертвовать жизнями для достижения своей фанатичной цели. Их требования были общеполитического характера. Ни одна уважающая себя держава не может удовлетворять подобные требования, когда захвачены заложники. Можно разговаривать о выкупе, об освобождении кого-то из тюрьмы... Но менять политику государства, исходя из случившегося, нельзя.

– Весь вопрос в том, насколько адекватно была «применена сила», насколько точно подобраны средства...

– Да, тут есть законные вопросы. Что там был за газ? Разрешен ли он соответствующими конвенциями? Естественно, по крайней мере по меркам американского общества, рассказать об этом газе. Важно, как он действует. Иначе возникают сомнения по поводу того, насколько этот газ противоречит международным конвенциям и обязательствам России.

– После 11 сентября в Америке усилилась роль спецслужб. Можно ли теперь ожидать того же в России?

– Не согласен! В Америке был накат не спецслужб, а на спецслужбы. В конгрессе прошли слушания по поводу ФБР и ЦРУ. Требовали даже отправить в отставку директора Центрального разведывательного управления. Я подчеркиваю: американское пробуждение после 11 сентября, внезапное американское единство не обернулись попранием гражданских свобод! У нас по-прежнему критикуют и президентскую администрацию, и лично президента.

В России ситуация другая. Если в Америке большинство СМИ – коммерческие, политически независимые, то у вас журналисты очень часто озвучивают позицию своего владельца. Если в Америке владелец заинтересован в прибыли, то в России – в отстаивании своих интересов. На ваши СМИ можно давить с разных сторон.

Еще одна проблема. Свобода слова эффективна там, где за словом может последовать какая-то реакция. В США эту свободу обеспечивает развитое гражданское общество. Не мне вам говорить о российских реалиях. У вас нет приводного ремня – громкий материал редко вызывает отклик со стороны властей.

– Господин Саймс, вы не думаете, что после недавних событий российская сторона с большим пониманием отнесется к американской операции в Ираке?

– Трагедия в Москве, трагедия со снайпером в Вашингтоне показывают, насколько мы все уязвимы. Эта уязвимость требует продуманности в большой политике. Не размахивать топором, а действовать скальпелем. С другой стороны, надо понимать, что режим Хусейна, способный на все, очень опасен. В России это, увы, не до конца понимают.

– Что вас в первую очередь тревожит в современной России?

— Тревожит не то, какие плохие спецслужбы. После победы над террористами спецслужбы можно было бы и поздравить. Тревожит другое: у вас нет демократических противовесов спецслужбам. Нет сильного независимого парламента, независимых партий. Нет уверенных в себе СМИ.

Я надеюсь, прагматичные люди в российском руководстве отдают себе отчет: удушение свободы не пойдет на пользу международному авторитету страны.

«Плач по демократии» в России

(из интервью Первому каналу РТ, 18.01.2005)

— Как-то вы сформулировали такую точку зрения, что «плач по демократии» в России раздается в основном от лица тех, кто считает, что при Ельцине Россия была демократией, и эта позиция не совсем адекватна. Не могли бы вы более подробно остановиться на этом вопросе?

— Я думаю, что «плач по демократии» раздается не просто со стороны тех, кто считал, что при Ельцине была демократия, но со стороны тех, кто эту демократию или, точнее, псевдо-демократию, помогал создавать, на ней наживался и ее политически использовал. Например, Сорос стал большим критиком путинской России. Хочу напомнить, что Сорос сделал в России много хорошего. Но, с другой стороны, он решил принять участие в аукционах середины 90-х годов, конкретно аукционе «Связь-Инвест», и на этом крупно нажился. И мне кажется, что моральный авторитет этих людей, их суждения по поводу России весьма сомнительны.

— Понятно, что реформы 90-х годов, их содержание и даже кадровые вопросы в значительной степени диктовались из Вашингтона. Как вы оцениваете американскую политику в отношении России в допутинский период, насколько она изменилась с приходом к власти Путина и какова ваша оценка нынешней политики?

— Мне кажется, что во время Ельцина был достаточно своеобразный российско-американский диалог. Нельзя сказать, что Вашингтон диктовал свою политику, а Москва подчинялась. В Москве были свои расклады и были люди, которым американское вмешательство, американские советы и даже иногда американское давление были очень удобны. Я думаю, уже сейчас мы можем с уверенностью сказать, что были люди, допустим, в российском правительстве среди радикальных реформаторов, которые, когда их позиции начинали шататься, мчались в Вашингтон, просили о помощи и потом Ельцину говорили: смотри, если ты хочешь получить очередной заем, то присутствие именно этих людей в твоем правительстве является весьма желательным.

Я помню мои разговоры с некоторыми из этих радикальных реформаторов, которые откровенно просили американских советов. Они просили совета у меня, частного человека, причем просили совета, смешно сказать, по вопросам экономической реформы. И, когда я им отвечал, что я не экономист и недостаточно знаю ситуацию в России, чтобы подобные советы давать, они говорили: неужели тебя не интересует твоя бывшая страна, разве ты не можешь хоть что-то подсказать? Так что я могу себе представить, как эти люди мчались к большим американским начальникам. И я помню заискивающий взгляд некоторых российских реформаторов, когда они чуть ли не просили иностранцев помочь им сформулировать российские национальные интересы.

Это была сложная ситуация. Не то чтобы Вашингтон командовал, откровенно давил. Просто в России были люди, которые американские советы и даже давление весьма приветствовали. Некоторые по наивности, не понимая, что в Вашингтоне не было и не могло быть правильных рецептов для очень сложной российской ситуации, которую здесь далеко не всегда понимали. Но были и те, кто очень хорошо знал, как использовать в своих интересах «большого американского брата».

— Что вы думаете о политике МВФ в 90-е годы, которая очень жестко диктовалась России, диктовалась как реципиенту фонда. Коридор экономических решений был достаточно узок. Как показывает практика, сами Соединенные Штаты в похожих условиях никогда не применяли аналогичные требования МВФ по отношению к себе. Нет таких примеров. Какие

бы ни были обстоятельства, какие бы ни были кризисы в Соединенных Штатах, эти принципы, то есть жесткая денежная рестрикция, которая приводила к сжатию экономики, Соединенные Штаты к себе не применяли. Это политика исключительно экспортная.

– Эта политика не могла применяться в Соединенных Штатах, потому что те, кто попробовал бы ее применить, у власти бы долго не остались, поскольку подобного рода политика несовместима с демократией. Демократия не строится на идее, что можно проехаться по ныне живущим ради счастья будущих поколений. Ныне живущие, то есть избиратели, этого не потеряют.

В России же действительно использовали небольшевистский вариант, когда абсолютно откровенно было принято решение о том, что не следует медленно и нудно подниматься в гору, когда можно сделать лишь один большой прыжок. И, если это произойдет за счет слабых, за счет целых категорий населения, которые не могут приспособиться к подобного рода прыжку, это считалось приемлемым.

Можно критически относиться к политике Международного валютного фонда и Мирового банка 90-х годов, но все-таки нужно помнить, что она не встречала никакого сопротивления у радикальных реформаторов, которые играли тогда главную роль в правительстве. И очень часто советы МВФ вырабатывались совместно с этими политиками, которые использовали давление из Вашингтона как своего рода алиби, для того чтобы делать то, что они сами хотели по своим собственным мотивам.

– Изменилась ли политика Соединенных Штатов по отношению к России, в чем заключаются эти изменения и какова ваша оценка нынешней ситуации в российско-американских отношениях?

– Начнем с того, что изменилась Россия. Россия изменилась прежде всего потому, что она не стоит больше с протянутой рукой. При Борисе Ельцине была интересная идея равенства между Россией и Америкой. Не может быть равенства между тем, кто постоянно просит, и между тем, кто дает. В одной конкретной ситуации это возможно, но если это длится из года в год, то такого равенства не существует.

Так что даже структурные отношения тогда равными быть не могли. Сейчас благодаря новой экономической ситуации в России, когда российский президент приезжает на заседания «Большой восьмерки», уже абсолютно не обсуждаются займы и льготы для России, и это радикально меняет динамику нашего диалога. Это – во-первых.

Во-вторых, мне кажется, в России сейчас у власти находятся люди, которые весьма заинтересованы в том, чтобы вводить Россию в мировую экономику, которые не хотят, чтобы Россия была на обочине западной цивилизации. Им не нужны самые полезные рекомендации откуда-то еще, из-за любого бугра, чтобы они решали, как обустраивать свою страну. Мне нравится, как ведет диалог нынешняя российская дипломатия. Без громыковского «нет!», «как вы смеете вмешиваться в наши суверенные дела!», без каких-либо демагогических заходов – дескать, вот вас интересует, что у нас происходит с НТВ, а мы в ответ спросим, что у вас происходит с правами черных американцев. Когда американские официальные лица обсуждают любую тему со своими российскими партнерами, те дают адекватные ответы, четко и понятно излагают российскую точку зрения. Нет ни истерик, ни самооправданий. Есть разговор с партнером. Партнер задает вопрос, вы на него отвечаете. Это тон уверенной в себе державы. И мне кажется, что он создал новый климат в российско-американских отношениях, климат, который мне представляется конструктивным.

Понятно, что Россия сейчас очень съежилась с точки зрения своих мировых амбиций, но у нее постепенно выстраивается политика интересов, и в первую очередь это интересы на постсоветском пространстве. Россия считает, что у нее есть очень серьезные интересы в этом регионе, связанные как с наличием там русскоязычного населения, так и с экономическими факторами. Мы считаем, что это наш законный рынок и мы должны его себе вернуть, это –

условие нашей конкурентоспособности, выживания. Насколько различные группы в американской элите, рассматривая Россию как партнера, ситуативного союзника или, более глобально, рассчитывая на Россию, готовы учитывать ее интересы на постсоветском пространстве? Я могу вам изложить мнение российского президента. Может быть, оно было выражено несколько эмоционально, но как-то он бросил фразу, что людей, готовых учитывать интересы России, в Америке нет, никто с нашими интересами считаться не будет и то, что сделано в Грузии, является ярким свидетельством этого факта.

— Вы подняли очень важную и сложную тему. Мне кажется, что вы сформулировали ее весьма точно, потому что есть разные мнения и разные группы не только в американской элите в целом, но и внутри администрации президента Буша.

— Центр Никсона редко занимает позиции как организация, но мы создали совместно со Школой Кеннеди Гарвардского университета комиссию по американским национальным интересам. В свое время в нее входили и Кондолиза Райс, и многие другие высшие сотрудники нынешней администрации, естественно, до того, как они стали официальными лицами. Так вот, в последнее время наша комиссия концентрировалась на американской политике в отношении России. И в предварительном докладе, который мы подготовили и отправили в администрацию и в конгресс, мы говорили о том, что нужно больше считаться с российскими интересами в так называемом постсоветском пространстве, и критиковали тех американских дипломатов, которые пытаются, если хотите, выдавливать Россию из Грузии, Украины и других бывших республик Союза. Считаю, что подобные действия не только не правомерны в отношении России, но и не соответствуют американским интересам. Так что есть и такая точка зрения в Соединенных Штатах. И еще хочу сказать, что председатель комиссии — Джеймс Шлезингер, бывший министр обороны, бывший директор ЦРУ, человек, который входит сейчас в консультативный совет Пентагона и возглавляет комиссию по изучению того, что происходило с пленными в Ираке, политик, настроенный по отношению к нынешней администрации вполне дружественно. В сопредседатели комиссии включили Брента Скаукрофта — бывшего советника по национальной безопасности в администрациях президента Буша-старшего и президента Форда, который, между прочим, возглавляет сейчас американский консультативный совет по разведке. Другой сопредседатель — Пэт Робертс, сенатор-республиканец из Канзаса, который является председателем сенатского комитета по разведке. Я называю все эти имена по одной простой причине: я хочу продемонстрировать, что та точка зрения, которая была выражена в этом докладе, хотя она и не является универсальной и нас многие за нее критиковали, особенно Збигнев Бжезинский, тем не менее имеет своих сторонников, в том числе и в умеренно республиканских кругах.

Положение на постсоветском пространстве очень сложное. Начнем с того, что, конечно, у России в этом регионе есть законные и важные интересы. И я бы пошел даже дальше и сказал, что, как правило, эти интересы важны для России больше, чем американские интересы на постсоветском пространстве для Соединенных Штатов. Для Америки эти интересы все-таки если и не периферийные, то, скажем, вторичные. Это надо иметь в виду и с российскими интересами, конечно, нужно считаться, если Америка хочет иметь Россию в качестве партнера.

Но у постсоветского пространства есть и своя динамика развития. Вот Грузия. Я думаю, что совершенно неправомерно исходить из того, что Соединенные Штаты хотели избавиться от Эдуарда Шеварднадзе. Я сейчас в этом убежден, потому что разговаривал как со многими официальными лицами США, так и с неофициальными американскими наблюдателями в Грузии. И у меня сложилось четкое убеждение, что многие в администрации Буша охладели к Шеварднадзе по вполне понятным причинам: его неэффективность, коррумпированность и, между прочим, постоянные конфликты с Россией, которые Америке были совершенно не нужны. Но избавляться от него никто не собирался, то есть я имею в виду администрацию. Были американские неправительственные организации, поддержанные большими деньгами, в том числе

средствами Джорджа Сороса. Были влиятельные члены сената, которые сотрудничали с грузинской оппозицией, работали очень тесно с Саакашвили, но это не представляло политику администрации. И, когда от Шеварднадзе удалось избавиться так легко, это в известной мере застало администрацию Буша врасплох.

Если вы посмотрите на американскую официальную позицию, всё, что американские чиновники требовали от Шеварднадзе, – это проведение на определенном этапе новых выборов. Не было давления на Шеварднадзе со стороны Соединенных Штатов, чтобы он ушел в отставку. И администрация Буша на самом деле высоко оценивала роль Игоря Иванова, тогда еще министра иностранных дел, в урегулировании этой ситуации и его координированные действия с Колином Пауэлом.

Поэтому мне кажется, что несправедливо говорить о том, что Соединенные Штаты разыгрывали какие-то антироссийские варианты в Грузии. В период второй администрации Клинтона на Шеварднадзе оказывалось давление со стороны США. Грузинскому президенту давали понять, что если он сумеет объяснить Москве, что Россия больше не главный начальник в Закавказье, то он получит политические очки в Вашингтоне. Это прекратилось с формированием новых отношений между Россией и Соединенными Штатами при Буше и Путине. И если вы обратите внимание на новый тон Грузии в отношении России, на совместное патрулирование в Панкисском ущелье – все эти вещи произошли, я бы сказал, с благословления Вашингтона и, я бы даже сказал, при тактичном совете грузинским властям пытаться нормализовать отношения с Россией.

Но, конечно, есть много проблем. Есть в Америке круги, которые по-прежнему мыслят в категориях холодной войны. Есть люди, которым хочется выдавить Россию с постсоветского пространства. Есть группы, которым очень хотелось бы, чтобы между, допустим, Польшей и Россией лежала Украина, которая была бы буферным государством, враждебным России и способным предохранить Европу от российских орд. Есть такие группы, есть такие настроения, но, с моей точки зрения, не они определяют в целом политику новой администрации.

– Насколько в таком случае посол Майлз проводил самостоятельную политику?

Посол Майлз стал играть серьезную роль, когда уже разгорелся кризис и когда было ясно, что Шеварднадзе не в состоянии контролировать ситуацию. Исход грузинского кризиса, с моей точки зрения, был решен не в Вашингтоне, не в Москве и даже не в результате какого-то миролюбия Шеварднадзе, который боялся пролить кровь. Просто оказалось, что части грузинской армии и подразделения служб безопасности не готовы защищать Шеварднадзе, и, когда это произошло, исход ситуации в пользу Саакашвили был предрешен.

Вообще-то я согласен с этим. Майлз готовил мягкую передачу власти. Он действительно ее готовил, но, конечно, никакой идеи «революции роз» не существовало.

Все зависит от того, какова хронология событий. Потому что на каком-то этапе и Игорь Иванов, и Майлз, и российский посол в Тбилиси, очень сильный посол Владимир Чхиквishvili, который многие годы был советником-посланником в Вашингтоне, – все они играли серьезные роли. Но я сейчас пытаюсь сказать о другом. О том, что «революция роз» не была запланирована администрацией Буша. И она застала администрацию, как и всех остальных, врасплох.

– Многие политологи сейчас говорят о том, что Россия вообще не очень интересует Соединенные Штаты. Во многих случаях, когда Россия подозревает какие-то действия, направленные против себя, на самом деле ее просто не замечают. То есть, грубо говоря, кролика переехала машина, отдавила ему лапу, и кролик считает, что это целенаправленные действия, а на самом деле его просто никто не заметил. Так и Россия не играет какой-либо существенной роли в нынешней американской политике, и значение ее в общем не так велико. Насколько эта точка зрения распространена и насколько она адекватна?

– Россия больше не сверхдержава. Это очевидно. Она не сверхдержава не потому, что так решили Соединенные Штаты, а в результате событий, которые произошли в самой России и которые определяли сами россияне и руководители других советских республик. Россия не принимает активного участия в большинстве региональных конфликтов, за исключением постсоветского пространства. Россия не угрожает Соединенным Штатам. Россия – единственная страна, которая может уничтожить Соединенные Штаты, но мало кто в Америке думает, что это реальная угроза, и российский ядерный арсенал, в общем-то, воспринимают так же спокойно, как арсенал Англии и Франции. Было время в середине 90-х годов, когда боялись гражданской войны в России, опасались, что к власти придут радикальные силы – коммунисты или Жириновский. Но сейчас таких опасений ни у кого нет. И президент Путин дал Америке определенный заряд уверенности в том, что происходит в России. Политическая стабильность в России в этом плане делает ее, к сожалению, менее значимой для Америки. Россия перестала быть угрозой, но Россия не стала крупным партнером. Мне кажется, что процесс постепенно, конечно, идет в том направлении, когда Россию начинают воспринимать в качестве нормальной серьезной державы. Если бы вы задали вопрос, а много ли в Америке размышляют по поводу Великобритании или тем более Франции и Германии? Когда Франция и Германия особенно не мешают американским планам, американцы о них думают очень мало, за исключением периода летних отпусков. Так что я думаю, что есть доля правды в том, что американцы больше не зацикливаются на России, как они зациклились на Советском Союзе. Мне кажется, что это нормальный процесс, который не должен россиян оскорблять и печалить.

Страх перед Россией уже не играет существенной роли. Посмотрите на американские комментарии по поводу политической ситуации в России. Кто-то критикует ограничения свободы печати, особенно телевидения, кто-то – методы проведения российских выборов, прежде всего в Чечне. Кто-то недоволен тем, что слишком много людей из спецслужб находятся в кабинетах власти. Но я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из серьезных людей в Америке сделал следующий шаг и сказал, что в силу всего этого Россия снова превращается в угрозу Соединенным Штатам. Этого не говорят. Говорят, что внутренняя политика России может представлять угрозу для демократии, о том, что в долгосрочной перспективе Россия может превратиться в угрозу своим непосредственным соседям, но не Америке.

– Вы знаете, как в России относятся к американской программе космических войн и к выходу США из Договора по ПРО 1972 года? Программа космических войн – не периферийная программа. При таком дефиците бюджета тратить гигантские средства на периферийную программу было бы в высшей степени странно. Может быть, это паранойя, но Россия рассматривает данную программу как способ нивелировать постсоветский ядерный потенциал. Размещение натовских самолетов в Прибалтике Россия также рассматривает как шаг, очевидно направленный против нее. Когда говорят, что все это делается для быстрого развертывания против терроризма, это звучит достаточно странно. Мы бы еще поняли, если бы это развертывание осуществлялось в Болгарии и Румынии, но против кого развертываться в Эстонии, буквально в нескольких километрах от Питера, России очень трудно понять. Как вы считаете, насколько оправданы все эти страхи?

– Делается ли все это как попытка оказать давление на Россию? Если вопрос ставится таким образом, у меня ответ однозначный. Нет. Существует много людей в гражданском руководстве Пентагона, которые, как мне кажется, имеют множество неоконсервативных фантазий о том, каким должен быть мир, и о том, какова должна быть мессианская роль Америки. Я с этими людьми решительно не согласен. Но даже от них я никогда не слышал не только в личных разговорах, но и в разговорах с теми, кто знает их очень хорошо, идею о том, что противоракетная оборона и расширение НАТО, допустим, в Прибалтику направлено против России. Такого я никогда не слышал. И я уверен, что это не так. С другой стороны, готовность расширять НАТО на Восток, готовность отменять Договор о противоракетной обороне, готов-

ность советовать некоторым руководителям постсоветских государств организовывать такие группировки, как ГУАМ, которые явно направлены на то, чтобы сделать эти государства более независимыми от России, – все эти вещи показывают, что у определенной части американской элиты и определенной части администрации есть ощущение, что с Россией можно особенно не считаться. Мы знаем, что наши мотивы хорошие, мы ничего против наших российских партнеров не замышляем, а если у них есть какие-то неоправданные страхи, это их личное дело. Можно попытаться им объяснить, что не надо слишком волноваться, но менять из-за этого американские планы никто не будет.

Есть такая точка зрения в Вашингтоне. Я понимаю, почему она может задевать российское руководство. Это серьезная проблема, но я не рассматривал бы ее как угрозу. Потому что, если вы посмотрите на общее число американских сил в Европе, оно все-таки резко сокращается, а не увеличивается. И если речь идет об угрозах НАТО России, то даже после приема новых членов военная машина НАТО только съеживается.

– Какие существуют группы в американском истеблишменте с точки зрения их позиции в отношении России?

– Мы уже говорили о том, что, во-первых, есть люди, которые скучают по временам холодной войны. Тогда все было понятно, предсказуемо, и для некоторых из этих людей всегда главной проблемой был не Советский Союз, не коммунизм, а российская империя. И когда они видят, что Россия снова становится на ноги и начинает говорить более уверенным голосом, таких людей это раздражает и напрягает. Эти люди есть и в республиканской, и в демократической партиях.

– Можно было бы их назвать, необязательно всех, просто чтобы было понятно, о ком идет речь.

– Я думаю, что Збигнев Бжезинский – один из наиболее ярких лидеров этого направления. Если говорить о более «левых» группах, то это бывший государственный секретарь Мадлен Олбрайт. Такие люди есть в конгрессе, допустим конгрессмен-демократ Том Лантес. Он родился в Венгрии, бежал от нацистов. И он был одним из главных американских защитников и партнеров Владимира Гусинского. Но я хочу сказать, что это не те силы, которые определяют американскую политику в отношении России. Их голос становится иногда весьма сильным, особенно тогда, когда в Москве кого-то снова арестовывают или когда есть впечатление московского давления, допустим на Латвию или на Грузию.

Они создают тот фон политических дискуссий в Соединенных Штатах, с которым должна считаться любая администрация.

Но не они определяют политику. В администрации есть неоконсерваторы, в демократической партии есть либеральные сторонники гуманитарных интервенций. Ни те, ни другие не являются противниками России. Но, скажем так, Россия не вписывается в их представление о прекрасном. У России своя линия. Россия была против Соединенных Штатов по вопросу о Косово. Россия не поддержала Соединенные Штаты по проблеме Ирака. У России не те отношения с Ираном, которые этим группам кажутся правильными. Они не считают Россию врагом, но Россия для них ни по своей стратегической линии при Путине, ни по своему отношению к демократии не представляется адекватным союзником и партнером Соединенных Штатов.

И в администрации, и в демократической партии есть так называемые реалисты. И я обратил внимание, что в последнее время на реалистов началась большая атака. Все – от некоторых неоконсервативных обозревателей «Нью-Йорк таймс», сенатора Байдана, ведущего демократа сенатской комиссии по иностранным делам, до самого президента Буша – стали вдруг критиковать реалистов. Я думаю, что если про кого-то так много говорят и кого-то так сильно критiquют, это может означать только одно: его позиция начинает усиливаться. И мне кажется, что даже у самого президента Буша есть некоторый разрыв между риторикой и действиями. Например, по вопросу об Ираке Буш приблизился к позиции большего pragmatизма

и, если хотите, большего реализма. Риторика прошлого, риторика американской эксклюзивности и морализма лишь прикрывает движение в сторону прагматизма.

Реалисты исходят из того, что Россия по-прежнему очень сильная держава, нет, не сверхдержава, но очень серьезная держава. Держава, хорошие отношения с которой весьма важны для Соединенных Штатов во многих вопросах: в борьбе с терроризмом, наркотиками, в контроле за распространением оружия массового уничтожения, обеспечении источников энергии для Соединенных Штатов. Кроме того, очевидна роль России в Совете Безопасности ООН, а сейчас администрация Буша опирается на этот международный институт в большей степени, чем когда она пришла к власти. Для реалистов Россия – партнер, который задействован в аспектах внешней политики, затрагивающих жизненно-важные национальные интересы Соединенных Штатов. Они осознают, что с таким партнером без нужды ссориться не надо.

Реалисты признают, что в России есть проблемы и с тем, как проходят выборы, и с тем, как работает телевидение, но они исходят из того, что проблемы есть всюду, что у России своя динамика и что не нужно смешивать редакционные комментарии с конкретной политикой. Мы можем иметь свое мнение по поводу чего угодно, а вот позволять, чтобы это мнение определяло американскую политику в отношении России, ни в коем случае не стоит.

У нас один либеральный комментатор написал гениальную статью в газете «Вашингтон пост», в которой говорилось, что в отличие от президента Буша Керри, если он станет президентом, должен проводить политику на двух уровнях. Соединенные Штаты, мол, такая великая страна, что может позволить себе делать две вещи одновременно. С одной стороны, сотрудничать с Россией там, где это Америке удобно, а с другой стороны, заниматься изменением режима в России. Так он и написал – «изменением режима в России». И его точка зрения строилась на представлении, что поскольку в интересах России – бороться против терроризма и распространения оружия массового уничтожения, то можно делать почти все что угодно против Путина и нынешнего российского политического истеблишмента, а Россия все равно будет играть по американским правилам. Реалистам представляется это предельно наивной точкой зрения, поскольку так в реальном мире не происходит.

– Кого в американской элите вы могли бы отнести к реалистическому направлению?

– В какой-то степени я мог бы назвать реалистом самого президента Джорджа Буша. Он, как и Рейган, человек с очень твердыми убеждениями, часто с радикальной риторикой, но с большим зарядом прагматизма, когда этого требуют американские национальные интересы и интересы эффективности его администрации. Я думаю, что однозначно к этому направлению можно отнести государственного секретаря Колина Пауэла и советника президента по национальной безопасности Кондолизу Райс. В американском сенате все три председателя ведущих комитетов, имеющих отношение к национальной безопасности, – реалисты. Я имею в виду сенатора Лугара – председателя сенатского комитета по иностранным делам, сенатора Джона Уорнера – председателя сенатского комитета по делам вооруженных сил и сенатора Пэта Робертса – председателя сенатского комитета по разведке. Таким образом, реалисты не так слабы и не так изолированы, а поскольку то, что произошло в Ираке, очень отличалось от предсказаний неоконсерваторов, их позиции усилились еще больше.

– Как вы относитесь к демократическому мессианизму нынешней администрации? Можно ли назвать ее риторику искренней? Верите ли вы в то, что демократию можно насаждать где попало?

– Я думаю, что демократия является, если можно так выразиться, гражданской религией Соединенных Штатов. Это то, на чем построено американское общество. Это то, ради чего приезжали в Америку отцы-пилигримы и многие следующие за ними поколения американцев.

Американское желание распространять демократию сначала в рамках своего региона, а потом всего мира – это желание не новое и, в принципе, если используются разумные методы, вполне понятное и благородное. «Если ты хочешь, – говорил один из американских отцов-

основателей, президент Монро, – распространять демократию с помощью своего примера, демонстрируя, как хорошо работает демократия в Америке, то, я думаю, в этом нет ничего предосудительного».

Учитывая то, что Америка является сейчас единственной сверхдержавой, она должна дать понять, что американским союзником может стать лишь та страна, которая движется в демократическом направлении или уже является демократической. Это вполне естественно. Мы дружим обычно с теми, кто больше напоминает нас и кого мы больше понимаем.

Наверное, есть какие-то формы тоталитаризма и откровенной жестокости, которые Соединенные Штаты могут и, учитывая американскую исключительную роль в мире, обязаны предотвращать. Для меня таким примером было то, что сделал Гитлер в отношении евреев и многих других народов Европы. Для меня таким примером является то, что произошло в Камбодже, где убивали миллионы людей, включая детей и женщин, по расовому принципу, истребляли население городов по демографическому принципу. Для меня таким примером является то, что произошло в Руанде, где были перерезаны сотни тысяч людей по этническому принципу – опять-таки людей, не принимавших никакого участия в гражданской войне, ни в чем не повинных.

Я не хочу сказать, что это – форма распространения демократии, но это – форма борьбы с геноцидом, и мне кажется, что Соединенные Штаты имеют в данном случае особую ответственность. Хотя бы просто потому, что только Соединенные Штаты располагают мобильностью вооруженных сил, которая могла бы позволить быстро послать соответствующие контингенты в ту же Руанду, чего Америка, к сожалению, не сделала.

– Но, когда речь идет о демократии, прежде всего должны уважаться демократические суверенные права других народов, право идти своим путем, иметь свой цикл развития и совершать свои ошибки. На это могут возразить: ну а как же Германия и Япония, почему там Соединенные Штаты имели право насаждать демократию и почему в конечном итоге это сработало?

– Я на это отвечу. Во-первых, Германия и Япония были американскими врагами, с которыми Соединенные Штаты вели тотальную войну на протяжении нескольких лет. И, прямо скажем, не только Германия и Япония потерпели сокрушительное поражение, не только они сдались на милость победителя, но большинство населения настолько устало от этой войны, что было готово практически на любые условия, только бы вернуться к нормальной жизни. Это первое.

Второе – это то, что американцы именно потому, что это были бывшие тотальные враги, были готовы иметь там крупные оккупационные силы на протяжении длительного времени и тратить очень большие деньги, для того чтобы эти государства стали демократическими союзниками Америки.

Кроме того, в тот период была еще одна великая держава – Советский Союз. И не только Япония и Германия были тогда нужны Америке в качестве союзников, но и сами эти страны видели в Соединенных Штатах защитника против Советского Союза. Все это способствовало успеху демократического эксперимента в Германии и Японии.

Кроме того, и в той, и в другой стране были свои демократические традиции, традиции свободного рынка, не в той мере, в которой они, допустим, были в Америке или во Франции, но они были. А распространять демократию на районы, которые никакого демократического опыта не имеют, мне кажется, это занятие не только опасное, но и неблагодарное. Потому что, например, вы можете обнаружить, что те люди, которые придут в результате этой демократии к власти, окажутся радикалами с крайне антиамериканскими настроениями.

Приведу пример Египта. В Египте есть большие проблемы с демократией. Но вот у меня четкое впечатление, что если бы там провели выборы, то на место президента Мубарека при-

шли бы не реформаторы-либералы западного типа, а мусульманские экстремисты или по крайней мере мусульманские группы с сильной антиамериканской и антиизраильской ориентацией.

Я считаю, что Америка должна уважать свободный выбор других народов. Но вот толкать тот же Египет в направлении создания антиамериканского правительства – такая логика мне понятна.

– Я хотел бы обратить внимание на такой момент: вы сказали, что в Америке существует гражданская религия. Известно, что религии бывают двух типов. Бывают религии мессианские, в которых изначально заложен заряд их распространения, и бывают религии немессианские, такие как иудаизм, буддизм, в значительной степени, кстати, православие. В Америке с самого начала, хотя были люди, которые относились к этому с осторожностью, существовал заряд мессианизма.

– Мессианизм существовал всегда в американской гражданской религии свободы, как существовал в христианстве, в исламе. Но это лишь одно из течений. Недавно я перечитывал мемуары президента Ричарда Никсона и обратил внимание на его выступление по советскому телевидению в 1959 году, когда он посещал Американскую выставку в Москве. Ему предоставили возможность выступить по советскому телевидению. И он сказал в ходе этого выступления, что не имеет ничего против того, что Советский Союз верит в предпочтительность советской системы и что этой системе принадлежит будущее в мировом масштабе. Все, что Соединенные Штаты хотят от Советского Союза, – это чтобы не было попыток распространять свою систему на остальной мир, навязывать эту систему другим народам и чтобы СССР признал, что отношения между государствами должны строиться на понятии уважения к суверенитету других стран.

Эта идея не была уникальной идеей Никсона. Это была идея Джорджа Вашингтона, это была идея даже такого динамичного и волевого американского президента, как Рузельт, это была идея Дуайта Эйзенхауэра.

В эпоху Рейгана мессианизм стал выглядеть как одна из ведущих сил реальной американской политики. Но при президенте Рейгане это было больше на уровне риторики, которая в значительной мере была направлена не на то, чтобы как-то запугать Советский Союз, а чтобы повлиять на американского избирателя, чтобы покончить с вьетнамским синдромом, чтобы сказать американскому избирателю: страшное время сомнений и самобичевания закончилось, мы верим в свободу, у нас есть цель, у нас есть ресурсы, наше дело правое, мы победим.

На уровне конкретной американской политики все было сложнее. Была, конечно, речь Рейгана «Империя зла», но, во-первых, это была речь перед христианскими проповедниками, где такая абсолютистская терминология вполне естественна. Во-вторых, я эту речь перечитал. По нынешним понятиям она очень умеренная, потому что в ходе этой речи Рейган говорит, что как бы мы ни называли друг друга («Советский Союз тоже называет меня империалистом»), это не означает, что мы должны вмешиваться во внутренние дела друг друга и что мы не можем совместно работать. Кстати, одна из первых вещей, которую сделал Рейган как президент, – отмена эмбарго, которое ввел в свое время Картер, на продажу зерна Советскому Союзу.

Я думаю, что мессианские мотивы действительно стали ведущей силой американской внешней политики при Клинтоне. Причем я виню не столько Клинтона, сколько новые настроения в обеих политических партиях Соединенных Штатов после распада Советского Союза, когда вдруг неожиданно стало ясно, что Америка стала единственной сверхдержавой, и когда казалось, что Америка может, что называется, «ходить по воде, не сильно замочив ноги», не расплачиваясь за это удовольствие большими деньгами и тем более большой кровью.

Мне кажется, что сейчас, после иракского кризиса, по этим мессианским настроениям нанесен существенный удар.

– Как вы могли бы прокомментировать распад СССР? Мы говорили на эту тему с разными людьми. Пожалуй, самым интересным мне показался ответ Киссинджера, который

сказал, что он всегда был уверен, что распадется глобальная советская система, но никак не ожидал распада СССР (Прибалтику мы оставим за скобками). Ваше впечатление от того, как это происходило? Насколько, с вашей точки зрения, закономерна именно такая траектория падения коммунизма, связанная с распадом страны?

– Это очень интересный вопрос. Почему в Америке никто не смог предсказать, включая и меня, естественно, действия Горбачева и как далеко зайдет падение коммунизма, распад Советского Союза?

Причина простая. Еще в середине 70-х годов некоторые из нас, в том числе и я, начали говорить о том, что, когда в России придет к власти новое руководство, когда появятся новые люди, которые одновременно могут говорить и делать, неизбежно появится сильный реформаторский импульс, и в России начнутся большие перемены. Я в этом не сомневался, и я про это говорил и писал.

Но большинство из нас исходило из того, что на каком-то этапе эти реформы натолкнутся на объективную реальность. На ту объективную реальность, на которую натолкнулись реформы Александра Второго: невозможно уничтожать основные опоры империи, без того чтобы империя не рухнула.

И я всегда помню выражение Витте о том, что России после Петра Первого нет, а есть Российская империя. И разрушение российской империи – это уничтожение своего собственного государства.

Мне было очень трудно предположить, что такой человек, как Михаил Горбачев, который вырос в советской системе, который знал прекрасно правила игры внутри этой системы, потому что иначе он не оказался бы Генеральным секретарем и не сумел бы переиграть своих оппонентов, будет обладать уникальной куриной слепотой и не поймет, что, когда ты разрушаешь идеологию, когда ты разрушаешь партию, когда ты разрушаешь КГБ, ничего не построив взамен, и при этом еще отказываешься применять силу, ты неминуемо приведешь к тому, что все здание империи рухнет.

Я считал, что нужно было отпустить Балтийские республики. Я считал так по многим причинам. Если бы это было сделано быстро и безболезненно, то это могло бы сохранить Советский Союз. На Балтийские республики давили, но при этом ничего не были готовы сделать, и это создавало впечатление, с одной стороны, что режим сохраняет какие-то тоталитарные иллюзии, а с другой стороны, что это – слабак, неготовый провести черту на песке. Я хорошо знал тогда Ландсбергиса. Я познакомился с ним, когда он еще не был даже председателем сейма. Он произвел на меня очень сильное впечатление как человек стальной воли и большого pragmatизма. И я помню мои разговоры с ним у себя дома, когда он мне говорил, что вот если бы Советский Союз был готов гарантировать Литве независимость в обозримой исторической перспективе, но именно гарантировать, то все остальные вопросы можно было бы разрешить. У него было только одно требование, в котором он не пошел бы на компромисс: Литва должна стать независимым государством. По поводу всего остального, включая пребывание российских баз на литовской территории и союзнические отношения между Литвой и Советским Союзом, он уверял меня, что у Литвы была бы очень большая гибкость.

И вот появляется Борис Николаевич Ельцин и начинает выдергивать Россию из Советского Союза. Я не знаю ни одного случая в истории, чтобы ведущая нация почувствовала себя жертвой в своей империи и стала разрушать ее своими собственными руками, причем без всякой на то исторической необходимости, без каких-либо национально-освободительных движений, которые бы делали это неизбежным.

Но, если уж вы решили уходить, договоритесь с теми, от кого вы уходите, как договаривались французы с Алжиром, как договаривались англичане с Индией. Чтобы так вот уйти и все абсолютно бросить – такого действительно в истории не было.

Сейчас много говорят про права русскоязычного населения в Балтийских странах и о том, как эти права попираются. Но давайте называть вещи своими именами. Это бряцание оружием после сражения. В свое время было очень легко сказать: дорогие друзья, мы готовы признать вашу независимость, но на определенных условиях: все наши жители, которые живут сейчас на вашей территории, станут гражданами ваших стран и сохранят свои права так же, как, например, это произошло в Литве. Было такое требование со стороны российского руководства? Даже в голову это никому не пришло. Поэтому я должен сказать, что, с моей точки зрения, Ельцинский эксперимент по выводу России из Советского Союза был просто чудовищным.

В свое время у меня был разговор с Ельциным, когда он приезжал в США еще в неофициальном качестве. У него была уникальная, с моей точки зрения, идея, что можно Советский Союз развалить, но он немедленно будет воссоздан. Как он сказал президенту Никсону, «они сами прибегут, на животах приползут, потому что куда они без России денутся?». И вот это сочетание высокомерия и иллюзий привело к той трагической форме распада Советского Союза, за которую многие люди по-прежнему расплачиваются своими жизнями.

— Я абсолютно с вами согласен, но хотел бы заметить, что это все-таки была больная страна, а от больного вообще очень трудно требовать, чтобы он определил методику своего лечения. Мне кажется, что Горбачев, даже со своими речевыми характеристиками, — яркое порождение и признак системной болезни. Претензии выстраивать достаточно сложно, потому что нет объекта для этих претензий.

— Понимаете, для меня это не вопрос претензии, для меня это вопрос понимания, что и как произошло. Вот я сейчас читал последнюю книгу Анатолия Черняева. Человек очень хороший, интересный, у меня, и особенно у моих родителей, было с ним много общих знакомых. Я думаю, что в личном плане этот человек был весьма светлый.

В своей последней книге он пишет очень интересную вещь. Его спрашивают: «Когда Советский Союз согласился на объединение Германии, был ли поставлен вопрос о том, чтобы Германия и другие государства, выходившие из Варшавского пакта, не вступили в НАТО?». Черняев говорит: «Нет, так вопрос не был поставлен». Тогда его спрашивают: «Были ли у Горбачева какие-то советники, которые сказали бы ему, что нужно поставить этот вопрос перед американцами?». Нет, говорит Черняев, нам такое в голову не пришло. «И это было бы абсолютно неправильно при тех новых отношениях доверия, которые были у нас с американской администрацией, с госсекретарем Бейкером и президентом Бушем-старшим».

В Америке есть такое выражение: «Длинный контракт — большая дружба». Как ты можешь ждать, что твои друзья и партнеры дадут тебе долгосрочные обязательства по соблюдению твоих интересов, если ты сам эти интересы не побеспокоился четко сформулировать? Это были действительно какие-то уникальные люди во главе Советского Союза, которые абсолютно были не способны мыслить стратегически, у которых было какое-то упоение своей честностью и открытостью и ощущение, что им эти качества компенсируют. К сожалению, мне это неприятно говорить, но в политике услуга, которая ценится наибольшим образом, — это услуга еще не оказанная. Вот за эти услуги готовы платить и заранее готовы быть за них благодарны. А когда ты все уже отдал сам по себе, фактически по своей инициативе — ну сделал, и слава богу, — то не приходи и не требуй от меня компенсации после свершившегося факта.

— Известна позиция, что национальный суверенитет сейчас значит намного меньше, чем он значил ранее. Концепция ограниченного суверенитета применяется в открытую, и все говорят о крахе Вестфальской системы как о сложившемся факте. Как вы относитесь к этой концепции и насколько можно выстроить реально какую-нибудь другую систему, кроме Вестфальской, основанной на уважении к национальному суверенитету?

— Я большой сторонник Вестфальской системы, и я думаю, что ее похороны несколько преждевременны. И то, что произошло в Ираке, то, на что натолкнулся американский мессанизм, заставит многих задуматься: нужно ли уж так спешить с ограничением суверенитета?

Хочется напомнить, что Вестфальская система была гениальна, поскольку признавала право государств выбирать свой путь развития и, тогда это считалось главным, свою религию. Это была попытка остановить религиозные разногласия, которые привели к долгой и кровопролитной 30-летней войне.

Тогда, конечно, были другие религии, чем сейчас. Сейчас у нас гражданская религия свободы – мы про это говорили.

Но, если ты позволяешь своей религии диктовать поведение в отношении других государств и не считаешься с их представлениями, какими бы ошибочными они ни казались, мне кажется, это всегда приводит к очень нехорошим результатам.

Вестфальскую систему ломал Наполеон, и мы знаем, к чему это привело. Потом Священный союз пытался по-своему ломать Вестфальскую систему, подавляя революцию в Европе – опять ничего хорошего из этого в конечном итоге не получилось.

Мне кажется, что суверенитет, естественно, не является абсолютной категорией, если, допустим, вы видите такого лидера как Гитлер, который говорит откровенно о своем желании завоевывать соседей и создает для этого соответствующую военную машину. В данном случае существует право законной самообороны, и суверенитет не может являться абсолютным. Но при прочих равных, за исключением реальной угрозы агрессии и геноцида, мне кажется, суверенитет должен уважаться.

– Кстати, по поводу суверенитета. Я обратил внимание, что те люди в Америке, которые в большей степени готовы игнорировать суверенитет других, выступают против любых ограничений американского суверенитета. Если речь заходит о Международном суде, Киотском протоколе, любом соглашении, ограничивающем американский суверенитет, эти самые люди, которые хотят распространять свободу во всем мире, не считаясь с суверенитетом других, говорят: нет, Америка такая совершенная страна, к нам это не может иметь никакого отношения.

– Я вам скажу одну вещь. Я сталкивался с большевиками два раза в своей жизни. Первый раз – когда учился в Московском университете: у нас было два-три динозавра из старых большевиков – участников Гражданской войны. Причем один из них был самый уникальный человек по имени Георгий Гурьевич Толмачев, который регулярно хвастался тем, что принимал участие в расстреле царской семьи, и говорил, что он лично всадил пулю в цесаревича Алексея. Потом я выяснил, что он не принимал в этом участия и это просто его чудовищная фантазия. Одни люди хващаются тем, что они совершили подвиг, другие хващаются, что убивали детей и женщин. Но все-таки тогда, когда я их видел в Советском Союзе, это была вымирающая порода.

А потом я познакомился с большевиками в Вашингтоне. К счастью, они не имели возможности никого расстреливать: американская система этого абсолютно не позволяет. Но по своим инстинктам это были непримиримые, крайне убежденные люди, абсолютисты, не терпящие никаких возражений, исключающие возможность, что с ними можно не соглашаться и при этом быть разумным порядочным человеком. Кстати, если вы посмотрите на истоки неоконсервативного движения в Соединенных Штатах, вы обнаружите, что в прошлом многие неоконсерваторы были необольшевиками и троцкистами. Один из самых убежденных американских неоконсерваторов, Майкл Ладин, был когда-то руководителем американского комсомола. Сейчас он работает в «Американ интерпрайс инститьют», был когда-то консультантом Белого дома, одной из ключевых фигур «Иран-Контра». Это именно тот человек, который помог сенатору Маккэйну подготовить резолюцию по исключению России из «Большой восьмерки».

С мессианской уверенностью в себе, готовностью пользоваться любыми методами во имя торжества светлой идеи во второй раз в жизни я столкнулся в Америке. Только с той разницей, что в Америке миссионеры не могут пользоваться тоталитарными методами и что американ-

ское население к этой большевистской идее абсолютно не подготовлено и не готово платить за эту идею реальными жертвами.

Заставить американского избирателя делать то, чего он не хочет, очень трудно. Поэтому мне кажется, что мессианство в Америке в результате войны в Ираке понесло серьезное поражение.

– *Последний вопрос. Возможна ли, на ваш взгляд, в каком-то формате реинтеграция на постсоветском пространстве, условно говоря: Россия – Казахстан, Россия – Белоруссия – Казахстан, Россия – Украина – Белоруссия? Как будет реагировать Америка, если такие процессы реально пойдут и если это будет не псевдоинтеграция, а интеграция, в которой будут присутствовать политические и военные аспекты?*

– Я думаю, любое укрепление российских позиций на постсоветском пространстве вызовет в Америке серьезную озабоченность, а в определенных кругах – крайнюю нервозность.

Это понятно, учитывая советское наследство, учитывая весь багаж прошлого, страх перед тем, что вновь появится мощная держава, с которой придется считаться и которая сузит американские возможности политического маневра.

Но это больше на уровне настроений, выступлений в конгрессе, ни к чему не обязывающих резолюций в сенате и палате представителей, истерик на редакционных страницах «Вашингтон пост» и «Уолл-стрит джорнал». А если речь идет о конкретной американской политике, то я думаю, очень многое будет зависеть от того, какая реинтеграция будет проходить и какими методами при этом будут пользоваться.

Если, допустим, в Казахстане и на Украине легитимные лидеры, пришедшие к власти не в результате гражданской войны или переворотов, принимают самостоятельно такое решение, то я не вижу реальных шансов для американского вмешательства. Может быть, какой-нибудь американский замгоссекретаря выразит озабоченность, Белый дом может сказать, что он поддерживает право этих государств на суверенитет, что их будущее – в Западной Европе, но это в любом случае останется на уровне риторики. Мешать этому никто не будет, если это будет делаться легитимными методами. Ну а если будут попытки военного давления, дестабилизации, то это вызовет совсем другой и весьма резкий ответ. Я надеюсь, что до этого не дойдет.

Путину далеко до «дяди Джо»

На Западе и в оппозиционных кругах модно сравнивать Путина со Сталиным. Однако это сравнение не только безосновательно, но и вредно, поскольку мешает Соединенным Штатам вести эффективную внешнюю политику.

С момента возвращения Владимира Путина на пост президента многочисленные академики, журналисты и политики пытаются убедить администрацию США, что российский лидер – «реинкарнация» Иосифа Сталина. Это опасная тенденция, с которой нужно бороться.

В первую очередь, различия между Сталиным и Путиным очевидны: первый убил миллионы людей (по некоторым оценкам, до 60 миллионов), второго никто даже не обвиняет в чем-то подобном. Внешняя политика «дяди Джо» была нацелена на экспансию: яркий пример – вторжение в Польшу и Финляндию, а также оккупация Восточной Европы после Второй мировой войны. Путин, в свою очередь, за все годы пребывания у власти провел лишь одну войну, и та, согласно выводам независимых экспертов, была ответом на действия грузинского президента Михаила Саакашвили.

И, хотя видный российский оппозиционер Борис Немцов назвал Путина «современным сочетанием Сталина и Абрамовича», нынешним инакомыслящим приходится гораздо легче, чем диссидентам 30-50-х годов. Так, практически в каждом книжном магазине в Москве есть секция, посвященная «антигосударственной» литературе. Очевидно, что владельцы этих учреждений не боятся впоследствии ответить за пособничество критикам путинской администрации.

А ток-шоу Владимира Соловьева на «Первом канале» предоставляет трибуну таким известным оппозиционерам, как Дмитрий Гудков, Алексей Венедиков, Сергей Удальцов и лидер ЛГБТ Николай Алексеев. Конечно, это нетипично для российского государственного телевидения, но у некоторых союзников США (Катара и Саудовской Аравии) нет даже такой площадки для открытых дебатов. А в «тоталитарном кошмаре», каким был СССР при Сталине, даже за политический анекдот грозил ГУЛАГ или расстрел...

Путинская судебная система, которую часто сравнивают со сталинской, конечно, далека от идеала. Однако сегодня мы не видим ничего похожего на показательные процессы, на которых подсудимые давали ложные признательные показания после пыток и шантажа. Сегодняшним оппозиционерам в зале суда активно помогают адвокаты, что было практически невозможно даже во времена Брежнева.

Разумеется, нынешнюю Россию не назовешь оплотом демократии. Стране есть куда разvиваться, но это еще не повод для «карикатурных» сравнений. Отождествление Путина со Сталиным не только мешает Вашингтону сотрудничать с Москвой и вести «эффективную внешнюю политику», но и «опошляет» трагедию жертв сталинизма.

2013 год

Возможен ли заговор против Путина?

Путин сейчас находится между молотом и наковальней. Ему очень трудно найти верный политический баланс между невмешательством в украинскую авантюру и одновременно с этим кажущейся слабостью в глазах его националистического окружения. Если будет казаться, что он бросил Украину, и одновременно с этим будут санкции против России, которые приведут к падению уровня жизни для большинства россиян, то, думаю, впервые за время своего правления он может стать политически уязвимым.

Главная политическая угроза Путину исходит не от недовольных олигархов, а от русских националистов.

Государственный переворот, приведенный в движение симпатизирующими националистам в армии и спецслужбах, в долгосрочной перспективе не так уже невероятен. Заговоры против него пока не ведутся, но, зная Путина, я бы сильно удивился, что он не держит такие возможности в уме, по мере того как пытается решить, как ему быть дальше.

2014 год